

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ДРУЖБЫ НАРОДОВ**

**СЕРИЯ:
СОЦИОЛОГИЯ**

2019 Том 19 № 2

**Научный журнал
Издается с 2001 г.**

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61214 от 30.03.2015 г.
Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

**RUDN JOURNAL
OF SOCIOLOGY**

2019 Volume 19 No. 2

**Founded in 2001
by the Peoples' Friendship University of Russia**

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-2

ISSN 2408-8897 (online); 2313-2272 (print)

4 выпуска в год.

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Публикует статьи по научным специальностям согласно номенклатуре ВАК РФ: 22.00.00 — социологические науки и 09.00.11 — социальная философия. Журнал включен в ядро РИНЦ, Scopus, ERICH PLUS, Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich's Periodicals Directory, EBSCOhost, Google Scholar, WorldCat, Electronic Journals Library Cyberleninka. Журнал индексируется в базе данных Web of Science — Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics). Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать 20826.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология» — периодическое международное рецензируемое научное издание в области социологических исследований. Журнал является международным как по составу редакционной коллегии и экспертного совета, так и по авторам и тематике публикаций.

Цели журнала: публикация результатов фундаментальных и прикладных научных исследований по актуальным вопросам социологической науки, широкий обмен результатами теоретических и эмпирических исследований между специалистами, работающими в различных областях социально-гуманитарного знания. На страницах журнала публикуются материалы по историографии мировой социальной мысли как классического, так и современного периода; статьи по результатам фундаментальных и прикладных исследований по проблематике специальных социологических теорий, по методологии и методике социологических исследований и др. В журнале выступают специалисты, представляющие ведущие научные социологические центры, институты, организации, а также вузы России и зарубежных стран. Широкая тематика журнала представляет возможность публиковаться в нем представителям смежных специальностей (политологам, историкам, экономистам и т.д.), опирающимся в своих исследованиях на эмпирические социологические данные. Кроме научных статей публикуется хроника научной жизни, включающая рецензии, научные обзоры, информацию о конференциях, научных проектах.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе *COPE (Committee on Publication Ethics)* <http://publicationethics.org>.

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/sociology>.

Электронный адрес: socjournalrudn@rudn.university.

ISSN 2408-8897 (online); 2313-2272 (print)

4 issues per year.

Languages: Russian, English.

Indexed/abstracted in Scopus, ERICH PLUS, Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich's Periodicals Directory, EBSCOhost, Google Scholar, WorldCat, Electronic Journals Library Cyberleninka. The journal is indexed and abstracted in the Web of Science — Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics).

Aims and Scope

Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN Journal of Sociology) is a peer-reviewed international academic journal publishing research in sociology and related fields. It is international with regard to its editorial board, contributing authors and thematic foci of the publications.

The aims of the journal: to publish the results of fundamental and applied research on the topical issues of sociology, and to ensure a broad exchange of the results of theoretical and empirical studies between scientists from different fields of social sciences and humanities. In the journal one can find papers on the historiography of the classical and modern periods of the world social thought; on the results of fundamental and applied research devoted to the problems considered by special sociological theories; on the difficulties in choosing methodological approaches and techniques for the study of complex social phenomena, etc. The journal publishes papers of the authors representing the leading sociological centers, institutes, organizations, and universities in Russia and abroad. The thematic 'repertoire' of the journal presents opportunities for authors from many disciplinary fields (political scientists, historians, economists, etc.) relying on the empirical sociological data in their research. The journal also welcomes book reviews, literature overviews, and conference reports.

The journal is published in accordance with the policies of *COPE (Committee on Publication Ethics)* <http://publicationethics.org>.

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues from 2008) and additional information are available at <http://journals.rudn.ru/sociology>.

E-mail: socjournalrudn@rudn.university.

Подписано в печать 06.05.2019. Выход в свет 14.05.2019. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 23,25. Тираж 500 экз. Заказ № 626. Цена свободная.

Отпечатано в типографии ИПК РУДН: 115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, 3

Printed at the RUDN Publishing House: 3, Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,

+7 (495) 952-04-41; E-mail: ipk@rudn.university

© Российский университет дружбы народов, 2019

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ПОЧЕТНЫЙ РЕДАКТОР

Херпфер К., доктор политологии, профессор университета Вены; директор Института сравнительных социальных исследований «Евразийский Барометр»; президент Исследовательской ассоциации «Всемирное исследование ценностей», Австрия. E-mail: c.w.haerpfel@gmail.com

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Нарбут Н.П., доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии РУДН, Россия. E-mail: narbut_np@rudn.university

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Троцук И.В., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии РУДН, Россия. E-mail: trotsuk_iv@rudn.university

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

Бакиров В.С., доктор социологических наук, профессор, ректор Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина, академик НАН Украины, президент Украинской социологической ассоциации (Украина)

Гаспаривили А.Т., кандидат философских наук, доцент, заместитель директора Центра стратегии развития образования МГУ им. М.В. Ломоносова

Голенкова З.Т., доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследований социальной структуры и социального расслоения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Гориков М.К., академик РАН, доктор философских наук, директор Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Диас Николас Х., доктор политологии, профессор факультета политических наук и социологии Мадридского университета Комплутенсе (Испания)

Иванов В.Н., член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, советник РАН

Куропятник М.С., доктор социологических наук, профессор кафедры культурной антропологии и этнической социологии Санкт-Петербургского государственного университета

Назарова И.Б., доктор экономических наук, директор Аналитического центра Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Пан Д., доктор социологических наук, профессор Института социологии Шанхайской академии общественных наук (КНР)

Подвойский Д.Г., кандидат философских наук, доцент кафедры социологии факультета гуманитарных и социальных наук РУДН

Пузанова Ж.В., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии, заведующая социологической лабораторией факультета гуманитарных и социальных наук РУДН

Ротман Д.Г., доктор социологических наук, профессор, директор Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета (Белоруссия)

Хагендорн Л., доктор философии (социальная психология), почетный профессор Утрехтского университета (Нидерланды)

Хазуров Т.А., доктор социологических наук, профессор, первый проректор Кубанского государственного университета

Чамбаликова М., доктор философии (социология), профессор, научный сотрудник Института социологии Словацкой академии наук, заведующая кафедрой социологии и социальной психологии высшей школы Данубиуса (Словакия)

Шафранец К., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии образования и молодежи Института социологии Университета Николая Коперника в Торуне (Польша)

Шнайдер С., доктор философии (социология), профессор Федерального университета Рио Гранде-ду Суль (Бразилия)

Шубрт И., доктор философии (социология), профессор, заведующий кафедрой исторической социологии факультета гуманитарных исследований Карлова университета (Чехия)

Шуакович У., доктор социологических наук, профессор кафедры философии и социальных наук, Белградский университет (Сербия)

Литературный редактор *К.В. Зенкин*
Компьютерная верстка *Е.П. Довголевская*

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Почтовый адрес редакции:

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2
Тел.: (495) 434-20-12, e-mail: socjournalrudn@rudn.university

EDITORIAL BOARD

HONORARY EDITOR

Haerpfer C., D.Sc (Political Sciences), Professor, University of Vienna; Director, Institute for Comparative Survey Research “Eurasia Barometer”; President, World Values Survey Association, Austria. E-mail: c.w.haerpfer@gmail.com

EDITOR-IN-CHIEF

Narbut N.P., D.Sc (Sociology), Professor, Head of Sociology Chair, RUDN University, Moscow, Russia. E-mail: narbut_np@rudn.university

EXECUTIVE SECRETARY

Trotsuk I.V., D.Sc (Sociology), Professor, Sociology Chair, RUDN University, Moscow, Russia. E-mail: trotsuk_iv@rudn.university

EDITORIAL BOARD

Bakirov V.S., D.Sc (Sociology), Professor, Rector of V.N. Karazin Kharkiv National University, Academician of National Academy of Sciences of Ukraine, President of Ukrainian Sociological Association (Ukraine)

Gasparishvili A.T., PhD in Philosophy, Associate Professor, Deputy Director, Center for Educational Development, Lomonosov Moscow State University (Russia)

Golenkova Z.T., D.Sc (Philosophy), Professor, Head of Center for Social Structure and Social Differentiation, Federal Sociological Research Center of Russian Academy of Sciences (Russia)

Gorshkov M.K., D.Sc (Philosophy), Academician of Russian Academy of Sciences, Head of Federal Sociological Research Center of Russian Academy of Sciences (Russia)

Hagendoorn L., D.Sc (Social Psychology), Professor Emeritus of Utrecht University (Netherlands)

Díez Nicolás J., D.Sc (Political Sciences), Professor of School of Political Sciences and Sociology, Complutense University of Madrid (Spain)

Ivanov V.N., Corresponding Member and Advisor of Russian Academy of Sciences, D.Sc (Philosophy), Professor (Russia)

Khagurov T.A., D.Sc (Sociology), Professor, First Vice-Rector of Kuban State University (Russia)

Kurovjatnik M.S., D.Sc (Sociology), Professor of Chair of Cultural Anthropology and Ethnic Sociology, Saint Petersburg State University (Russia)

Nazarova I.B., D.Sc (Economics), Head of Analytical Center, National Research University “Higher School of Economics” (Russia)

Pan D., D.Sc (Sociology), Professor of Sociology Institute of Shanghai Academy of Social Sciences (China)

Podvoyskiy D.G., PhD in Philosophy, Associate Professor, Sociology Chair, RUDN University (Russia)

Puzanova Zh.V., D.Sc (Sociology), Professor, Head of Sociological Laboratory, RUDN University (Russia)

Rotman D.G., D.Sc (Sociology), Professor, Head of Center for Sociological and Political Research, Belorussian State University (Belorussia)

Schneider S., D.Sc (Sociology), Professor of Sociology of Rural Development and Food Studies, Federal University of Rio Grande do Sul (Brazil)

Szafrańiec K., D.Sc (Sociology), Professor, Chair of Sociology of Education and Youth, Institute of Sociology of Nicolaus Copernicus University in Toruń (Poland)

Čambáliková M., PhD in Sociology, Professor, Researcher at Institute of Sociology of Slovak Academy of Sciences, Head of Sociology and Social Psychology Chair, Higher School Danubius (Slovakia)

Šubrt J., PhD (Sociology), Professor, Head of Historical Sociology Chair, Charles University (Czech Republic)

Šuvaković U., D.Sc (Sociology), Professor, Department of Philosophy and Social Sciences, University of Belgrade (Serbia)

Review Editor *Konstantin V. Zenkin*
Computer design *Ekaterina P. Dovgolevskaya*

Editorial office:

Postal Address of the Editorial Board:

10/2 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russian Federation
Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: socjournalrudn@rudn.university

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ В СЕРБИИ

Три поколения друзей — социологов из России и Сербии (предисловие У. Шуваковича) (на англ. яз.)	189
Тркуля Й. 80-летний юбилей журнала «Сербское социологическое обозрение» (на англ. яз.)	192
Шувакович У. Этническая дистанция студентов Сербии (на англ. яз.)	203
Петрович Я. Языковые практики цыган в Сербии: инклюзия или ответ на стигматизацию? (на англ. яз.)	212
Милтоевич В. Еврооптимизм или евроскептицизм: мнения студентов Сербии, Македонии и Болгарии (на англ. яз.)	222
Шлюкич С., Шлюкич М. Социологические аспекты трансформации аграрной структуры Сербии в 1990—2018 годы (на англ. яз.)	235

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО:

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Пашкова Е.В., Морозенская Е.В., Тамбо Талла Робер Херве, Калиниченко Л.Н. Возможности решения социальных проблем стран Африки на основе государственно-частного партнерства	244
Нидерле П., Куракин А.А., Никулин А.М., Шнайдер С. Концепция «продовольственных режимов» как модель объяснения стратегий аграрного развития (на примере России и Бразилии)	261

МАССОВЫЕ ОПРОСЫ, ЭКСПЕРИМЕНТЫ, КЕЙС-СТАДИ

Назаров М.М., Иванов В.Н., Кублицкая Е.А. Медиа, институты и доверие российских граждан	277
Вишневский Ю.Р., Нархов Д.Ю. Парадоксы модернизации высшего образования: итоги 20-летнего мониторинга в Свердловской области	289
Шабденова А.Б., Алимбекова Г.Т. Межконфессиональное согласие и толерантность городских жителей Казахстана: результаты социологического исследования	302

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЛЕКТОРИЙ

Маршак А.Л. Социология культуры: пути научного становления (1968—2018)	313
Киселев А.Г., Киричѐк П.Н. Тренды политической коммуникации в контексте социальной модернизации	322
Южаков В.Н., Добролюбова Е.И., Спиридонов А.А. Методические подходы к оценке контрольно-надзорной деятельности с позиции граждан как конечных бенефициаров	337

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Дерюгин П.П., Лебединцева Л.А. «Малая социальность» в мире большой социологии: размышляя об идеях Р. Коллинза (к 30-летию городского социологического семинара в СПбГУ) 352

РЕЦЕНЗИИ

Исцелить травму: Рецензия на книгу: Тощенко Ж.Т. Прекариат: от прото-класса к новому классу 364

НАШИ АВТОРЫ 373

CONTENTS

SOCIOLOGY IN SERBIA

Three generations of friends – sociologists from Russia and Serbia (Foreword by U. Šuvaković)	189
Trkulja J. 80 th anniversary of the journal <i>Sociološki Pregled/Serbian Sociological Review</i>	192
Šuvaković U. Ethnic distance among the students of Serbia	203
Petrović J. Language practices of the Romani community in Serbia: Inclusion or response to the stigma?	212
Miltojević V. Euro-optimism or euroscepticism: Opinions of students from Serbia, Macedonia and Bulgaria	222
Šljukić S., Šljukić M. Sociological aspects of the transformation of agrarian structure of Serbia in 1990—2018	235

CONTEMPORARY SOCIETY:

THE URGENT ISSUES AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

Pashkova E.V., Morozenskaya E.V., Tambo Talla Rober Herve, Kalinichenko L.N. Possibilities of solving social problems of African countries by means of public-private partnership	244
Niederle P., Kurakin A.A., Nikulin A.M., Schneider S. Theory of “food regimes” as a model to explain the strategies of agrarian development (the ‘cases’ of Russia and Brazil)	261

SURVEYS, EXPERIMENTS, CASE STUDIES

Nazarov M.M., Ivanov V.N., Kublitskaya E.A. Media, institutions, and the Russians’ trust	277
Vishnevsky Yu.R., Narkhov D.Yu. Paradoxes of the higher education modernization: Results of the 20-year monitoring in the Sverdlovsk Region	289
Shabdenova A.B., Alimbekova G.T. Religious harmony and tolerance of the urban residents of Kazakhstan: Results of the sociological research	302

SOCIOLOGICAL LECTURES

Marshak A.L. Sociology of culture: Paths of scientific development (1968—2018)	313
Kiselev A.G., Kirichek P.N. The trends of political communication under social modernization	322
Yuzhakov V.N., Dobrolyubova E.I., Spiridonov A.A. Methodological approaches to the assessment of state control and inspection system by the citizens as its beneficiaries	337

SCIENTIFIC LIFE

Deriugin P.P., Lebedintseva L.A. ‘Small sociality’ in the world of large sociology: Reflections on the ideas of R. Collins (to the 30th anniversary of the City Sociological Workshop in the SPSU) 352

REVIEWS

To heal the trauma: Review of the book: Toshchenko Zh.T. *Prekariat: From Protoproletariat to a New Class*. Moscow: Nauka; 2018 364

AUTHORS 373

СОЦИОЛОГИЯ В СЕРБИИ

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-2-189-191

Three generations of friends — sociologists from Russia and Serbia (Foreword by U. Šuvaković)

One can often hear in Serbia that the Serbs and Russians are two closest nations due to very similar cultures, languages, religion and joint participation in wars, etc. This is a common public opinion not familiar with sociological studies conducted in different decades by the author of this Foreword and his colleagues, which do confirm such an opinion. However, if we consider the scientific relationship of two countries in social sciences, we must admit that the closeness of our countries is not evident for many reasons: Russia (like the former USSR) is a huge country, one of the leading nations of the world of science; thus, the social research findings of a small country like Serbia are not of a particular interest to it; besides its own research, Russia makes great efforts for scientific cooperation with other big states (China, India, Brazil, Germany, USA), which is certainly understandable, so Serbia is much less important in that respect as well. Besides, under globalization and due to the facts that many Serbian scientists got education in the West, English is the first foreign language for 89.8% of Serbian students (Russian — only for 2%) [1. P. 107], 86% of references in the key Serbian scientific journals on social sciences and humanities are from the USA and UK [2. P. 476], the scientific exchanges between academic communities of Russia and Serbia is limited, which is really a pity.

However, this does not mean that there is no such cooperation at all. In sociology, after the II World War, close scientific relationships were established between two researchers — professors Zinaida Tikhonovna Golenkova (1939) and Danilo Marković (1933—2018). To the memory of their fruitful cooperation and established scientific connections between Serbia and Russia we dedicate the following texts.

How did it all begin? When conducting a research for her doctoral thesis *Social-Class Structure of the Contemporary Yugoslav Society and its Reflection in the Sociological Literature of the SFRY* [«Социально-классовая структура современного югославского общества и ее отражение в социологической литературе СФРЮ»] that she defended in 1972 at the Lomonosov Moscow State University, Zinaida Golenkova visited the former Yugoslavia, and Danilo Marković from the Faculty of Political Sciences of the University of Belgrade was her mentor, which created the basis for their future scientific cooperation. For decades it developed by Danilo Marković participation in scientific conferences in Russia, and Zinaida Golenkova — in scientific conferences

in Yugoslavia and then in Serbia. Joint papers were an integral part of this cooperation together with scientific friendships with other Russian sociologists, primarily from the Institute of Sociology of the Russian Academy of Science (academicians V.A. Yadov and M.K. Gorshkov, professor Narbut, and many others). Moreover, Danilo Marković worked as an ambassador of the Federal Republic of Yugoslavia in Russia (1994—1998), which he used to develop a network of Serbian and Russian scientists not only in the field of sociology but other social sciences. At that time, the Russian translation of his book *Social Ecology* was published, presented the Serbian sociological thought on the environmental issues and became an important textbook for many Russian universities. I believe that in the history of the Serbian diplomacy it is hard to find any other ambassador who paid so much attention to the scientific cooperation of Serbia with the host country. The Russian side paid tribute to his work by prominent doctorates from the Lomonosov Moscow State University and the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, and by professional awards including the Medal of Pitirim Sorokin and membership in academies.

What is especially important is that Professors Golenkova and Marković did not hide their scientific cooperation but shared it with their colleagues and students in Russia and Serbia. From Serbia, Professors Ljubiša Mitrović, Zoran Arandelović, Darko Nadić, Vesna Miltojević, and others were among the ones who had the opportunity to be part of this cooperation. Thanks to Professor Marković, the author was introduced to Zinaida Golenkova in Belgrade, and she immediately offered him to publish an article in the journal *Sociological Studies* [“Социологические исследования”]. A conference in Kosovska Mitrovica followed, attended by M.K. Gorshkov, Z.T. Golenkova and other Russian researchers. In the same year, Professor Danilo Marković, Zinaida Golenkova and me published a book *Sociology* at the Faculty of Philosophy in Kosovska Mitrovica, and students still read it today. A year later, a conference on the youth value orientations in Russia, China, the Czech Republic and Serbia was held in Belgrade, and Professors N.P. Narbut and I.V. Trotsuk were also among the guests. Zinaida Golenkova was elected a foreign member of the Serbian Academy of Education and received its charter during her stay in Belgrade a few years later. Then, in 2012, Professor Marković and I were in Moscow at the conference of the Institute of Sociology, and the Memoranda of Cooperation between the Institute of Sociology, the Faculty of Humanities and Social Sciences of the RUDN University and the Faculty of Philosophy in Kosovska Mitrovica were signed.

Our regular meetings at the European Sociological Association (ESA) conferences followed, when we exchanged information about the achievements of our academic communities. Irina Trotsuk visited Serbia several times to participate in sociological conferences organized by the faculties of philosophy in Kosovska Mitrovica and Niš. During her last visit, when discussing the possibilities of the Russian-Serbian cooperation, we agreed on publishing a thematic block in the *RUDN Journal of Sociology* to present the contemporary sociological research in Serbia. Moreover, Serbian leading scientific journals in the field of sociology and politics (*Sociološki Pregled [Sociological Review]*, *Srpska Politička Misao [Serbian Political Thought]*, *Teme [Themes]*, *Zbornik*

Radova Filozofskog Fakulteta u Prištini [Collection of Papers of the Faculty of Philosophy in Priština], etc.) started to publish papers on the results of studies conducted by Russian scientists more often, and Serbian sociologists began to publish papers in the *RUDN Journal of Sociology* and *Sociological Studies*. I believe, it was very important for the Serbian sociological community to publish Serbian translations of two monographs: Peilin Li, M.K. Gorshkov's et al. *Handbook on Social Stratification in the BRIC Countries: Changes and Perspectives* (2014) and Z.T Golenkova and N.P. Narbut's *History of Sociological Thought in Eastern and Central Europe* (2015). These translations filled a large gap for Serbian scholars, especially in the field of social sciences, had almost no or little information on the issues of these two important books. A year later, the RUDN University published my book *Social Changes in Serbia* with the great support of my colleagues Irina Trotsuk, Nikolay Narbut and Zinaida Golenkova.

Today, there is already the third generation of Russian-Serbian sociologists who cooperate due to the scientific connections and friendships established and developed by Professors Danilo Marković and Zinaida Golenkova in the 1970s, at the time of the USSR and the SFRY. We pay tribute to their contribution to the development of scientific and sociological cooperation between the Serbian and Russian peoples by presenting to the Russian academic community the results of sociological studies in contemporary Serbia. And we certainly invite our Russian colleagues to publish their papers in Serbian journals.

- [1] Šuvaković A. Results of the European multilingualism policy in the first decade of the 21st century in member states of the European Union and Serbia. *Srpska Politička Misao*. 2018; 2 (In Serbian).
- [2] Kragović B. Globalization and scientific ideas exchange in social sciences and humanities. V. Vuletić, J. Ćirić, U. Šuvaković (Eds.). *Globalization and Sovereignty Decline*. Kosovska Mitrovica; Belgrade; 2013 (In Serbian)

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-2-189-191

**Три поколения друзей —
социологов из России и Сербии
(предисловие У. Шуваковича)**

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-2-192-202

80th anniversary of the journal *Sociološki Pregled/Serbian Sociological Review**

J. Trkulja

University of Belgrade
Bulevar Kralja Aleksandra, 67, Beograd, Serbia, 11000
(e-mail: trkulja@ius.bg.ac.rs)

Abstract. In 2018, the journal *Sociološki Pregled/Sociological Review* celebrated its 80th anniversary. The first Serbian sociological journal *Društveni Život/ Social Life* was published in Belgrade in 1920 and 1921, and then renewed in 1930 in Novi Sad. The editor-in-chief and publisher of this journal was Mirko Kosić, a professor at the Faculty of Law in Subotica. After establishing Society for Legal Philosophy and Sociology in 1935 and Society for Sociology and Social Sciences in 1938, a new sociological journal — *Sociological Review*, edited by a professor from the Faculty of Law in Belgrade, Đorđe Tasić — began to be published. Thematically it covered various sociological disciplines and other social sciences for sociology is a multidisciplinary science. The work of the Sociological Society and the journal was interrupted by the II World War, in which Đorđe Tasić was killed. Other members of the Society for Sociology and Social Sciences and associates of *Sociološki Pregled* were no longer interested in sociology and sociological topics. *Sociološki Pregled* was renewed in 1961 by the Serbian Sociological Society, first as a collection of papers and then as a journal in 1964. Since then, the journal has been an active participant of scientific and academic life in this region providing an overview of current trends in sociology in the world and in our country. The intellectual elite of Serbia has participated in its publishing both directly and indirectly, both its oldest and prominent members and the youngest ones. About 200 issues of *Sociološki Pregled* with more than 30,000 pages were published from 1938 to 2018 and present a valuable material for sociological life and an irreplaceable information manual on decades of contemporary history of Serbia and Yugoslavia. Such a role could not have been played by any other journal. *Sociološki Pregled* is a theoretical journal, a manual, an informative newsletter, a reminder, a witness, an informer — all at the same time. That is why it is necessary to consider the journal in both historical and contemporary perspectives.

Key words: periodicals; sociology; Mirko Kosić; Đorđe Tasić; Radomir Lukić; *Društveni Život/ Social Life*; *Sociološki Pregled/Sociological Review*; Serbian Sociological Society

First sociological journals in Serbia appeared relatively late. The journal *Društveni Život/Social Life* was established in 1920 and *Sociološki Pregled/Sociological Review* — in 1938. Before that papers on sociology were published in literary and law journals. In some literary journals such as *Letopis Matice Srpske/Chronicle of Matica Srpska*, *Brankovo Kolo/Branko's Round Dance*, *Srpski Književni Glasnik/Serbian Literary Magazine*, *Delo/Labour*, *Savremenik/The Contemporary*, etc., considered some sociological questions.

The period between two World Wars was marked by the rise of Serbian periodicals: a number of high-quality journals were published in various fields of science, culture

* © J. Trkulja, 2019

The article was submitted on 31.01.2019.

and art, gathered many collaborators and were printed in thousand copies. At that time, many scholars who studied at prestigious European universities worked at Serbian universities and other institutions of science, education and culture. They tried to set up the highest standards of periodicals in terms of concept, editing, frequency of publication, and so on. Besides traditional research, scientific, information and pedagogical missions, these journals contributed to the development of new scientific and university disciplines following the example of France, Germany, Great Britain and the United States.

In this historical, ideological and theoretical context, a group of professors from the Faculty of Law in Belgrade and in Subotica contributed to the institutionalization of sociology and its disciplines: Mirko Kosić, Đorđe Tasić and Mihailo Ilić. With the support of distinguished professors and academicians Slobodan Jovanović, Živojin Perić, Toma Živanović and younger colleagues, they founded first sociological journals and libraries that published sociological papers and discussed topics of general sociology, sociology of law, rural sociology, political sociology, etc.

The first Serbian sociological journal *Social Life* was founded by Mirko Kosić (1892—1956). He was the first to explain the most important epistemological issues of the sociological method relying on Max Weber works and on the basic principles of the positivist method of Émile Durkheim [9. P. 154]. He is the author of the first textbook and monographic studies in Serbian sociology [17. P. 476]. In August 1920, in Belgrade, Kosić founded the journal *Social Life — Social Scientific Journal for Politics, Economy, Legislation and Social Sciences* — as the first step on the path to the establishment of the Sociological Society in Belgrade, which had already existed in Zagreb since 1919. This was the first sociological journal in Serbia that met the highest standards of European periodicals of the time, and Kosić, as its editor and contributing author, created its conception [20. P. 343]. The journal aimed at presenting the debates and views of national and foreign scholars. Kosić was the editor of the journal from its first to the last issues, its publisher and financier; Đorđe Tasić was a member of the Editorial Board, and Fedor Nikić — its secretary [10. P. 139]. The journal *Social Life* followed the pattern of German journals on social sciences, thus, having permanent sections: Discussions and Articles, Reviews and Impressions, Political Review, Economic Review, Legal Review, Book Review, Journal Review, Bibliography, Notes, Marginals.

Besides Kosić, Tasić and Nikić, the authors of articles were the most distinguished academicians, university professors and public figures. The journal published articles and studies on sociology and social sciences; current cultural, educational, social and economic issues were discussed and solutions offered (for example, on agrarian reform, educational policy and many others). The journal published translations of foreign works, critical reviews of books and journals on “sociology, social psychology, ethno-psychology, national economy, history, cultural history, public administration, law, politics, religion. The most frequent topics for book reviews were: current economic and political issues (the United States, European cooperation and customs policy, principles of free trade in the post-war world and trade policy of the Baltic states), political systems (fascism, bolshevism, crisis of democracy and parliamentarianism). There was a particularly large number of reviews on the critique of Marxism and the Bolshevik social order” [20. P. 335].

After the fourth volume, the journal *Social Life* ceased to exist in 1921. Kosić found it increasingly difficult to finance it. In 1930 in Novi Sad, with Mihail Konstantinović, a professor at the Faculty of Law in Subotica, Mirko Kosić renewed the journal. Beside Mirko Kosić, there were other associates working on the renewed journal in 1930: Miloš Milošević, Slavko Stanić, Vladislav Stanić, Mihailo Konstantinović, Danilo Danić. The journal was to be published monthly, and six issues were published — in February, March, April, May, June and July. The seventh issue, announced for October 1930, was never printed. Thus, the history of the first Serbian sociological journal ended. *Social Life* was the first and only sociological journal of this type in Serbia. It filled a gap in the professional literature of the time and brought together the most famous social and cultural workers to systematically study social life and cultural policies [15. P. 28]. Thus, the journal was a pioneer of sociological periodicals in Serbia.

In the mid-1930s, sociology in Serbia entered a new stage by turning into a university discipline. Slobodan Jovanović was the first to focus on social topics within his courses on state law. In 1938, his two books were published: *Sociology of Religion* and *Formal Sociology*. This started the process of institutionalization of sociology as a scientific and academic discipline, primarily at the Faculty of Law in Belgrade, where many professors systematically worked on the social recognition of sociology (Živojin Perić, Đorđe Tasić, Mihailo Ilić, Božidar Marković, Jovan Đorđević). The Department of Sociology was founded at the Faculty of Law of the University of Belgrade in 1935, and the course on rural sociology was introduced in 1938 by Sreten Vukosavljević.

Although activities for founding the Sociological Society in 1920—1921 were successful, it was not created. This did not discourage Đorđe Tasić who continued to prepare conditions for the Sociological Society and a new sociological journal. He managed to establish the Society for Legal Philosophy and Sociology in 1935. In 1936—1937, Tasić went to Paris and Brussels to study the work of the Solvay Institute of Sociology in Brussels and participated in several sociological conferences. After returning to Serbia, Tasić sought to establish principles and methods of the Solvay Institute in Serbia and renamed the Society for Legal Philosophy and Sociology into Society for Sociology and Social Sciences since 1938 [2. P. 10].

According to its first members and associates, the Society was the main initiator and supporter of the development of sociology in Serbia: “In the mid-1930s, sociological waves flooded our environment, so most of our younger members and associates were interested in sociology at that time. There was a change of the name of our Society and it became the Society for Sociology and Social Sciences” [5. P. 17]. Besides theoretical work, it also contributed to the serious research work in sociology, for instance in rural sociology and peasant studies. The initiator of the study was Tasić in cooperation with Sreten Vukosavljević, who headed the field research [5. P. 8].

Within the Society, in 1938, Tasić founded the journal *Sociološki Pregled* [13]. Unlike *Social Life* that followed the standards of German journals, *Sociološki Pregled* was under the strong influence of French periodicals, especially of the Durkheim’s school. The journal was very professional and published articles on sociology and its disciplines. The first issue was a thematical collection of papers of 436 pages aimed

at contributing to the development of a new social science in Serbia — sociology: its promotion, explaining its theoretical foundations, and applying sociological knowledge to the study of contemporary society. Society for Sociology and Social Sciences began to publish *Sociološki Pregled* so as “to contribute, by the power of its members and according to the possibilities of work in our country, to the progress of social sciences in our country. It did not come to ruin authority or proclaim truths that are unknown. It has a modest ambition to take a step further in studying social life from the current point and to introduce the methods of work that have already won the world. In particular, sociology in our country is represented as in rarely any country. It was literally only yesterday that it became a separate course at our universities” [16. P. 3].

The journal’s associates were the most distinguished lawyers, academicians and university professors — philosophers, historians, biologists, psychologists and, as the Editorial Board emphasized, “as a rule”, everyone who worked in their profession: “If an exception was made, we were confident in the knowledge and ability of our associate” [16. P. 5]. In the articles, they discussed key issues of sociological science: its subject, tasks, and relationship with other social sciences. They advocated the interpretation of sociology as a synthetic and general social science. Some authors pointed out that it was very difficult to make clear boundaries between general sociology and the so-called ‘special sociology’ due to their close relationships.

Besides analytical character, the articles in the first issue had a program character. It was clearly indicated that the journal “will primarily be interested in such issues as: the attitude of the nation to the state and of various social forces to political forms, the position of certain social groups, classes and professions in the society”. Their studies with the ‘social-economic background’ were to reveal illusory character of all romantic, nationalistic and racist ideas based on the theories that one should simply “want and be aware of one’s psychic and moral singularity” [16. P. 4]. Thus, the Editorial Board and authors choose issues that were urgent, theoretically and methodologically relevant and scientifically founded.

Đorđe Tasić (1892—1943), a professor at the Faculty of Law of the University of Belgrade, played a decisive role in the formation of the Sociological Society and, which would not have been possible without the support of the leading professors — Slobodan Jovanović, Živojin Perić, Toma Živanović, Mihailo Ilić, Božidar Marković, and younger colleagues — Sreten Vukosavljević and Radomir Lukić [1. P. 267]. They supported the young sociological science and its institutionalization in Serbia. Due to their support, Tasić had prerequisites and grounds to establish the Sociological Society and the journal. Therefore, everything undertaken to make sociology a university and a scientific discipline in Serbia from 1935 to 1941 was connected to him.

The first issue of the journal was dedicated to the relationship between sociology and social sciences. The journal opened with an Introduction, usually written by the Editor-in-Chief, Đorđe Tasić, and signed by the Editorial Board. The Introduction informed that with the journal the Society declared a new task — to “publish the works of members and associates (friends) of the Society and also some reports from the meetings” [16. P. 3]. These meetings of the Society were held at the Faculty of Law in Belgrade,

first in the old building in Kosančićev Venac, and later in the new one. The editorial introduction was followed by four thematic sections. The first “Sociology and Social Sciences” consisted of articles by Slobodan Jovanović, Đorđe Tasić, Borivoje Milojević, Siniša Stanković, Nikola Vučo, Slobodan Popović, Dušan Popović, Jovan Đorđević, Radomir Živković, Borivoje Panjevac, Slobodan Drašković, Dragoslav Todorović, Ljubomir Dukanac, Božidar S. Marković, Branislav Nedeljković. In the second section “Development and Contemporary State of Sociology”, there were papers by Mihailo Avramović, Nikola Vučo, Aurel Pampu, Ivan Esih, Đorđe Tasić and Mihailo Konstantinović. In the third section “Resources and Teaching”, the authors tried to transfer their experience in methods to teaching sociology (Jovan Đorđević, Dragoslav Janković, Đorđe Tasić, Nikola Mirković). At the end of the issue, there was the section “Critical Book Review”: 20 authors reviewed 128 books on 90 pages! Finally, there was the Introduction and Summary in French.

The authors discussed key issues of sociology and advocated a definition of sociology as a synthetic and general social science that “renounced its former” imperialist ambitions “and emphasized the principle of mutual cooperation between all sciences about man and society”. The ideas of many authors of the first issue of *Sociološki Pregled* were avant-garde for that time and partly even for today, many ideas were beyond the borders that were later established between social sciences. The first Editorial Board of *Sociološki Pregled* supported “cooperation of all social sciences” within a multidisciplinary approach for “if there is a biological moment, there is also a social one: if there is psychological one, there are also the other two — biological and social” [16. P. 7]. Almost six decades later, the Gulbenkian Commission headed by Immanuel Wallerstein declared almost the same: “To be historical is not an exclusive purview of persons called historians. To be sociological is not an exclusive purview of persons called sociologists. It is an obligation of all social scientists. ... In short, we do not believe that there are monopolies of wisdom or zones of knowledge reserved to persons with particular university degrees” [11. P. 123].

Moreover, since its first issue, *Sociološki Pregled* has always had a social dimension besides the scientific one: in terms of popularization of sociology as a science that was only developing in our country, and in terms of professional education of the members of the Society for Sociology and Social Sciences [9. P. 115]. Thus, in the first issue, about 150 reviews were published — of the most important books (foreign and Serbian) on sociology. This tradition of ‘enlightenment’ has been kept for a long time until it was ended by the scienometry and then renewed by the current Editorial Board. Unfortunately, the work of the Sociological Society and the journal was interrupted by the II World War, in which Đorđe Tasić was killed, and after the war most members of the Society for Sociology and Social Sciences and associates of *Sociološki Pregled* were no longer interested in sociology and sociological topics.

At the time, besides *Sociološki Pregled*, there were other journals that united some members of the Sociological Society and published papers on sociology. First, there was the journal *Pravna Misao/Legal Thought* published in Belgrade from 1935 to 1945. There were sociological journals *Društveni Pregled/Social Review* (Belgrade, 1937) and

Arhiv za Sociologiju i Književnost/Archives of Sociology and Literature (Belgrade, 1939), but they did not work for long. Then sociological papers were published in *Arhiv za Pravne i Društvene Nauke/Archives for Legal and Social Sciences*, in the library “Politika i društvo”/“Politics and Society” and in the literary newspapers *Srpski Književni Glasnik/Serbian Literary Magazine*, *Delo/Labour*, *Danas/Today*, etc.

After the II World War and immediately after the liberation of the country, the development of sociology and sociological periodicals stopped. In 1946, the authoritarian political system of one dominant party with its rigid ideology was established, which affected sociology and made sociology of law still marginalized and undeveloped. Sociology was declared a “bourgeois and false science, from which it is impossible to learn anything” [6. P. 110], “a typical expression of the ideology of civil society, and an overall non-scientific and conservative way of thought” [8. P. 646], which stopped the development of sociology and sociological periodicals in Serbia.

Radomir Lukić, who contributed greatly to the development of sociology in Serbia, opposed this general trend and followed the path set by Đorđe Tasić. After the II World War, when dogmatic Marxism and official politics rejected sociology as a “bourgeois science”, Lukić bravely and decisively followed Tasić’s path. At the beginning of 1954, he publicly advocated sociology as a compulsory course at law faculties. He participated in the founding of the Yugoslav Society for Sociology in October 1954. Subsequently, on his initiative, on December 28, a section for Serbia was established within the Society, soon named the Serbian Sociological Society. In 1954—1956, Lukić was the first President of the Serbian Sociological Society, wrote the first university textbook on sociology (1957), contributed to the introduction of sociology as a compulsory university course (1958), initiated the establishment of the Sociological Institute and the Sociology Group at the Faculty of Philosophy in the University of Belgrade. Finally, he made every effort to renew *Sociološki Pregled* in 1961. Thus, grounds for the institutionalization of sociology as a scientific and university discipline in Serbia were created at the University of Belgrade. Thus, Lukić contributed to the liberation from ideological dogmas and rigid canons, development of sociology, and creating bridges with sociological heritage (Valtazar Bogišić, Vladimir Karić, Milan Milićević, Jovan Cvijić, Slobodan Jovanović, Đorđe Tasić, Mirko Kosić, Dragoljub Jovanović, Sreten Vukosavljević and others).

A Yugoslav journal for philosophy and sociology was established within the Yugoslav Society for Sociology in 1957 and published in 1957—1958 as *Filozofija-Sociologija/Philosophy-Sociology*. However, in 1959, two disciplines were separated and journals *Sociology* and *Philosophy* began to be published separately. The journal *Sociology* was published from 1959: Editors-in-Chief were Rudi Supek and Ilija Stanojčić. The journal *Philosophy* ended in 1973, while the journal *Sociology* is still a scientific journal that publishes theoretical, empirical and methodological papers on sociology, social psychology and social anthropology.

In 1961, the journal *Sociološki Pregled* was appeared as a periodical collection of papers of the Serbian Sociological Society at the Faculty of Philosophy of the University of Belgrade. The Editor-in-Chief was Mihailo Popović, Radomir Lukić, Vojin Milić

and Dragoljub Mićunović were members of the Editorial Board, Dragan Glintić was the Technical Editor. The journal aimed at “satisfying the indisputable need for permanent publications on sociology in our Republic... The journal *Sociology* of the Yugoslav Sociological Society united a considerable number of associates over a short period of its existence and gained a reputation. But the increasing number of people working in this scientific field and a steady increase of interest in sociology in general determined the need and also the possibility of launching a review, which, at least once a year, will present papers on a variety of sociological issues ranging from general theoretical discussions to empirical research on interesting topics from our social reality” [11. P. 3].

The first issue of the revised *Sociološki Pregled* was a modest 126-page collection of papers written by members of the Serbian Sociological Society: Mihailo Popović, Mihailo Đurić, Rudi Supek, Dragoljub Tasić, Dušan Breznik and Krsto Kilibarda (the Contents and Summary were also published in French). Due to financial difficulties, this issue was much smaller than the Editorial Board planned. However, the Board believed that “the next issue of the *Review* in 1962 will have more papers and will be published on time”. The next issue was published in 1962 as a volume of 143 pages. The Editorial Board invited two new members — Zagorka Pešić Golubović and Yugoslav Stanković. The papers in this issue were written by Mihailo Popović, Igor Leandrov, Midorag Ranković, Miladin Životić and Miroslav Ahtik. After the papers, there were reviews of discussions at the professional meeting on “The Social Structure of the Yugoslav Society” (the majority of participants were sociologists from the Faculty of Law and the Institute of Social Sciences). The Editorial Board and its associates in this issue reflected a gradual generational shift — a new generation of sociologists led by Mihail Popović entered the scene.

Sociološki Pregled was not published in 1963 for the Society made serious efforts to publish the journal three times a year. In 1964, Slobodan Bosnić became the Editor-in-Chief, the Editorial Board invited Miroslav Ahtik, Ljubica Blagojević, Marija Kaljević (Bogdanović), Kamenko Bugarski, Ruža Petrović and Jelena Špadijer-Džinić, and the seat of the journal moved from the Faculty of Philosophy to the Institute of Social Sciences. Soon a third issue of the 157-page renewed *Sociološki Pregled* was published with the Editorial saying that “*Sociološki Pregled* aims at informing researchers in the field of sociology... The journal itself is a call for cooperation of all engaged in sociological research and in the study of issues relevant to sociological theory... By widening the circle of associates, the journal strives to create its own image and to become a double mediator — between those engaged in sociological research and societies” [12. P. 1]. The authors of this issue were Đuro Šušnjić, Manojlo Gluščević, Ely Chiony, Kamenko Bugarski, Esad Ćimić, Zdravko Mlinar, Ruža Petrović, Miroslav Ahtik, Ljubinka Bročić, Sonja Mičić, Jovan Rals, Srećko Pandurović and Milica Ković-Lučić.

From 1964 to 1978, the journal was published three times a year. However, due to the lack of financial assistance from the Community for Science (the Ministry of Science at that time), *Sociološki Pregled* was not published in 1966, 1967 and 1969 [4. P. 209].

From 1977, the Center for Sociological Research of the Institute of Social Sciences in Belgrade was a co-publisher of *Sociološki Pregled*. From 1988 to 2008, the publisher of the journal was the Serbian Sociological Society in cooperation with the Institute of Social Sciences and the Institute for Criminological and Sociological Research (Belgrade). From 1964 to 1978, *Sociološki Pregled* was published three times a year, and from 1979 until now — four times a year. It was not published in 1963, 1966, 1967, and 1969. By the end of 2018, there are 52 publication years, 201 printed issues in 148 volumes — 103 issues, 39 double issues, 1 triple issue and 5 quadruple issues. A special issue of *Sociološki pregled* “Paths of Social Development” was published in 1978 to present the papers of the Yugoslav participants in the World Congress of Sociology in Uppsala (Sweden, 1978); and also there were four issues in three volumes of the special edition of *Sociološki Pregled* — “A Hundred Years of Sociology in Serbia” (2012).

From 1961 to 2018, the Editors-in-Chief of *Sociološki Pregled* were distinguished university professors and scientific researchers: Mihailo Popović (1961—1962), Slobodan Bosnić (1964), Živan Tanić (1965), Milosav Janićijević (1968—1970), Trivo Inđić (1971—1973), Slobodan Bakić (1971—1973, 1974—1975), Đorđije Uskoković (1975—1976), Slobodan Bakić (1977—1981), Borisav Đuverović (1981—1983), Anđelka Milić (1981—1983), Aljoša Mimica (1983—1985), Uglješa Zvekić (1983—1985), Sreten Vujović (1985—1987), Stjepan Gredelj (1987—1988), Trivo Inđić (1989—1991), Milena Davidović (1992—1993), Slobodan Vuković (1994—1996), Milan Brdar (1997—1998), Zoran Avramović (1999—2000), Slobodan Vuković (2000—2003), Gordana Tripković (2004—2006), Slobodan Antonić (2006—2008), Žolt Lazar (2009—2013), Radmila Nakarada (2013—2015), Dušan Marinković (2015—2017), and Uroš Šuvaković (2017—). By 2018, 681 authors published their papers in the journal including: Slobodan Jovanović, Đorđe Tasić, Jovan Đorđević, Radomir Lukić, Mihailo Konstatinović, Mihailo Popović, Mihalo Đurić, Rudi Supek, Esad Ćimić, Jože Goričar, Miloš Ilić, Marija Bogdanović, Slobodan Bakić, Zagorka Golubović, Cvetko Kostić, Milosav Janićijević, Ljubomir Tadić, Dobrica Ćosić, Vojin Milić, Đuro Šušnjić, Miodrag Ranković, Danilo Marković, Mihailo Marković, Brian Betlay, Remond Mullen, Leonard Sizer, Joel Martin Halpern, Đerđ Rapi, Jean-Louis Leville, Wilbert Moore, Honorina Kazaku, Hilde von Balusek, Robert Hayden, Donald Cressey, Beverly Burris, Kurt Volf, Máté Szabó, Helena Koyakiewicz, Gousgounis Nikos, Adam Burgess, Alfred Rubin, Olga Nechiporenko, Vsevolod Samsonov, Irina Trotsuk, etc. So far, three bibliographies of the journal were published: by Dobrilo Aranitović [3] and Bojana Vukotić [18; 19].

In 2018, to celebrate the 80th anniversary of the publication of the first issue of *Sociološki Pregled*, the Editorial Board published a phototype edition of that issue prepared by me and Uroš Šuvaković [14]. Thus, the tradition of the journal was shown in its full glory for the first issue of *Sociološki Pregled* illuminated the whole scientific sky of Yugoslavia in such a way that this light still illuminates sociology today for the founders and authors of *Sociološki Pregled* played an important role in the popularization and institutionalization of sociology [14. P. IX].

The journal *Sociološki Pregled* appeared in the golden age of Serbian periodicals in 1938 as a professional edition contributing to the development of a new social science — sociology. The journal's associates were Serbian and Yugoslav prominent intellectuals, academicians and university professors that discussed key issues of sociology in their relation to other social sciences and advocated sociology as a synthetic and general social science. *Sociological Review* in 1938 represented “the pinnacle of the development of sociology in Serbia between the two world wars and, at the same time, the basis for the successful development of sociology in Serbia after the II World War” [2. P. 7]. Under the influence of the authors and associates of the journal, an array of researchers and teachers at the University of Belgrade started to work systematically in the field of rural sociology, sociology of law, political sociology, etc. [7].

Thanks to Radomir Lukić, *Sociološki Pregled* was renewed as a journal of the Serbian Sociological Society in 1961 to maintain the tradition of the pre-war journal and follow the principles of work of its founders. In terms of its structure, choice of topics, authors and associates, frequency of publication and availability to interested readers *Sociološki Pregled* has been one of the most successful journals in the history of Serbian periodicals. The editors of the journal succeeded in something few have succeeded in Serbia — they united colleagues with different theoretical and political orientations; thus, the intellectual elites of Serbia have directly or indirectly participated in the life of *Sociološki Pregled*.

About two hundred issues of *Sociološki Pregled* from 1938 to 2018 present a valuable material on decades of history of Serbia and Yugoslavia. It is well-known that respecting the past is the most reliable foundation for the future. The 80th anniversary of *Sociološki Pregled* makes us believe that it is a part of scientific and cultural heritage of the Serbian people.

References

- [1] Antonić S. Radomir D. Lukić as the founder of the Serbian Sociological Society. Basta D.N., Avramović S. (Eds.). *Legacy Of Radomir D. Lukić in Social Sciences*. Beograd; 2015 (In Serbian)
- [2] Antonić S.Č. The foundation of *Sociološki Pregled/ Sociological Review* in 1938. *Sociološki Pregled*. 2018; 52 (4).
- [3] Aranitović D. Bibliography of *Sociološki Pregled/Sociological Review* 1938—1988. *Sociološki Pregled* 1988; 22 (4) (In Serbian).
- [4] Bakić S. Sociology in Serbia 1964—1974 (ten years of *Sociološki Pregled/Sociological Review*). *Sociološki Pregled*. 1974; 8 (2—3) (In Serbian).
- [5] Bakić S., Miljković A.A., Janićijević M. Memories of the first collaborators of *Sociološki Pregled* (Jovan Đorđević, Mihailo Konstantinović, Nikola Vučo, Dragoslav Janković, Božidar S. Marković). *Sociološki Pregled*. 1978; XII (3) (In Serbian).
- [6] Lukić R.D. Social conditions of the development of sociology in Yugoslavia. *Sociologija*. 1959; 2—3.
- [7] Miljković A.A. Pluralism in Serbian sociology. *Sociološki Pregled*. 1988; 22 (3) (In Serbian).
- [8] Mitrović M. Sociology in Yugoslavia. Lukić R.D., Pečujlić M. (Eds.). *Sociological Lexicon*. Beograd; 1992.
- [9] Mitrović M. *Yugoslav Pre-War Sociology*. Beograd; 1982 (In Serbian).

- [10] Nikić F. *Works*. Vol. I. Beograd; 1981 (In Serbian).
- [11] Redakcija. Instead of a preface. *Sociološki Pregled*; 1961 (1) (In Serbian).
- [12] Redakcioni odbor. *Sociološki Pregled*; 1964 (1) (In Serbian).
- [13] Tasić Đ. (Ed. in chief). *Sociološki Pregled*. 1938; 1 (1) (In Serbian).
- [14] Trkulja J., Šuvaković U. (Eds.). *Sociološki Pregled/Sociological Review No. 1/1938*. Beograd; 2018 (In Serbian).
- [15] Trkulja J.D. Genesis of sociological periodicals in Serbia: Faculties of law in Belgrade and Subotica professors' contribution to the establishment of sociological periodicals between the two World Wars. *Sociološki Pregled*. 2018; 52 (4).
- [16] Uređivački odbor. Introduction. *Sociološki Pregled*. 1938; 1 (1) (In Serbian).
- [17] Vojnović Ž., Bogdanović M. Bibliography of works by Mirko Kosića. Trkulja J. (Ed.). *Mirko M. Kosić: Personality and Work*. Beograd; 2013 (In Serbian).
- [18] Vukotić B. Bibliography of *Sociološki Pregled/ Sociological Review* 1988—1997. *Sociološki Pregled*. 1998; 32 (1) (In Serbian).
- [19] Vukotić B. Bibliography of *Sociološki Pregled/ Sociological Review* 1998—2008. *Sociološki Pregled*. 2008; 42 (4) (In Serbian).
- [20] Vukotić B. Mirko M. Kosić as an editor and collaborator of the journal *Društveni Život*. Trkulja J. (Ed.). *Mirko M. Kosić: Personality and Work*. Beograd; 2013 (In Serbian).
- [21] Wallerstein I. (Chairman) *Opening Social Sciences: Report of the Gulbenkian Commission on the Restructuring of Social Sciences: Final Versin*. Podgorica; 1997 (In Serbian).

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-2-192-202

80-летний юбилей журнала «Сербское социологическое обозрение»*

Й. Тркуля

Белградский университет
бульвар короля Александра, 67, Белград, Сербия, 11000
(e-mail: trkulja@ius.bg.ac.rs)

В 2018 году журнал «Сербское социологическое обозрение» (по-сербски его название звучит как «Социологишки преглед») отметил свой 80-летний юбилей. Первым сербским социологическим журналом была «Социальная жизнь» (по-сербски «Друштвени живот»), которая издавалась в Белграде в 1920 и 1921 годы, а затем была восстановлена в 1930 году и печаталась в Нови-Саде. Главным редактором и издателем журнала был Мирко Косич, профессор факультета права в Университете Суботицы. После создания Общества философии права и социологии в 1935 году, а также Общества социологии и социальных наук в 1938 году, начал издаваться новый социологический журнал — «Социологическое обозрение», главным редактором которого стал профессор факультета права Белградского университета Джордже Тасич. Тематика журнала охватывала вопросы разных социологических дисциплин, а также смежных социальных наук, поскольку социология определялась редколлективом журнала как мультидисциплинарная наука. Работа Социологического общества и журнала была прервана Второй мировой войной, во время которой погиб Джордже Тасич. После ее окончания многие члены Общества социологии и социальных наук и сотрудники «Социологи-

* © Тркуля Й., 2019.

Статья поступила в редакцию 31.01.2019.

ческого обозрения» прекратили социологические исследования и отошли от социологии. Журнал «Социологическое обозрение» был возрожден в 1961 году силами Сербского социологического общества — сначала в формате сборника статей, а с 1964 года как периодическое научное издание. С тех пор журнал активно участвует в научной и академической жизни, стремясь отражать на своих страницах новые тенденции в развитии мировой и сербской социологии. Интеллектуальная элита Сербии всегда принимала прямое и опосредованное участие в издании журнала, что включило в его работу как старейших ее представителей, так и самые молодые поколения. С 1938 по 2018 год было опубликовано около 200 номеров и свыше 30 тысяч страниц, что позволяет считать журнал «Социологическое обозрение» ценным источником сведений о развитии социологии и незаменимым справочником по современной истории Сербии и Югославии. Такую роль вряд ли сможет играть какой-либо иной сербский журнал. «Социологическое обозрение» — теоретический журнал, справочник, информационный бюллетень, свидетель и живое напоминание об истории социологии — и все это одновременно, поэтому необходимо рассматривать данное издание одновременно с исторической и аналитической точек зрения.

Ключевые слова: периодические издания; Мирко Косич; Джордже Тасич; Радомир Лукич; «Социальная жизнь»; «Социологическое обозрение»; Сербское социологическое общество

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-2-203-211

Ethnic distance among the students of Serbia*

U. Šuvaković

University of Belgrade
Kraljice Natalije 43, Beograd, Serbia, 11000
(e-mail: uros.suvakovic@uf.bg.ac.rs)

Abstract. The paper presents the results of the research aimed at identifying changes in ethnic distance among the students of Serbia. The starting point of the study was the author's belief that ethnic distance is a good indicator of inter-ethnic relations in multi-nation society and an indicator of conflict potential, and that ethnic distance is more stable provided social stability and open society. Ethnic distance was studied in the longitude project among Serbian students at the University in Kosovska Mitrovica five times in 2009—2016, twice — among the students in Belgrade (2010, 2014), and once among the Albanian students in Priština (December 2016 — January 2017) based on the modified Bogardus scale, a part of the questionnaire in the students' native language and a number of surveys. The paper presents the results of the measurements of values constituting ethnic distance. The data reveal that the largest ethnic distance among Serbian students in Belgrade and in Kosovska Mitrovica was with the Albanians, while the smallest ethnic distance — with the Russians and Greeks. Among the Albanian students, the largest ethnic distance was with the Serbs, Romani and Russians, while the smallest — with the Americans and English. Certainly, the explanation should take into account the relations of these nations and official policies of their states including the self-proclamation of “Kosovo independence”, and also the positions of these nations in the period of the disintegration of Yugoslavia, wars in the former Yugoslav states and the NATO aggression on Serbia. At the same time, the ethnic distances are extremely large in the territory of Kosovo and Metohija, however, with a tendency of decline among the Serbs. During the research in 2016 — the beginning of 2017, the values of ethnic distance of the Serbian students from Kosovska Mitrovica to the Albanians and of the Albanian students from Priština to the Serbs were practically the same, especially the leading values of ethnic distance. When explaining the large ethnic distance with the Romani, it is necessary to remember about their social marginalization.

Key words: ethnic distance; Serbia; Kosovo and Metohija; students; surveys

The author of the idea of measuring social (ethnic) distance argued that “the social distance approach may have predictive value regarding possible outbreaks of intergroup hostilities and of possible developments of intergroup cooperation and assimilation” [4. P. 306]. When starting the longitude study of the social distance in the southern Serbian province Kosovo and Metohija, we referred to this idea of E. Bogardus. In this region, ethnic conflicts have lasted for centuries, and recently they have led to the development

* © U. Šuvaković, 2019.

The research is a part of the scientific project III 47023 “Kosovo and Metohija Between National Identity and Euro-integrations” financed by the Ministry of Education, Science and Technological Development of the Republic of Serbia.

The article was submitted on 15.02.2019.

of a ‘frozen conflict’ and a ‘divided society’. Tensions in ethnic relations are permanent [11; 15], and, certainly, the facts from the social history are not the only determining factor here [3] for the memories of the population about the great difficulties are equally important as those happening every day [13; 16. P. 89—129]. All that affects the attitudes to the possible cooperation with members of other ethnic groups. Moreover, all this is a part of everyday culture of accepting differences that can hinder inter-ethnic dialogue and social integration.

As a rule, studies of social (ethnic) distance are conducted at the level of population as a whole, but we decided to measure ethnic distance only among the student youth due to three reasons. First, it is impossible to make a sample representing the whole population of Kosovo and Metohija for there are no relevant census data for decades: the Albanians boycotted census in 1991, the Serbs doubt the results of the census in 1981 and boycotted all censuses after 2000 organized by the international community. Certainly, some political practices do raise doubts in validity of the census data, for instance, in the first parliamentary elections after the proclamation of so-called ‘Kosovo independence’, less than 50% of the population voted. In a closed society such as the society of Kosovo Albanians, where the social control is tight, the rate of attendance indicates the inaccuracy of the electoral roll, i.e. the fact of its artificial increase. Second, the study of attitudes and measurement of ethnic distance among the students are especially important and significant for the student youth represent the most educated members of their nations that will become a basis of the future social and political elite [17. P. 292—293] responsible for “social development, dissemination of democratic cultural patterns and ideas of tolerance; therefore, students’ willingness (or unwillingness) to cooperate with other nations forms the grounds for future cooperation (or conflict) in the region under study” [18. P. 250]. Historically, Albanian students in Priština had a significant role in starting the process that led to the disintegration of Yugoslavia [19]. Third, due to the fact that the statistical data on students is generally known, there is no way to manipulate them and it is easy to design a representative sample.

We conducted five measurements of ethnic distance in the north of Kosovo and Metohija among the students of Kosovska Mitrovica, mainly the Serbs. The surveys were conducted in 2009 [14], 2012, 2013, 2014 and in December of 2016. Besides Kosovska Mitrovica, the surveys were conducted twice (in 2010 and 2014) among the students of the University of Belgrade as an example of the stable social conditions and cosmopolitan environment. We used a sample representing the shares of students at the faculties, their gender and years of studies. We questioned from 310 to 400 students in Kosovska Mitrovica and Belgrade [8]. The sample was changed a little bit for the research of 2016—2017: all the elements remained the same as in previous surveys but the number of respondents was increased to 997 and divided into two groups: students of the north of Kosovo and Metohija, at the University in Kosovska Mitrovica, — 402 respondents, and students of the Albanian University in Priština — 595 respondents. Every group was studied separately: the survey in Kosovska Mitrovica was conducted in December of 2016 and in Priština — in the second half of December of 2016 and

in the beginning of January of 2017. In all surveys, the ethnic distance of students was measured in relation to former Yugoslav nations and minorities and also to some great nations outside the former Yugoslavia and contemporary Serbia.

From the very beginning, we faced political obstacles for conducting the study among Albanian students in Priština, that is why we managed partly to do it only in the fifth attempt in December 2016 — January 2017, and we will compare these data with the previous surveys' results. The possibility of comparative analysis is determined by the use of the same measuring instrument in all surveys — the Bogardus social distance scale modified for the student youth. The following social relations were offered to students to be estimated by their acceptability: marriage, friendship, accepting members of other ethnic groups as professors or assistants at the faculty, accepting them as a student of the same faculty, as neighbor, as a resident of the same city and as a citizen of the same state. The questionnaire was translated into Albanian for the survey in Priština and modified to reflect the social situation in the city.

The greatest ethnic distance of Serbian students from the north of Kosovo and Metohija in December 2016 was to the Albanians, then to the Turks, but in both cases it is the smallest in the period and is within the upper limit of the average distances (Table 1). In other words, Serbian students refuse 5 contacts out of 7 offered, while in previous years the average number of social contacts refused was 6. This means that Serbian students agree to live with the Albanians in the same country (Serbia) and in the same city, which is a significant change for Kosovska Mitrovica is an ethnically divided city. When comparing this finding with the distance of Belgrade students identified in 2014 (Table 3), we can notice that their largest distance is also with the Albanians and Turks, but it is significantly smaller with a rather moderate distance with the Albanians) and even smaller distance with the Turks. This is not surprising: the surveys conducted in the last years of the 'great' socialist Yugoslavia [2] and later [5; 9; 12] also revealed the largest ethnic distance to the Albanian national minority both among the youth and population in general.

The reduction of the ethnic distance with all nations was revealed in the survey of students in Kosovska Mitrovica in December 2016, however, except for the Macedonians — there was a slight increase (Table 1). This trend is typical for all non-Yugoslav nations (Table 2). Nevertheless, the trend is not the same considering Belgrade students: there is an increase of ethnic distance with Yugoslav nations and minorities and with foreign nations (Table 3, 4).

Considering the former Yugoslav nations and national minorities, the ethnic distance of Belgrade students was within lower medium and low values (Table 3). However, their ethnic distance is slightly larger with those ex-Yugoslav nations with which the Serbs and Serbia had conflicts (Croats, Muslims/Bosnians). With foreign nations (non-Yugoslav) the ethnic distance is always within low limits getting larger with the Americans, Germans and Chinese (Table 4). The smallest ethnic distance of Serbian students in all surveys — both in Kosovska Mitrovica and in Belgrade — was with the Russians and Greeks, and their ethnic distance is also small with the closest ex-Yugoslav nations — the Montenegrins and Macedonians.

Table 1

**Average ethnic distance of students of the University in Priština
with the temporary head-office in Kosovska Mitrovica
(former Yugoslav nations and ethnic communities)**

2009 Nation / ethnic community	Aver- age dis- tance	2012	Aver- age dis- tance	2013	Aver- age dis- tance	2014	Aver- age dis- tance	December 2016	Aver- age dis- tance
1. Albanians	5.85	1. Albanians	6.09	1. Albanians	5.53	1. Albanians	5.74	1. Albanians	4.95
2. Turks	4.91	2. Turks	5.48	2. Croats	5.07	2. Croats	4.83	2. Turks	4.33
3. Croats	4.55	3. Croats	4.52	3. Turks	4.94	3. Turks	4.76	3. Croats	4.16
4. Bosnians / Muslims	4.04	4. Bosnians / Muslims	5.16	4. Romani	4.70	4. Hunga- rians	4.10	4. Bulga- rians	3.50
5. Romani	4.04	5. Hungari- ans	4.86	5. Hunga- rians	4.53	5. Bosnians / Muslims	4.02	5. Hunga- rians	3.34
6. Hunga- rians	3.77	6. Bulgarians	4.78	6. Bosnians / Muslims	4.27	6. Bulga- rians	3.88	6. Bosnians / Muslims	3.21
7. Bulgarians	3.69	7. Romanians	4.65	7. Bulga- rians	4.24	7. Roma- nians	3.72	7. Roma- nians	3.20
8. Romani- ans	3.64	8. Romani	4.28	8. Roma- nians	4.11	8. Romani	3.71	8. Romani	3.17
9. Slove- nians	3.16	9. Slove- nians	3.95	9. Slove- nians	3.92	9. Slove- nians	2.93	9. Slove- nians	2.71
10. Macedo- nians	2.32	10. Macedo- nians	2.76	10. Macedo- nians	3.03	10. Macedo- nians	1.94	10. Macedo- nians	2.00
11. Monte- negrins	2.00	11. Monte- negrins	1.92	11. Monte- negrins	1.94	11. Monte- negrins	1.85	11. Monte- negrins	1.65
12. Serbs	0.16	12. Serbs	0.27	12. Serbs	0.31	12. Serbs	0.59	12. Serbs	0.26

Table 2

**Average ethnic distance of students of the University in Priština
with the temporary head-office in Kosovska Mitrovica
(some non-Yugoslav nations)**

2009 Nation	Aver- age dis- tance	2012	Aver- age dis- tance	2013	Aver- age dis- tance	2014	Aver- age dis- tance	December 2016	Aver- age dis- tance
1. Ameri- cans	4.50	1. Germans	5.19	1. Ameri- cans	4.78	1. Germans	4.48	1. Germans	3.98
2. Germans	4.29	2. Ameri- cans	4.97	2. Germans	4.48	2. Ameri- cans	4.37	2. Americans	3.86
3. Chinese	4.25	3. Dutch	4.78	3. Dutch	4.47	3. Dutch	3.91	3. English- men	3.49
4. Dutch	3.90	4. Poles	4.74	4. English- men	4.37	4. English- men	3.80	4. Dutch	3.28
5. English- men	3.82	5. Chinese	4.53	5. Chinese	4.21	5. Poles	3.80	5. Poles	3.17
6. Poles	3.61	6. English- men	4.46	6. Poles	4.20	6. French	3.60	6. French	3.16
7. French	3.45	7. French	4.07	7. French	4.00	7. Chinese	3.35	7. Chinese	3.11
8. Greeks	1.82	8. Greeks	2.68	8. Greeks	2.90	8. Greeks	1.57	8. Italians	2.79
9. Russians	1.76	9. Russians	1.37	9. Russians	1.94	9. Russians	1.34	9. Spaniards	2.33
								10. Greeks	1.43
								11. Russians	1.07

Table 3

**Average ethnic distance of students of the University of Belgrade
(former Yugoslav nations and ethnic communities)**

2010 Nation / Ethnic community	Average distance	2014 Nation / Ethnic community	Average distance
1. Albanians	3.80	1. Albanians	3.43
2. Turks	2.32	2. Turks	2.31
3. Romani	2.30	3. Romani	2.25
4. Croats	2.15	4. Bosnians / Muslims	2.22
5. Bulgarians	1.74	5. Croats	2.16
6. Bosnians / Muslims	1.68	6. Bulgarians	1.83
7. Romanians	1.58	7. Hungarians	1.67
8. Hungarians	1.56	8. Romanians	1.64
9. Montenegrins	1.39	9. Slovenians	1.39
10. Slovenians	1.36	10. Macedonians	1.11
11. Macedonians	0.90	11. Montenegrins	0.88
12. Serbs	0.18	12. Serbs	0.31

Table 4

**Average ethnic distance of students of the University of Belgrade
(some non-Yugoslav nations)**

2010 Nation	Average distance	2014 Nation	Average distance
1. Chinese	2.38	1. Americans	1.73
2. Americans	1.61	2. Germans	1.63
3. Germans	1.47	3. Chinese	1.56
4. Dutch	1.43	4. Dutch	1.45
5. Englishmen	1.23	5. Englishmen	1.43
6. Poles	1.23	6. Poles	1.39
7. French	1.05	7. French	1.26
8. Russians	0.86	8. Greeks	0.90
9. Greeks	0.72	9. Russians	0.85

Table 5

Average ethnic distance of the Albanian students of the University in Priština

January 2017 Nation / Ethnic community	Average distance
1. Serbs	4.59
2. Romani	4.45
3. Russians	4.23
4. Romanians	4.20
5. Hungarians	4.10
6. Bulgarians	4.08
7. Macedonians	4.04
8. Chinese	4.03
9. Greeks	4.02
10. Montenegrins	4.01
11. Turks	3.97
12. Spaniards	3.95
13. Poles	3.94
14. Slovenians	3.92
15. Croats	3.88
16. Bosnians / Muslims	3.88
17. Dutch	3.87
18. French	3.81
19. Germans	3.79
20. Italians	3.79
21. Englishmen	3.78
22. Americans	3.75
23. Albanians	3.70

The first study of ethnic distance among the Albanian students in Priština was conducted in December 2016 — January 2017; therefore, we are not able to compare the results in general but we can compare the ethnic distances of Serbian students from Kosovska Mitrovica with Albanian students in Priština. We should mention that only 275 answered the question on ethnic distance, which is only 50% of the sample. Such a low response rate can be explained by both social pressure and lack of desire to complete the questionnaire. Table 5 shows that the largest ethnic distance of the Albanian students in Priština is with the Serbs, Romani and Russians. It is also significant that the self-distance of the Albanian students is 3.70 and the distance with the Serbs — 4.59. Among other nations, the Americans and English are the closest for Albanian students.

When comparing the data of the study of ethnic distance of Serbian students from Kosovska Mitrovica to the Albanians in 2016 (Table 1) and of Albanian students from Priština to the Serbs in 2016/2017 (Table 5), one can see that their ethnic distances is almost the same. The ethnic distance of Serbian students with the Albanians is only by 0.36 larger than the ethnic distance of Albanian students with the Serbs. Regularity should be noticed: for the nations to which Serbian students from Kosovska Mitrovica express a larger social distance, Albanian students from Priština, on the contrary, express a smaller social distance. However, the values of ethnic distance are similar. The most distinctive difference considering both the rank and the value is the ethnic distance with the Russians and the Romani. Serbian students showed the smallest ethnic distance to the Russians as compared with other nations except the Serbs, and the Greeks are very close to the Russians; while Albanian students from Priština showed the greatest distance to the Serbs, Romani and then to the Russians.

It should be mentioned that there was a significant reduction of ethnic distance to the Romani among Serbian students in Kosovska Mitrovica in 2016 (Table 1), which was also the case among students in Belgrade in 2014 although the reduction was significantly lower (Table 3). However, the value of ethnic distance of students in Belgrade to the Romani is the lowest not only compared with the students from Kosovska Mitrovica and Priština but also compared with the students in Veliko Trnovo (Bulgaria), Bitolj (Macedonia) and Niš (Serbia) [10], while in Priština this ethnic distance is the largest among the students of the universities under study. A significant reduction of ethnic distance to the Romani people among the students in Kosovska Mitrovica should be interpreted as a result (a) of political activities within the project ‘Decade of the Romani’ announced by the Government of the Republic of Serbia (this refers to the distance of students in Niš and Belgrade), and (b) of awareness of the same destiny of the Romani and Serbs in Kosovo and Metohija (both were ethnically deported from Kosovo in 1999 and then in 2004 within the project of creating ethnically clean Kosovo supported by the Albanian separatists).

We believe that monitoring of the ethnic distance (attitudes to other nations) is very useful in the region of Kosovo and Metohija. The reduction of ethnic distance among Serbian students and its moderate values when considering the Albanians four years after signing the Brussels Agreement show that the attempts to politically regulate

the relations of the Serbs and Albanians make some sense. Certainly, it would be better if the values of the ethnic distance were even smaller, similar to the students in Belgrade or to the earlier identified among the population of the northern province of Serbia — Vojvodina [6], which would indicate a decline of the conflict potential. Unfortunately, political actions of the beginning of 2019 will probably contribute to the growth of ethnic distance, which we shall examine in the further research.

Nevertheless, the fact that the values and ranks of ethnic distance of Serbian students from Kosovska Mitrovica to the Albanians and of Albanian students from Priština to the Serbs are practically the same, proves that, despite the divided territory, there are significant mutual social and political factors that influence the ethnic distance. Moreover, it is clear that ethnic distance among both ethnic groups in two university centers — Kosovska Mitrovica and Priština, an ethnically divided society, is also determined by the positions of other nations and their states on the so-called ‘Kosovo independence’. Thus, with the nations that showed solidarity with the Serbs during the disintegration of Yugoslavia and NATO aggression, especially if they refused to recognize the independent Kosovo, Serbian students have the smallest ethnic distance, which refers especially to the Russians and Greeks. The same applies to Belgrade students with even lower values. On the other hand, among Albanian students in Priština, the largest ethnic distance is with the Romani people, which has a different explanation, and the Russians, whom the Albanians consider the most important Serbian ally in the struggle to keep Kosovo and Metohija as part of Serbia. Likewise, the smallest distance the students in Priština show to the Americans and English who are considered the actors of the NATO aggression against Serbia and supporters of the so-called ‘Kosovo independence’.

The results of the survey in Belgrade prove that a stable value of the ethnic distance can be achieved only in stable conditions: the more open and more cosmopolitan society, the smaller the ethnic distance.

The fact that about a half of the students in Priština refused to answer the question on the ethnic distance raises many research questions. However, we believe that the main problem was that they did not know what answer was socially desirable. Certainly, the study of ethnic distance among Albanian students in Priština should be repeated together with the survey in the north of Kosovo and Metohija in order to get objective data for the comparative analysis of the social distance in a closed society with strong social control and the tendency to social mimicry of attitudes especially with political connotations.

The attitudes to the Romani is a very interesting indicator pointing primarily to their socially marginalized position — poverty ‘sub-class’ and ‘sub-proletarian’ status [7], i.e. the Romani “remain without a possibility to use channels of social mobility and ways of serious social organizations aimed at changing their social position” [20. P. 97]. However, political reasons should not be ignored especially considering the strive of the Albanian separatists for the ‘ethnically clean’ Kosovo and the fact that the greatest ethnic distance was revealed among the Albanian student in Priština (compared with ethnic distances of students in Belgrade, Nis, Kosovska Mitrovica, Veliko Trnovo and Bitolj). However, it does not explain a relatively large distance of the Albanian students with their own nation, which is partly proved by the fact that in the first quarter of 2015

the greatest number of the Albanians from Kosovo asked for asylum in the EU (almost 48,900, or 26% out of the total number of seekers the asylum), only then the Syrians follow (16%), Afghans (7%) and asylum seekers from other regions [1]. Perhaps, this is an indicator of a dissatisfaction of the Albanians with the conditions of life in Kosovo and Metohija, for which students blame their compatriots. We hope that further studies will give the answers to this and other questions.

References

- [1] Asylum in the EU in the first quarter of 2015: 185,000 first time asylum seekers in the EU in the first quarter of 2015 — half are Kosovars, Syrians or Afghans. <http://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/6887997/3-18062015-CP-EN.pdf/4457b050-26f9-4cf1-bf27-9ffb73ff8c7b> 28.02.2016.
- [2] Bačević Lj. National consciousness of the youth. Mihailović S. at al. (Eds.) *Children of Crisis — Youth of Yugoslavia in the late 1980s*. Beograd; 1990 (In Serbian).
- [3] Bazić J. The role of the Kosovo myth in shaping Serbian national identity. *Srpska Politička Misao*. 2012; 4 (In Serbian).
- [4] Bogardus E.S. Measurement of personal-group relations. *Sociometry*. 1947; 10 (4).
- [5] Kuzmanović B. Social distance with different nations. Lazić M. (Ed.). *Destruction of Society*. Beograd; 1994 (In Serbian).
- [6] Lazar Ž., Koković D. Ethnical distance in Vojvodina: Results of the research. *Sociološki Pregled*. 2005; 39 (3) (In Serbian).
- [7] Mitrović A. *At the Bottom: The Romani at the Risk of Poverty*. Beograd; 1990 (In Serbian).
- [8] Petrović J. On the methodology of empirical research (sample, questionnaire and field stage). Šuvaković U, Petrović J. (Eds.). *Students in the North of Kosovo and Metohija*. Kosovska Mitrovica; 2016 (In Serbian).
- [9] Petrović J., Miladinović S. Profile of the ethnic distancing among students of the University of Niš. Dimitrijević B. (Ed.). *Historiography and Contemporary University*. Vol. 1. Niš; 2014 (In Serbian).
- [10] Petrović J., Šuvaković U. Social distance of students from Serbia, Macedonia and Bulgaria with the Romani. *Godišnjak za Sociologiju*. 2016; 11 (In Serbian).
- [11] Petrović J. Interethnic relations in Kosovo and Metohija studied through the ethnic distance prism. Maliković D. (Ed. in chief). *Kosovo and Metohija in Civilization Processes*. Vol. 4. Šuvaković U. (Ed.). *Sociology and Other Social Sciences*. Kosovska Mitrovica; 2010 (In Serbian).
- [12] Popadić D. A way from fraternity and unity — ethnic distance of citizens of Serbia. Mihailović S. (Ed.). *How Citizens of Serbia Define Transition: A Public Opinion Poll*. Beograd; 2010 (In Serbian).
- [13] Sotirović V.B. Kosovo & Metohija: Ten years after the ‘March Pogrom 2004’. *Srpska Politička Misao*. 2014; 1 (In Serbian).
- [14] Šuvaković U. A sketch of the ethno-political views of the Serbian students in Kosovo. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2010; 3 (In Russ.).
- [15] Šuvaković U. Century of separatist violence of the Kosovo Albanians against the Serbs and other citizens of non-Albanian nationality (1912—2012). Maliković D, Šuvaković U., Stevanović O. (Eds.). *Political Violence*. Kosovska Mitrovica; 2011 (In Serbian).
- [16] Šuvaković U. *Serbia in the Era of Changes*. Moscow; 2016 (In Russ.).
- [17] Šuvaković U., Petrović J. Attitudes to Kosovo and Metohija and estimates of the most important global goals of Serbia: Comparative analysis of the students’ attitudes in the Univeristy in Priština with temporary head office in Kosovska Mitrovica and the University of Belgrade. *Zbornik Radova Filozofskog Fakulteta u Prištini*. 2010; 40 (In Serbian).

- [18] Šuvaković U., Petrović J. Ethnic distance expressed by students in northern Kosovo and Metohija in a longitudinal comparative study. *Srpska Politička Misao*. 2014; 4 (In Serbian).
- [19] Šuvaković U., Stevanović O. Separatist rebellion of the Albanian students in Kosovo and Metohija in 1981 as the beginning of the socialist Yugoslavia breakdown. *Sociološki Pregled*. 2018; 52 (4) (In Serbian).
- [20] Todorović D. *Social Distance with the Romani*. Niš; Novi Sad; 2007 (In Serbian).

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-2-203-211

Этническая дистанция студентов Сербии*

У. Шувакович

Белградский университет
ул. Королевы Натальи, 43, Белград, Сербия, 11000
(e-mail: uros.suvakovic@uf.bg.ac.rs)

В статье представлены результаты исследования, целью которого было выявление и объяснение изменений этнической дистанции у студентов Сербии. Отправной точкой проекта было убеждение автора, что этническая дистанция — хороший индикатор межэтнических отношений в любом многонациональном обществе, а также индикатор накопившегося в нем конфликтного потенциала, потому что этническая дистанция наиболее устойчива в обществах, которые можно уверенно квалифицировать как открытые и социально стабильные. Этническая дистанция была эмпирически изучена в ходе лонгитюдного проекта: было проведено пять ее замеров среди сербских студентов Университета Косовской Митровицы (2009—2016), два замера — среди студентов Белграда (2010, 2014) и один замер — среди албанских студентов Приштины (декабрь 2016 — январь 2017). Все опросы были основаны на шкале социальной дистанции Богардуса, часть опросника предлагалась студентам на их родном языке, и была реализована целая серия опросов. В статье представлены результаты измерения ценностей, задающих этническую дистанцию. Согласно полученным данным, наибольшая этническая дистанция наблюдается у сербских студентов Белграда и Косовской Митровицы по отношению к албанцам, тогда как наименьшая — с русскими и греками. Напротив, албанские студенты демонстрируют наибольшую этническую дистанцию по отношению к сербам, цыганам и русским, а наименьшую — к американцам и англичанам. Безусловно, для объяснения этих данных необходимо учитывать взаимоотношения государств и их официальную политику, особенно оценку ими самопровозглашенной независимости Косово и агрессии НАТО против Сербии, а также их позиции в годы распада Югославии и войн между бывшими югославскими республиками. Следует отметить крайне большую этническую дистанцию в Косово и Метохии, однако с тенденцией ее снижения у сербских студентов. Так, опрос в конце 2016 — начале 2017 года показал, что ценности, задающие этническую дистанцию у сербских студентов Косовской Митровицы по отношению к албанцам, а также у албанских студентов Приштины по отношению к сербам, оказались предельно схожими, особенно наиболее частотные. Когда речь заходит о значительной этнической дистанции по отношению к цыганам в Сербии, то необходимо помнить об их социальной маргинализации.

Ключевые слова: этническая дистанция; Сербия; Косово и Метохия; студенты; опросы

* © Шувакович У., 2019.

Исследование является частью научного проекта III 47023 «Косово и Метохия между национальной идентичностью и евроинтеграцией», реализованного при финансовой поддержке Министерства образования, науки и технологического развития Республики Сербия.

Статья поступила в редакцию 15.02.2019.

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-2-212-221

Language practices of the Romani community in Serbia: Inclusion or response to the stigma?*

J. Petrović

University of Niš
Ćirila and Metodija, 2, Niš, Serbia, 18000
(e-mail: jasminafilfak1@gmail.com)

Abstract. The results of the research presented in the article are part of the findings of the study conducted in 2014 within the project *Social and Cultural Potential of the Romani Ethnic Community in Serbia*. The survey was based on the stratified sample of 1,212 respondents and conducted by a team of researchers representing four universities of Serbia. One of the aims of the research was to identify the prevailing language practices of the Romani community in Serbia. The paper presents the results of the study of the attitudes of the Romani to the use of language and their language practices focusing on such issues as the assessment of the importance of the Romani language in expressing their identity, the use of the Romani language in everyday communication in various social contexts, and the estimates of the significance of this symbolic capital in education as expressed in the parents ideas and attempts to ensure that their children are educated in their mother tongue. The results of the survey proved that the Romani community's attitudes to language and language practice are an expression of the general social position of this group, i.e. a minority ethnic group in the Serbian society. Therefore, its language practices are determined by the need to preserve the Romani community's identity and by uneven distribution of social power between majority and minority communities. Thus, social power (or powerlessness) ensures legitimacy for the use of a specific language in certain social situations. Considering the Romani ethnic community, the use of the mother tongue is reduced to the domain of private communication with some of the Romani people renouncing the use of their native language and hiding their ethical identity. The study proves that linguistic mimicry serves as a way to avoid social stigmatization.

Key words: Serbia; Romani; language practices; identity; inequality; stigmatization; inclusion

Being a part of the cultural tradition of the largest pan-European minority, the culture of the Romani in Serbia has certain universal elements determined by a mixture of historical, political and economic factors including the influence of intercultural exchange. Therefore, the Romani worldview is not “based on archaic images brought from the homeland” [6]. However, cultural identity of the Romani in Serbia including language practices cannot be separated from the micro- and macro-social-cultural milieu of Romani communities today. The Romani as a social group are characterized by cultural, social, religious and residential diversity [5; 18], and by exceptional social mimicry and relative closeness, which are not only a reaction to social isolation but also a way of “protecting group identity and preserving group order and structure” [18. P. 8].

* © J. Petrović, 2019.

The article is a part of the project No 179013 supported by the Ministry of Education, Science and Technological Development of the Republic of Serbia.

The article was submitted on 14.02.2019.

For decades, key features of their social position in Serbia are spatial segregation, extremely unfavorable educational structure and a high share of illiterate, unemployment or low paid and stigmatizing jobs, a low level of inclusion in health and social care systems, lack of political participation, public action and international organization [14. P. 815; 20. P. 1139]. Moreover, the population of Serbia preserves social distance and stereotypes about the Romani as a ‘sub-class’ [11—13] with negative patterns (dirty, lazy, primitive, prone to theft, etc.) [16].

Thus, it is not surprising that there are certain unwritten rules in social interaction between the Romani community and representatives of other ethnic groups, which prove the existing boundaries between the Romani and non-Romani people. A set of rules known as *Romanipe(n)* constitutes a system of social-cultural norms and the basis of the Romani identity [4], and the Romani language is an important element of belonging to the community. The totality of these characteristics together with the social practices of the majority of the Romani group determined the fact that the Romani in Serbia (and many other countries) lack resources for preserving ethnic and cultural identity and for social integration (assimilation). Besides education, we mean preserving one’s language and good knowledge and use of the official language of the majority.

The preservation of the mother tongue by the Romani community cannot be motivated only by the need to preserve one’s ethnic peculiarity for the Romani community as not having its own state and institutional mechanisms for supporting cultural and linguistic identity needs its own language to stay an ethnic community. However, the use of languages is not just a linguistic or cultural issue but also a reflection of the social position of a minority ethnic group within the majority with another official language, within other language practices considered legitimate. Therefore, in the field of language use, according to P. Bourdieu, there is symbolic domination reflected in the fact that ‘nonstandard’ speakers are forced to apply the criteria of the dominant group to assess their own language practices. Minority communities, especially not good in dominant ‘legitimate’ language, must make special efforts to study, otherwise they can feel a kind of linguistic insecurity or tension [2. P. 70]. Social researchers often miss the fact that language practices should be studied in the social-historical and political context, i.e. considering issues of power, inequality and language policies [7. P. 441]. Although an average language user can be unaware of this context, sociologists must not ignore it; therefore, we study the language practices of the Romani in Serbia as a reflection of their social power (or lack of it).

The research was conducted by the Sociology Departments of the Faculty of Philosophy in Novi Sad, Faculties of Philosophy in Niš and Belgrade, and the Department of Social Sciences of the Faculty of Mechanical Engineering in Niš with the help of representatives of the Romani community. The survey was conducted on the stratified sample based on the results of the last census in Serbia and regional distribution of the Romani in Serbia (29% live in Vojvodina, 18% — in the Belgrade region, 14% — in Šumadija and Western Serbia, and 39% — in Eastern and Southern Serbia.). The sample of 1,212 respondents constitutes 0.82% of the Romani population in Serbia. The survey was conducted in 34 municipalities with the highest shares of the Romani

in population. Special attention was paid to the residential aspect as reflecting the integration of the Romani into the majority: all areas were divided into urban/rural micro-regions, Romani settlements (*mahalas*) in cities/villages, slums in cities/villages, *mahalas* or slums outside cities/villages, and suburban settlements. The survey was based on the questionnaire focusing on assessing the importance of the Romani language for the Romani, their attitude to learning Serbian, their desire to educate their children in the Romani language, etc.

In cultural interaction with other ethnic communities, the Romani receive more than they give in terms of the elements of culture [15. P. 23] due to their cultural identity and social position. Such a tendency is expressed, inter alia, by the peculiarities of their linguistic identity: the Romani culture is predominantly oral, and the Romani language remains a mixture of its different versions with the language of the majority. Despite the linguists' increasing interest in the Romani language and its standardization, they revealed "a rather bad knowledge and poor use of the Romani language in everyday life, ... and the consequence of this is a gradual disappearance of the Romani language" [8. P. 21—22]. The question is whether the language of the Romani community is more important in preserving cultural and ethnic identities than the languages of other nations due to the fact that the Romani do not have a state and traditional cultural and linguistic means of preserving their identity. Therefore, it is important to know whether the Romani in Serbia recognize the importance of language for preserving one's ethnos and culture, and we asked "What makes the Romani community special" to find out how the Romani perceived the role of their native language in preserving their collective identity. The data show that the Romani consider their music, mother tongue and customs as three key bases of ethnic identification (Table 1). The mean values of the estimates of the ethnic identity elements prove that the Romani consider language one of the most important features of their ethnic community.

Despite the Law on the Protection of the Rights and Freedoms of National Minorities [10] saying that "members of national minorities can freely use their language and writing privately and publicly", a quarter of the Romani in Serbia do not speak Romani well or at all. It is particularly interesting that every twelfth respondent (8.3%) neither speaks nor understands Romani. The Romani who do not know Romani usually live in Vojvodina (17.2%), Šumadija and Western Serbia (13%), less often in the Belgrade region (8.1%) and never in southeastern Serbia. There is a statistically significant difference between residents of northwestern and southeast Serbia considering the knowledge of Romani.

Table 1

**"By scores from 1 (min) to 5 (max)
evaluate what makes your community special"**

Answers	Mean	Median
Romani language	4.09	5.00
Tribal affiliation	2.89	3.00
Romani customs	3.98	5.00
Romani music	4.32	5.00
Romani clothing	2.72	3.00
Romani cuisine	2.82	3.00
Part of the settlement where the Romani live	3.40	4.00

There is also a statistically significant difference among respondents with different levels of education. Respondents without education or with the lowest level of education know Romani better as compared to those with higher education levels. Probably, the Romani who study for a longer time adopt the culture of the dominant group, and the education system is a factor of acculturation or even assimilation by means of the legitimate language. Likewise, the residential factor affects the use of the language of the majority by a certain mechanism: the higher the concentration of speakers of the standard language the lesser the tolerance to the use of stigmatized language and of other languages representing stigmatized groups. In other words, in the southeast of the country with many language varieties of Serbian, there is lesser pressure on speakers of non-standard varieties and from marginalized groups to use the standard language. And in the economically more developed parts of Serbia, the Romani have the opportunity to work with the majority population more often, which leads to the necessity to learn Serbian. The Romani living in southeastern Serbia are less frequently employed compared to other regions.

Romani respondents whose mother tongue is Romani speak it excellently in 88.9% of cases, unlike the Romani whose mother tongue is Serbian or other language (respectively, only every fifth or third speaks Romani excellently). A third of the Romani in Serbia with the Serbian mother tongue neither speak nor understand Romani, and 43.8% of those whose mother tongue is different (as a rule, Romanian) neither speak nor understand Romani. Thus, despite the great declarative importance of Romani for the Romani community and culture, in fact it partly forgets its native language. The question is whether in Serbia there are really 15.4% of the Romani whose mother tongue is Serbian (descendants of ethnically mixed marriages) and 6% with another mother tongue, or this is a kind of social-cultural mimicry.

It is known that the Romani often declare themselves Serbs, Yugoslavs, etc. in the census, and in the survey the language of the majority was named as ‘mother’ tongue (Table 2). In other words, the specific position of the marginalized ethnic group imposes a rational choice of declaratively accepting the language of the dominant ethnic group as a mother tongue to avoid social stigmatization: 63% of respondents said that they knew Romani people who do not recognize their nationality and present themselves in some other way so that to be accepted by the society (55.7%) or to ensure personal achievements (34.9%). It should be noted that other studies also revealed such social mimicry due to the fact that members of the Romani community have suffered discrimination and marginalization: “in such circumstances, members of the Romani community do not want to openly name their ethnicity or tend to name themselves as members of the dominant community to avoid possible problems” [2. P. 23]. Some authors argue that “a large number of Romani families who managed to get out of poverty, to change their place of residence or in any other way to succeed, often refuse to be identified as Romani” [9. P. 41].

The data are even more interesting when the prevailing language practices in everyday communication are considered. In general, the mother tongue is used (always/often) in private interaction: the majority use their mother tongue in communication with parents (72%), spouses (71.2%), relatives (67.3%) and children (65.6%), but not with neighbors, friends, colleagues or people outside the close social circle (Table 3).

Table 2

“Do you speak Romani?” (distribution by mother tongue)

Answers	% in the sample	Respondents' mother tongue		
		Serbian	Romani	Other
Yes, excellently	74.9	21.0	88.9	30.1
Yes, but poorly	10.8	26.3	7.9	8.2
No, but I understand it	6.0	19.9	2.4	17.8
I neither speak nor understand it	8.3	32.8	0.7	43.8

Table 3

Use of the mother tongue in different situations, %

Communication with:	always	often	rarely	never
spouse	71.2	14.4	7.3	7.2
children	65.6	16.3	11.7	6.4
parents	72.0	14.8	7.2	6.0
relatives	67.3	20.5	9.1	3.1
neighbors	51.5	21.7	16.7	10.0
friends	47.5	23.7	20.7	8.2
colleagues	22.5	9.6	20.1	47.8
other people	17.5	8.8	24.6	49.1

Table 4

Use of the mother tongue in different situations by the mother tongue of respondents, %

Communication with:	always			often			rarely			never		
	S	R	O	S	R	O	S	R	O	S	R	O
spouse	89.3	68.3	68.3	5.9	16.7	3.3	4.6	7.8	6.7	0.0	7.3	21.7
children	88.9	62.2	59.3	5.6	18.6	8.5	5.6	12.7	11.9	0.0	6.4	20.3
parents	87.6	69.1	67.6	5.9	17.1	9.9	5.4	7.4	9.9	1.1	6.5	12.7
relatives	87.1	63.4	67.1	9.1	23.3	13.7	2.2	10.2	12.3	1.6	3.1	6.8
neighbors	83.3	45.8	43.1	8.6	25.3	8.3	6.5	17.6	31.9	1.6	11.2	16.7
friends	85.5	40.5	39.7	9.1	27.1	16.4	4.3	23.7	23.3	1.1	8.7	20.5
colleagues	82.9	10.4	16.7	5.9	10.0	13.6	2.9	23.8	18.2	8.2	55.8	51.5
other people	85.9	4.5	11.0	3.3	9.9	8.2	4.3	27.9	34.2	6.5	57.7	46.6

S — mother tongue is Serbian; R — Romani; O — other language.

Although the ranking of the frequency of the use of the mother tongue remains the same, the Romani who named Romani as their mother tongue use it less often in all mentioned communication situations, i.e. there are the Romani who never use their mother tongue in their family, with relatives, neighbors or friends (Table 4). More than a half of the Romani whose mother tongue is Romani have never used it in communicating with colleagues and people outside their close social circle (and the differences in the language practices of speakers with different mother tongues are statistically significant in all communication situations).

There are also statistically significant differences in language practices among the Romani by the regions of Serbia they live in. The best ‘guardians’ of mother tongue are the Romani from the south and southeast of Serbia, while the Romani living in the Belgrade region, Vojvodina, Šumadija and the west rarely use their mother tongue

as the only form of communication with close people. The same applies to the north-south dichotomy. The Romani from the south use their mother tongue with close people more often, and in all communication situations, except with parents and relatives, there are statistically significant differences between the southeast and northwest of Serbia.

It is interesting to know whether the Romani in Serbia speak any language other than Romani. The data show that $\frac{3}{4}$ of the Romani in Serbia speak other language, 7.1% speak it poorly, and 3.1% do not speak but understand another language (Figure 1). When asked about the language, 80.7% of the Romani named Serbian, but every fifth Romani respondent does not use Serbian, which confirms the problems with the Romani's social integration. Besides Serbian, the Romani most often speak English, German, Romanian and Albanian. Among those who speak two languages besides Romani, a combination of the above languages is most common (29%). We believe that these are the Romani who spent some time in one of the countries where these languages are spoken, for instance in Kosovo and Metohija, as the languages of the majority.

We are interested in the use of Romani not in the linguistic perspective but rather in the sociological dimension, therefore we studied the attitudes of the Romani to the education of their children in Romani. As the question of language cannot be reduced to the linguistic one, it is not surprising that the respondents' responses were diverse as well as explanations of their attitudes. The majority of respondents (almost three quarters) consider their native language as one of the most important characteristics of their ethnic group, and despite the fact that the Law on the Protection of the Rights and Freedoms of National Minorities [10] allows education of minorities in their mother tongue under certain conditions less than a third of the Romani respondents (31.6%) believe that their children should be educated in Romani at all levels of the education system, while 21.8% argue that this should only be the case for elementary education and 43.4% would not like their children to get education in Romani at all (Figure 2).

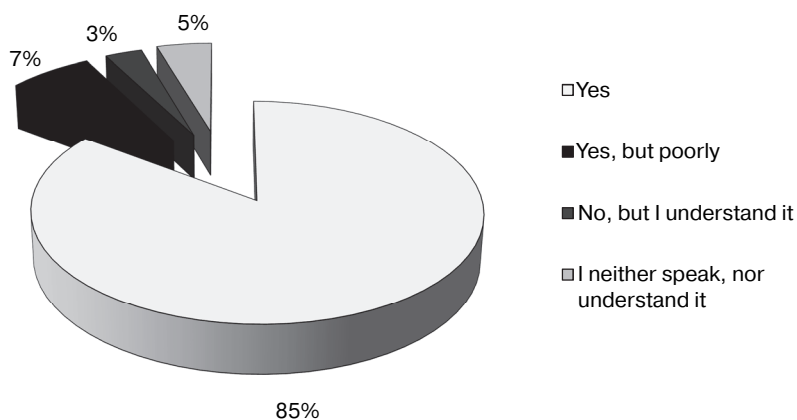

Figure 1. Distribution of answers to the question whether respondents speak any language other than Romani

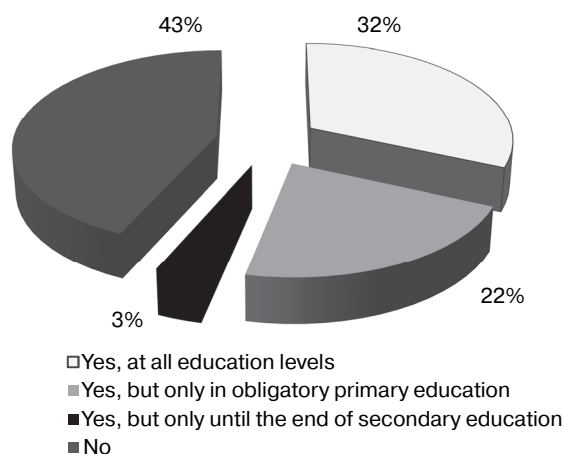

Figure 2. Attitudes of the Romani to their children education in Romani

From the answers explaining the attitudes to the use of Romani in the education system it is clear that the use of a particular language is related to the efforts of individuals and groups to avoid discrimination on other grounds than linguistic. Therefore, the respondents believe that the use of Romani would be inadequate because they live in Serbia (77.4%), do not benefit from having education in Romani (13.7%), do not know Romani (4.4%) or are not interested in such a possibility (2%). This distribution of answers raises the question why the use of Romani in the education system is considered undesirable despite the fact that not knowing Serbian is a key obstacle for the education of the Romani [1], and that a great share of the Romani is in the category of the least educated [17; 19]. Scholars (P. Bourdieu) rightly argue that language is a tool for the ‘battle’ in education, economy, policy and ideology for by choosing a language speakers anticipate their own social position determined by the use of a particular language as a form of symbolic capital at their disposal. Thus, the Romani understand that, being a part of the state with the Serbian majority, they must acquire certain language competences because otherwise they would be excluded from various fields of life. Therefore, the Romani’s position, and the awareness of it and of the language capital they have affect their linguistic behavior. They use different strategies to improve their social position — educate their children in the language of the majority to ensure that they do not differ much from the members of the majority by language competencies. Discrepancies between language practices at school and at home can be easily identified and can lead to the belief that, due to the lack of standard language competences, some people cannot get certain jobs (professions). The attitudes of the Romani to the education of children in Romani reflects the fact that the school system tends to reproduce the universal recognition of the language of the majority as the only legitimate and prestigious one.

Accordingly, benefits from advocating the rights of the Romani minority to be educated in their own language, which aims at preserving their ethnic identity, become

a second-rank issue compared to acquiring an appropriate symbolic capital (language) transferable to other social fields. This is proved by the data showing that those who achieved better social inclusion use Romani considerably less. The inclusion in the education system, on the one hand, is a way to ensure social inclusion; on the other hand, educational institutions are key actors that reproduce existing power relations between cultures (and languages) of different social groups.

After years of work on the standardization of Romani, Romani activists in Serbia succeeded to introduce the *Romani Language with the Elements of National Culture* in elementary schools, thus, providing Romani equal rights with languages of other national minorities in Serbia. The Faculty of Philology in the Belgrade University opened language courses and provided opportunities for school teachers to get competences to teach this subject. These are important steps that can help Romani to be preserved. However, the language practices of the Romani in Serbia do not support the above mentioned measures of the state language policy of destigmatization. As long as there is a significant share of the members of the Romani community who refuse to use their mother tongue in private and public situations, and if this is especially true for the most educated part of the Romani community, there will remain a danger of losing this cultural part of the Serbian society and an authentic element of the cultural identity of the Romani. However, one should remember that the Romani language practices reflect their social position of a marginalized ethnic community, i.e. the responsibility lies not only on the Romani community. Such a situation will certainly continue not only due to the lack of interest of the Serbian majority to the Romani language, culture and tradition, but also due to the prevailing ghettoized lifestyle that prevent informal interaction of Romani and non-Romani populations. Certainly, positive perception of linguistic and cultural diversity can contribute to the preservation of Romani and other languages of minority communities. This is even more important for the social inclusion of the Romani, which implies language competences for different types of communication in Serbian.

References

- [1] Analysis of the Application of Affirmative Measures in the Romani Education, and Recommendations for Improving Measures. Beograd; 2016 (In Serbian).
- [2] Baucal A., Stojanović J. *Indicators of Equal Access to the Quality Education for the Romani*. Beograd; 2010 (In Serbian).
- [3] Bourdieu P. *Language and Symbolic Power*. Cambridge; 1991.
- [4] Đorđević D.B. Romanipen — the basis of cultural policy and cooperation of the Balkan Romani. Lj. Mitrović, D.B. Đorđević, D. Todorović (Eds.). *Models of Cultural Policy in the Multicultural Societies of the Balkans and under the euro-integration*. Niš; 2004 (In Serbian).
- [5] Đorđević D. *On Horseback with a Laptop in the Saddlebag — Introduction to Romani Studies*. Niš; 2010 (In Serbian).
- [6] Đurović B. *Social segregation and ghettoized awareness of the Romani*. M. Macura (Ed.). *The Gypsies/Romani in the Past and Today*. Beograd; 1996 (In Serbian).

- [7] Grenfell M. Bourdieu, language, and literacy. *Reading Research Quarterly*. 2009; 44 (4).
- [8] Haliti B. *Serbian-Romani Dictionary*. Novi Sad; 2001.
- [9] Jakšić B. Policy of changing the identity of the Romani in Serbia. T. Varadi, G. Bašić (Eds.). *Changing the Identity, Culture and Language of the Romani under the Planned Social-Economic Integration*. Beograd; 2012 (In Serbian).
- [10] Law on the Protection of the Rights and Freedoms of National Minorities. *Službeni list SRJ*, br. 11/2002, *Službeni list SCG*, br. 1/2003, 72/2009, 97/2013 i 47/2018 (In Serbian).
- [11] Lazar Ž., Koković D. Ethnic distance in Vojvodina (results of the research). *Sociološki Pregled*. 2005; 39 (3) (In Serbian).
- [12] Miladinović S. Ethnic and social distance to the Romani. *Sociološki Pregled*. 2008; 42 (3) (In Serbian).
- [13] Mitrović A. *At the Bottom: The Romani on the Poverty Line*. Beograd; 1990 (In Serbian).
- [14] Mitrović A. The position of the Romani in society — a possible approach to the research of the Romani population. M. Macura, V. Stanovčić (Ed.). *The Position of Minorities in the Federal Republic of Yugoslavia*. Beograd; 1996 (In Serbian).
- [15] Mitrović A., Zajić G. Social status of the Romani in Serbia. *The Romani in Serbia*. Beograd; 1998 (In Serbian).
- [16] Petrović J., Šuvaković U. Social distance of students of Serbia, Macedonia and Bulgaria to the Romani. *Godišnjak za Sociologiju*. 2016; 11 (14—15) (In Serbian).
- [17] Raduški N. Social-demographic and ethnic characteristics of the Romani in Serbia. *Sociološki Pregled*. 2003; 37 (3—4) (In Serbian).
- [18] Sokolovska V. On the research methodology and sample. V. Sokolovska (Ed.). *Social and Cultural Potentials of the Romani in Serbia*. Novi Sad; 2014 (In Serbian).
- [19] Sokolovska V., Jarić I. Educational and economic status of the Romani in Serbia and its regional distribution. *Sociološki Pregled*. 2014; 48 (3) (In Serbian).
- [20] Todorović D. The Romani in the Balkans and Serbia. *Teme*. 2011; 35 (4) (In Serbian).

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-2-212-221

Языковые практики цыган в Сербии: инклюзия или ответ на стигматизацию?*

Я. Петрович

Университет Ниша
ул. Кирилла и Мефодия, 2, Ниш, Сербия, 18000
(e-mail: jasminafilfak1@gmail.com)

Представленные в статье данные являются частью исследовательского проекта «Социальный и культурный потенциал цыганского сообщества в Сербии», реализованного в 2014 году. Опрос был проведен на стратифицированной выборке в 1212 респондентов командой исследователей из четырех университетов Сербии. Одной из задач исследования было определение доминирующих языковых практик цыганского сообщества в Сербии. Автор описывает отношение сербских цыган к использованию разных языков в повседневном общении, а также сами их языковые практики, делая акцент

* © Петрович Я., 2019.

Статья является частью проекта № 179013, реализованного при поддержке Министерства образования, науки и технологического развития Республики Сербия.

Статья поступила в редакцию 14.02.2019 г.

на том, насколько важен цыганский язык для выражения цыганским сообществом собственной идентичности как этнического меньшинства, каковы социальные контексты для использования цыганского языка в повседневном общении и как оценивается важность подобной языковой компетентности цыганами — считается ли цыганский язык символическим капиталом в образовании, особенно учитывая представления цыганских родителей о его важности и их попытки обеспечить своим детям возможность получать образование на родном языке. Результаты опроса подтвердили гипотезу исследования, что отношение цыган к родному языку и их языковые практики являются отражением социального статуса данной группы как этнического меньшинства в сербском обществе. Соответственно, ее языковые практики обусловлены необходимостью поддерживать свою этническую идентичность, а также неравномерным распределением социальной власти между сообществами, представляющими меньшинство и большинство. Таким образом, социальная власть (или ее отсутствие) придает легитимность использованию определенного языка в конкретных социальных ситуациях. В случае с цыганской этнической группой использование родного языка сведено лишь к сфере частного общения, причем некоторые цыгане отказываются от него и скрывают свою этническую принадлежность. Исследование подтвердило, что лингвистическая мимикрия — способ избежать социальной стигматизации.

Ключевые слова: Сербия; цыгане; языковые практики; идентичность; неравенство; стигматизация; инклюзия

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-2-222-234

Euro-optimism or euroscepticism: Opinions of students from Serbia, Macedonia and Bulgaria*

V. Miltojević

University of Niš
Čarnojevića 10a, Niš, Serbia, 18000
(e-mail: vesna.miltojevic@zrnrfak.ni.ac.rs)

Abstract. The paper presents the opinions of students from two countries (Serbia and Macedonia) that strive to join the European Union and from one member country (Bulgaria) about the changes that brings the EU membership. These countries consider joining the European Union as a way out of the transition crisis, while the oldest member countries keep on talking about the decline in trust and euroscepticism. The research aims at identifying whether the students support the EU membership, believe in this community and in that the EU membership would contribute to changes in certain areas of social life; i.e. at identifying whether the students are euro-optimists or eurosceptics. The survey was conducted on a representative sample of 2,208 respondents in three university centers (Serbia — Niš, Macedonia — Bitola, and Bulgaria — Veliko Tarnovo). The data show that, despite accepting the European integration in general, students do not trust in the European Union and do not expect any substantial changes, which makes them eurosceptics. However, there are differences between the three student samples. Thus, Macedonian students expect improvements in the economic development, employment, living standards and social security, but do not expect any significant changes in the quality of life, in reducing the gap between the rich and the poor and in preserving national identity and culture. Serbian students believe in the future economic growth and improving quality of the environment but think that all other areas of social life will remain unchanged. Bulgarian students say that the EU membership has not led to any changes and contributed to the higher unemployment rate and the larger gap between the rich and the poor.

Key words: European Union; euro-optimism; euroscepticism; soft euroscepticism; hard euroscepticism; students' opinions; surveys; Serbia; Macedonia; Bulgaria

Public opinion about the EU membership has changed over time and range from euro-optimism to euroscepticism due to the various economic, political, safety and other benefits and challenges from the EU membership [16]. Euro-optimism is defined as support of European integration and trust in the benefits of the EU membership. Euroscepticism and its indicators are defined differently. The term 'euroscepticism' was first used by Taggart two decades ago to define an open antago Nišm to the European integration [38. P. 366]. A few years later, Szczerbiak helped him to revise the initial definition to introduce a dichotomy of euroscepticisms — hard and soft: hard euroscepticism is an open antago Nišm to the European integration, while soft euroscepticism

* © V. Miltojević, 2019.

The research was financially supported by the Ministry of Education, Science and Technological Development of Serbia. Project No. 179074.

The article was submitted on 6.02.2019.

implies rather an anxiety about changes in some areas of social life and in the position of the state [39. P. 7].

Other authors also worked on the definition of euroscepticism. Flood defines it as suspicion and mistrust in the EU and integration but distinguishes extreme and moderate skepticism [8. P. 550]. Leconte suggests a four-fold typology of euroscepticism: utilitarian, political, value-based and cultural. Utilitarian euroscepticism refers to the failure to get economic benefits from the EU membership at the individual or state level, while the political one expresses opposition or liberation from setting up a supranational institutional system; value-based euroscepticism refers to the opposition to the excessive intervention of the EU in value systems, and the cultural one ('anti-Europea Nišm') — to scepticism about Europe as a civilization, a historical-cultural entity [25]. Kopecky and Mudde believe that euroscepticism should be analyzed in two dimensions: diffuse and specific support. The first dimension consists of 'europhiles' (support the idea of the European integration) and europhobes (opponents of the idea), while another dimension includes eurooptimists (euroenthusiasts and europragmatics) and europessimists (eurosceptics and eurorejects). Eurosceptics support integration but not by means of today institutions, while eurorejects oppose the idea of integration [23. P. 300—302]. Attitude to the European integration and conceptualizations of euroscepticism were also examined by Lubbers and Sheepers [27], Sørensen [36] and many others.

Contrary to the original support of the European integration by the public and political elites [13; 18], the research reveals changes in the attitudes to integration processes. Schmitt found out that such changes were determined by the increasing influence of the EU on national policies [33]; Arnold and Franklin, Hooghe and Marks explained the changes by the reduced autonomy of the peoples [1; 19]. The research after the 2008 economic crisis show the decline of public support for integration [7; 32; 37]; therefore, the issue of euroscepticism is addressed more often. To identify positive and negative attitudes, the researchers examined effects of various factors. Thus, Rohrschneider and Whitefield studied the relationship between euroscepticism and political parties [31], Bakker and de Vreese focused on the personality traits and opinions about the EU [3], Hakhverdian, van Elsas, van der Brug and Kuhn considered the relationship between education and euroscepticism [17]. The data show that among the reasons for the declining public support to integration, or for strengthening euroscepticism, are: the increasing influence of the EU on national policies [32] and the countries' decreasing autonomy [1]; slow recovery after the 2008 economic crisis [7; 24; 37]; personal attitudes to the European Union [4; 20; 41]; perception of political and territorial entities [41; 42]; subjective economic estimates [2; 9; 15; 22; 26], images of other cultures or minorities [29]; lack of democracy [14; 35].

The studies of public opinion about the EU membership in post-socialist countries show that economic and political reforms are crucial factors for euro-optimism [5; 6; 40]. Since 1989, the Balkan countries have undergone the process of transition that led to structural and geopolitical changes. Three neighbouring post-socialist countries — Serbia, Macedonia, and Bulgaria — face numerous economic, social, environmental and other challenges of transition, which makes them similar in that respect. According

to the Human Development Index, three countries range from 59th to 81st ranks (Bulgaria — 59, Serbia — 64, Macedonia — 81), and the value of the HDI ranges from 0.782 (Bulgaria) and 0.771 (Serbia) to 0.747 (Macedonia). The GNI per capita in Serbia is 12.190, in Macedonia — 11.780, in Bulgaria — 15.596 [21]. However, despite their similarities, these countries differ by their EU status: Serbia and Macedonia are only candidates, Bulgaria is already a EU member.

The data presented in this paper are a part of the project *Tradition, Modernization, and National Identity in Serbia and the Balkans under the European Integration* and were collected in an empirical study “Cultural Orientations of Actors/Students, Inter-ethnic Relations, National Identity, and Culture of Peace in the Balkans”. The study aimed at identifying students’ opinions on the quality of social changes in post-socialist societies under modernization, globalization and European integration [28. P. 30—31]. The original assumption was that students are euro-optimists, unconditionally support the accession to the EU, demonstrate a high level of trust in the EU and expect positive changes in the economic development, employment, social security, living standards, environmental protection and preservation of national identity and culture. The study was conducted on the samples of students in the University of Niš (Serbia), University of Bitola (Macedonia), and St. Cyril and St. Methodius University of Veliko Tarnovo (Bulgaria). The representative sample consisted of 2,208 respondents: 818 — from the University of Niš, 804 — from the University of Bitola, and 586 — from the University of Veliko Tarnovo (all three universities are located in the second-largest cities of their countries) [30. P. 9—11]. A standardized questionnaire was used to get answers to the following questions: Do you approve of your country’s EU accession/membership? To what extent do you believe in the European Union? Has the EU membership increased, preserved or decreased: economic growth, unemployment, standards of living, social security, the gap between the rich and the poor, environmental pollution, preservation of national identity and culture. The trust in the EU was examined with the help of the Likert scale.

58% students approved of their countries’ EU membership, 24.5% — did not approve, and 17.5% did not have any opinion. However, they expressed a high degree of distrust towards the EU, slightly less than half, 45.4% (22.1% tend not to trust and 23.3% distrust). 37% have trust in the EU (8.1% firmly trust and 28.9% tend to trust). Students who approve of the EU membership have trust in it (53.3%: 10.3% firmly trust and 43% tend to trust); those who do not have any opinion on the membership demonstrated a significantly lower degree of trust (17.1%), and the opponents of the membership — the lowest (12%). The largest share of students who are against the EU membership have no trust (75.9%: 49.6% distrust and 26.3% tend not to trust); and a high share of those who do not have any opinion also do not trust in the EU (53.1%) but also over 30% of those who agree with the EU membership (10.3% distrust and 19.7% tend not to trust).

The students thought that positive changes would occur only in the economic growth, while the EU membership would not significantly affect the unemployment rate, standards of living, social security, the gap between the rich and the poor, the state of the environment, and preservation of national identity and culture (Table 1). Within

the group of respondents who approve of the EU accession, 59.1% think that it will affect positively the economic growth. On the contrary, the highest share of respondents who are against the EU membership (46.4%) or do not have any opinion (48.8%) think that joining the EU will not affect the economic growth, 26.3% and 33.2% think that it will increase it, and 27.3% and 17.9% — that decrease it. The highest share of respondents who support the EU accession (40%) believe that unemployment will decrease, 32% — that it will remain at the same level, 28% think that it will increase. The highest share of respondents who are against the EU membership (48.1%) or have no opinion (52.4%) believe that unemployment will remain at the same level. A third of respondents who oppose the EU membership (35.5%) and a quarter of having no opinion (25%) think that unemployment will increase, 16.4% and 22.6% — that it will decrease.

Table 1

Students' opinions on the EU accession and changes in society

Spheres of life	increased	unchanged	decreased
Economic growth	46.5%	37.3%	16.2%
Unemployment	29.3%	39.5%	31.1%
Standards of living	39.0%	40.0%	21.1%
Social security	38.5%	46.7%	14.8%
Gap between the rich and the poor	38.5%	47.7%	13.8%
Environmental pollution	27.9%	38.3%	33.8%
Preservation of national identity and culture	22.8%	51.3%	25.9%

The opinions about changes in the standards of living were similar to those about economic growth: more than a half of respondents who approved of the EU membership (50.7%) associated it with the better standards of living, 35.9% thought that the standards would remain the same, 13.4% — that they would decline. The majority of respondents who opposed the EU membership (44.2%) or had no opinion (47.6%) thought that the standards of living would remain unchanged, 37.4% and 23.7% expected them to decline. The belief that accession/membership will raise the standards of living was expressed by 18.5% of opponents of the EU membership and by 28.7% of not having any opinion.

Moreover, like in the above mentioned cases, there is a statistically significant relationship between (non-)approval of the EU membership and opinions about the changes in social security. The majority of respondents who approved of the EU membership (48.8%) thought that social security would increase, while the majority of its opponents (55.1%) or having no opinion (55.4%) believed that social security would remain unchanged. A high share of respondents supporting the EU membership (40.6%) believe that there will be no changes in social security, 10.7% think that it will decrease. Almost the same share of opponents of the EU membership think that social security will increase (21.5%) or decrease (23.4%). Moreover, the highest percentage of respondents who approved of the EU accession (47.9%) or had no opinion (55.7%) thought that the gap between the poor and the rich would remain the same, while the opponents (50.7%) believed that economic inequality would increase. Among the respondents accepting membership, 34.6% thought that inequality would increase,

17.5% — that it would remain at the same level. Regardless of their opinion on the EU accession, the majority of respondents thought that the level of environmental pollution would remain the same. And, finally, the highest share of students, regardless of their opinion on the EU membership, argue that the EU accession will not affect the preservation of national identity and culture. Students who accept membership (28%) think that the preservation of national identity and culture will increase with it membership, while 42.8% of opponents of the EU membership believe that it will have negative impact on the national identity and culture (29.4% of not having any opinion and 17.5% of supporters of the membership).

Thus, the data indicate that, regardless of the general support to the EU membership, students demonstrate a high degree of distrust to the EU, which can be explained by their opinions on the benefits of the EU membership: they think that there will be no changes except for the economic growth. Two thirds of students who do not approve of the membership have neither trust in the EU nor belief in economic growth, higher employment rate, living standards, social security, environmental quality; on the contrary, they think that the gap between the rich and the poor will increase. All the above points to the euroscepticism among students. Moreover, although the majority of respondents from all three samples approved of their country’s EU accession/membership, this opinion is more typical for students from the University of Veliko Tarnovo as compared to the University of Bitola and University of Niš (Table 2). Such a high percentage of the EU membership approval in Veliko Tarnovo implies that the EU accession solved some urgent problem; likewise, the approval rate among the students of Bitola and Niš indicates that they hope the EU accession will help their countries.

The majority of students approve of the EU membership but only the minority trusts in the EU: 20.1% of students from Niš have trust in the EU, 42.3% from Bitola, and 54.3% from Veliko Tarnovo. The highest level of mistrust is among the students from Niš (61.4%, 38.2% in Bitola and 32.3% in Veliko Tarnovo (Table 3).

Table 2

Differences in opinions on the EU accession/membership by universities

University of	Yes	No	No opinion
Niš	43.8%	32.8%	23.4%
Bitola	59.8%	21.1%	19.1%
Veliko Tarnovo	75.5%	17.4%	7.1%

Table 3

Trust in the EU by universities

University of	Firmly trust	Tend to trust	Cannot answer	Tend not to trust	Distrust
Niš	2.5%	17.6%	18.5%	22.9%	38.5%
Bitola	13.7%	28.6%	19.4%	22.5%	15.7%
Veliko Tarnovo	8.5%	45.8%	13.5%	20.2%	12.1%

The ANOVA test, i.e. a single-factor analysis of variance, showed the impact of the residential factor on the level of trust in the EU. Students were divided into groups by countries (Serbia, Macedonia, Bulgaria) or by universities. There was a statistically significant difference in the level of trust in the EU by countries: $F(2,1789)$, $p = 0.000$, Eta square (0.13), which can be interpreted as an influence of the residential factor on the level of trust in the EU. Subsequent comparisons (using Tukey Post Hoc Tests) show a significant difference between the median values of the EU trust of the students from Serbia ($M = 3.19$, $SD = 0.87$) compared to the students from Macedonia ($M = 2.49$, $SD = 0.99$) and from Bulgaria ($M = 2.41$, $SD = 0.84$). The difference in the level of the EU trust among the students from Bulgaria and Macedonia is not statistically significant.

The initial assumption was that students of the University of Veliko Tarnovo would say that the EU membership had increased economic growth, standards of living, social security and preservation of national identity and culture, and had decreased unemployment, the gap between the rich and the poor and environmental pollution. However, the majority said that there were no changes in economic growth that remained at the level; a somewhat higher share agreed that the growth had increased. On the contrary, the majority from the University of Bitola and Niš believe that the EU accession would increase their country's economic growth; a smaller share think that the EU accession would not have any impact (Table 4).

Table 4

Students' opinions on the EU membership and societal changes

Spheres of life	Changes	Niš	Bitola	Veliko Tarnovo
Economic growth	increased	45.0%	59.2%	30.6%
	unchanged	42.2%	29.2%	41.7%
	decreased	12.8%	11.6%	27.7%
Unemployment	increased	19.8%	28.0%	45.1%
	unchanged	47.4%	34.7%	35.3%
	decreased	32.9%	37.2%	19.5%
Standard of living	increased	38.4%	49.0%	25.3%
	unchanged	47.5%	29.6%	44.0%
	decreased	14.1%	21.4%	30.7%
Social security	increased	37.9%	46.0%	28.2%
	unchanged	49.3%	39.4%	53.8%
	decreased	12.8%	14.7%	18.0%
The gap between the rich and the poor	increased	34.1%	33.0%	53.0%
	unchanged	53.6%	45.8%	41.7%
	decreased	12.3%	21.2%	5.4%
Environmental pollution	increased	24.8%	27.9%	32.5%
	unchanged	34.6%	37.8%	44.5%
	decreased	40.5%	34.3%	23.0%
Preservation of national identity and culture	increased	15.9%	32.3%	19.3%
	unchanged	48.8%	47.9%	59.8%
	decreased	35.3%	19.8%	20.9%

Table 5

Students' opinions on the EU membership and economic changes by universities

University of	Do you approve of your country's EU membership?	Has the EU membership increased, preserved or decreased the economic growth?		
		increased	unchanged	decreased
Niš	Yes	68.1%	28.8%	3.1%
	No	23.8%	50.9%	25.3%
	No opinion	32.1%	55.1%	12.8%
Bitola	Yes	72.5%	20.6%	6.9%
	No	37.5%	39.9%	22.6%
	No opinion	41.1%	44.4%	14.6%
Veliko Tarnovo	Yes	36.3%	41.3%	22.3%
	No	13.7%	45.3%	41.1%
	No opinion	9.8%	36.6%	53.7%

In terms of economic trends after joining the EU, the data indicate statistically significant differences by countries — between respondents from Niš, Bitola and Veliko Tarnovo, as well as between respondents from Bitola and Veliko Tarnovo. Students from Niš and Bitola that support the EU accession believe in economic prosperity after it. The largest share of the membership opponents and having no opinion think that the economic situation will not change. However, in Veliko Tarnovo the largest shares of respondents who approve and disapprove of Bulgaria's membership in the EU say that everything remained the same (Table 5).

The data reveal eurooptimism among students from Niš and Bitola that approve of the membership and trust in economic prosperity, while those who oppose it or have no opinion are considered as eurosceptics. Euroscepticism is present among the students of Veliko Tarnovo regardless of their opinion on the EU accession, perhaps due to the emphasis on the relationship between trust in the EU and economic prosperity.

The opinions of students from three countries about solving the problem of employment are different. Serbian students believe that the EU membership will not contribute to any changes in employment. On the contrary, Macedonian students express optimism and think that unemployment rate will fall, while Bulgarian students are pessimistic and believe that the EU membership contributed to the negative trend, and unemployment has increased. Students from Niš and Bitola who approve of their countries' membership in the EU express optimism and think that unemployment would decrease. Euroscepticism is typical for opponents of the EU membership and having no opinion — they think that unemployment would remain at the same level. However, regardless of whether they approve, disapprove or have no opinion on Bulgaria's EU membership, the largest share of students thought that unemployment had increased (Table 6).

47.5% of students from the University of Niš did not associate Serbia's EU accession with the increased standards of living. Students from Veliko Tarnovo have similar opinion (44% think that the standards will remain at the same level, 30.7% — that will decrease, 25.3% — will increase). Students from Bitola have a completely different opinion: every second believes that the standards of living will increase (49%) and less than 30% think that they will remain at the same level (29.6%), 21.4% — that they will increase. Thus, students from Niš and Veliko Tarnovo are eurosceptics, while students from Bitola are eurooptimists.

Table 6

Students' opinions on the EU membership and unemployment by universities

University of	Do you approve of your country's EU membership?	Has the EU membership increased, preserved or decreased unemployment?		
		increased	unchanged	decreased
Niš	Yes	15.8%	33.8%	50.4%
	No	27.3%	56.2%	16.5%
	No opinion	16.5%	60.1%	23.4%
Bitola	Yes	26.2%	26.8%	47.0%
	No	31.5%	46.4%	22.0%
	No opinion	28.5%	47.0%	24.5%
Veliko Tarnovo	Yes	40.2%	36.4%	23.4%
	No	64.9%	28.9%	6.2%
	No opinion	51.2%	36.6%	12.2%

Table 7

Students' opinions on the EU membership and standards of living by universities

University of	Do you approve of your country's EU membership?	Has the EU membership increased, preserved or decreased standards of living		
		increased	unchanged	decreased
Niš	Yes	61.7%	33.2%	5.1%
	No	15.0%	59.0%	25.9%
	No opinion	27.8%	57.8%	14.4%
Bitola	Yes	61.4%	26.8%	11.7%
	No	26.8%	31.0%	42.3%
	No opinion	34.2%	37.5%	28.3%
Veliko Tarnovo	Yes	29.4%	48.3%	22.3%
	No	13.5%	26.0%	60.4%
	No opinion	12.2%	39.0%	48.8%

The majority of students from Niš and Bitola who support the EU accession associate it with higher standards of living. However, there is a difference between Serbian and Macedonian students who oppose the EU accession and have no opinion. The majority of such Serbian students think that the standards of living will remain the same; the highest share of students from Bitola who are against the EU membership think that the standards of living will fall, while not having any opinion do not expect changes here. Bulgarian respondents who support the EU membership think that their standards of living remained the same, while opponents and having no opinion mentioned a decline (Table 7). Such answers reveal euro-optimism of Serbian and Macedonian students and euroscepticism of Bulgarian students.

Although the majority of respondents think that social security will remain the same, the highest shares of Serbian and Bulgarian students believe that it will remain at the same level, while Macedonian students expect its growth. Euro-optimism is evident among students from Niš and Bitola who opt for the EU membership, while its opponents or having no opinion think that there will be no changes. Bulgarian students, regardless of their opinion on joining the EU, show euroscepticism in terms of social security (see no changes). Moreover, the majority of respondents from the non-EU universities think that the gap between the rich and the poor will remain

the same after accession (Niš: 53.6%, Bitola: 45.8%), an almost equal number think that it will increase (Niš: 34.1%, Bitola: 33%). On the contrary, the majority of students from the University of Veliko Tarnovo think that the gap between the rich and the poor has increased due to Bulgaria's EU accession (53%), 41.7% consider it the same. The largest share of Serbian students, regardless of their opinion in the EU membership, think that the differences between the rich and the poor will remain the same. Regardless of their attitudes to Bulgaria's EU membership, students from Veliko Tarnovo believe that the gap has not decreased. Considering the students' opinions on the gap between the rich and the poor, all respondents, regardless their country and opinions on the EU membership, are euroskeptics.

Finally, there are differences in the opinions of students on preserving national identity and culture. Although the largest shares in all three samples think that the EU membership will not affect the preservation of national identity and culture, among the students who support the membership or do not have any opinion, the largest share does not believe in changes, while Serbian students who are against the EU membership still believe in its positive impact on preserving national identity and culture (Table 8).

Table 8

Students' opinions on the EU membership and preserving national identity and culture

University of	Do you approve of your country's EU membership?	Has the EU membership increased, preserved, or decreased preservation of national identity and culture?		
		increased	unchanged	decreased
Niš	Yes	21.1%	58.9%	20.0%
	No	10.6%	34.0%	55.5%
	No opinion	14.1%	50.3%	35.7%
Bitola	Yes	38.2%	46.3%	15.5%
	No	22.6%	50.0%	27.4%
	No opinion	24.5%	51.7%	23.8%
Veliko Tarnovo	Yes	22.3%	60.0%	17.8%
	No	10.5%	54.7%	34.7%
	No opinion	9.8%	68.3%	22.0%

Considering the variability of opinions about social changes and the course of changes as determined by the EU accession, the ANOVA test, which was used to assess the impact of the residential factor on the social changes and their course, shows that the differences are not statistically significant: $F(2, 2145)$, $p = 0.000$, Eta square = 0.07.

The results of survey in Bulgaria somewhat surprised us. Subjective estimates of the benefits of the EU membership by students from Veliko Tarnovo in terms of economic growth do not correspond to the official data: the GNI per capita grows. Before the EU accession in 2007, it was 12.360, and in 2012 — 15.690, but this rise is not recognized (not visible or irregularly distributed). On the other hand, the unemployment rate was decreasing (from 18.2% in 2002 to the lowest rate of 5.6% in 2008) only to begin to grow again to reach 12.3% in 2012 with an ongoing increasing trend [10; 11]. The results collected in the Bulgarian samples are surprising for Bulgarian students, as compared to Macedonian and especially Serbian students, showed considerable trust in the EU.

Based on the presented data, the hypothesis was confirmed partially: the comparative analysis showed both similarities and differences not only between respondents from the EU member (Bulgaria) and non-EU countries, but also between students from Serbia and Macedonia. The majority of students approved of the EU accession/membership; nevertheless, regardless of this consensus and the general believe that the EU accession would contribute to the economic growth, students think that the EU membership does not necessarily contribute to the growth of standards of living, preservation of national identity and culture and social security or to the decrease of unemployment, the gap between the rich and the poor, and environmental pollution; thus, there is a high level of mistrust in the EU.

In general students consider the EU accession/membership as a way to solve only some problems. Students of the University of Niš express euro-optimism regarding economic growth and environmental issues and euroscepticism — regarding social prosperity in Serbia, i.e. unemployment rate, standards of living, social security, and the gap between the rich and the poor. Students of the University of Bitola are euro-optimistic, except in terms of the gap between the rich and the poor and environmental issues: the majority believe that the EU accession will contribute to economic growth, lower unemployment rate, higher standards of living and social security but will not affect preservation of national identity and culture, i.e. Macedonian students are more euro-optimistic than Serbian students.

Students of the University of Veliko Tarnovo are sceptic about economic growth, standards of living, social security, preservation of national identity and culture and environmental pollution, and, most importantly, they are eurosceptics on unemployment and the gap between the rich and the poor. Such opinions partially correlate with the data on the quality of life: on a scale from 1 to 10, the Bulgarians evaluated their standards of living with 4.7, the Serbs — with 5.3, and the Macedonians — with 5.8 [12]. Students from Niš and Bitola are more optimistic than students from Veliko Tarnovo, which can be explained by the fact that Bulgarian students have an experience of being a EU member country, while Serbian and Macedonian students are just expecting positive changes after their countries' EU accession. The majority of students from three countries accept the EU membership but at the same time express a high level of mistrust in the EU and doubt significant positive changes in their countries after the EU accession; therefore, they can be named 'soft eurosceptics'.

References

- [1] Arnold C., Franklin M.N. Introduction: Issue congruence and political responsiveness. *West European Politics*. 2012; 35 (6).
- [2] Anderson C.J. When in doubt, use proxies: Attitudes toward domestic politics and support for European integration. *Comparative Political Studies*. 1998; 31 (5).
- [3] Bakker B.N., de Vreese C.H. Personality and European Union attitudes: Relationships across European Union attitude dimensions. *European Union Politics*. 2016: 17 (1).
- [4] Carey S. Undivided loyalties: Is national identity an obstacle to European integration? *European Union Politics*. 2002; 3 (4).
- [5] Cichowski R.A. Western dreams, eastern realities. Support for the European Union in Central and Eastern Europe. *Comparative Political Studies*. 2000; 33 (10).

- [6] Christin T. Economic and political basis of attitudes towards the EU in Central and East European countries in the 1990s. *European Union Politics*. 2005; 6 (1).
- [7] de Vries C.E. Ambivalent Europeans? Public support for European integration in east and west. *Government and Opposition*. 2013; 48 (3).
- [8] Efimovski S. Euroscepticism as theoretical concept. *Sociologija*. 2013; 55 (4) (In Serbian).
- [9] Eichenberg R.C., Dalton R.J. Europeans and the European Community: The dynamics of public support for European integration. *International Organization*. 1993; 47 (4).
- [10] *Eurostat Yearbook 2012: Labour Market*. http://ec.europa.eu/eurostat/en/web/products-statistical-books/-/CH_05_2012_XLS.
- [11] *Eurostat Statistics Explained*. European Commission. Available from: [http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/File:Unemployment_rate_2004-2015_\(%25\)_new.png](http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/File:Unemployment_rate_2004-2015_(%25)_new.png) [Accessed 11 Decembre 2018].
- [12] Eurofond: *Quality of life in enlargement countries. Third European Quality of Life Survey*. 2013. http://www.eurofound.europa.eu/sites/default/files/ef_publication/field_ef_document/ef1350en8_0.pdf.
- [13] Franklin M., Marsh M. Uncorking the bottle: Popular opposition to European unification in the wake of Maastricht. *Journal of Common Market Studies*. 1994; 32 (4).
- [14] Follesdal A., Hix S. Why there is a democratic deficit in the EU: A response to Majone and Moravcsik. *Journal of Common Market Studies*. 2006; 44.
- [15] Gabel M., Whitten G.D. Economic conditions, economic perceptions, and public support for European integration. *Political Behavior*. 1997; 19 (1).
- [16] Gabel M.J., Palmer H.D. Understanding variation in public support for European integration. *European Journal of Political Research*. 1995; 27 (1).
- [17] Hakhverdian A., van Elsas E., van der Brug W., Kuhn T. *Euroscepticism and education: A longitudinal study of twelve EU member states*. Amsterdam; 2013.
- [18] Hobolt S.B., Tilley J. *Blaming Europe? Responsibility without Accountability in the European Union*. Oxford University Press; 2014.
- [19] Hooghe L., Marks G. A postfunctionalist theory of European integration: From permissive consensus to constraining dissensus. *British Journal of Political Science*. 2009; 39 (1).
- [20] Hooghe L., Marks G. Does identity or economic rationality drive public opinion on European integration? *Political Science and Politics*. 2004; 37 (3).
- [21] *Human Development Report*. United Nations Development Programme. 2016. <http://hdr.undp.org/en/69206>.
- [22] Ioannou D., Leblond P., Niemann A. European integration and the crisis: Practice and theory. *Journal of European Public Policy*. 2015; 22 (2).
- [23] Kopecky P., Mudde C. The two sides of euroscepticism: Party positions on European integration in East Central Europe. *European Union Politics*. 2002; 3 (3).
- [24] Lakićević D.D. Europe on the measure of the strong. *Sociološki Pregled*. 2013; XLVII (1) (In Serbian).
- [25] Lecont C. *Understanding Euroscepticism*. New York; 2010.
- [26] Lewis-Beck M. *Economics and Elections: The Major Western Democracies*. University of Michigan Press; 1990.
- [27] Lubbers M., Scheepers P. Political versus instrumental euro-scepticism: Mapping scepticism in European countries and regions. *European Union Politics*. 2005; 6 (2).
- [28] Mitrović Lj., Stojić G. *Transition, Modernizations, and National Identity in Serbia and the Balkans under the European Integration (Road Map for the macro-project 179074)*. Niš; 2012 (In Serbian).
- [29] McLaren L.M., Guera S. Public opinion and the European Union. Cini M., Pérez-Solórzano Borragán N. (Ed.). *European Union Politics*. Oxford University Press; 2013.
- [30] Petrović J. Basic information on the sample, instrument, and field work for the empirical study “Cultural Orientation of Actors/Students, Interethnic Relations, National Identity and the Culture of Peace in the Balkans”. Zaharijevski D.S., Djorić G., Stojić G. (Eds.). *Cultural Orietations of Students and the Culture of Peace in the Balkans*. Niš; 2014 (In Serbian).

- [31] Rohrschneider R., Whitefield S. Responding to growing European Union-skepticism? The stances of political parties toward European integration in Western and Eastern Europe following the financial crisis. *European Union Politics*. 2016; 17 (1).
- [32] Roth F., Nowak-Lehmann F., Otter T. Crisis and trust in national and European Union institutions — panel evidence for the EU, 1999—2012. *EUI Working Papers RSCAS 2013/31*. <http://cadmus.eui.eu/handle/1814/26975>.
- [33] Schmitt H. The European parliament elections of June 2004: Still second-order? *West European Politics*. 2005; 28 (3).
- [34] Sørensen C. Public euroscepticism: The diversity of Denmark, France and the United Kingdom. https://www.eliamep.gr/wp-content/uploads/en/2008/10/sorensen_conceptualising_public_euroscepticism.pdf.
- [35] Sørensen C. Love me, love me not: A typology of public euroscepticism. *SEI Working Paper No. 101*. 2008. <https://docplayer.net/41439918-Love-me-love-me-not-a-typology-of-public-euroscepticism-catharina-sorensen-da-Nišh-institute-for-international-studies.html>.
- [36] Sørensen C. *Euroscepticism. A Conceptual Analysis and a Longitudinal Cross-Country Examination of Public Scepticism towards the European Union*. PhD Thesis. Copenhagen; 2007.
- [37] Serricchio F., Tsakatika M., Quaglia L. Euroscepticism and the global financial crisis. *Journal of Common Market Studies*. 2013; 51 (1).
- [38] Taggart P. A touchstone of dissent: Euroscepticism in contemporary Western European party system. *European Journal of Political Research*. 1998; 33 (3).
- [39] Taggart P., Szczerbiak A. Theorising party-based euroscepticism: Problems of definition, measurement and causality. *SEI Working Paper No. 69*. 2003. <https://www.sussex.ac.uk/webteam/gateway/file.php?name=epern-working-paper-12.pdf&site=266>.
- [40] Tucker J.A., Pacek A.C., Berinsky A.J. Transitional winners and losers: Attitudes toward EU membership in post-commu Ništ countries. *American Journal of Political Science*. 2002; 46 (3).
- [41] Van Kersbergen K. Political allegiance and European integration. *European Journal of Political Research*. 2000; 37 (1).
- [42] Weßels B. Discontent and European identity: Three types of euroscepticism. *Acta Politica*. 2007; 42 (2—3).

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-2-222-234

Еврооптимизм или евроскептицизм: мнения студентов Сербии, Македонии и Болгарии*

В. Милтоевич

Университет Ниша
ул. Чарноевича, 10а, Ниш, Сербия, 18000
(e-mail: vesna.miltojevic@zrnrfak.ni.ac.rs)

В статье представлены мнения студенчества двух стран (Сербии и Македонии), которые стремятся стать членами Европейского Союза (ЕС), и одной страны (Болгарии), которая уже получила этот статус, о том, какие изменения способно обеспечить подобное членство. Все три страны считают вступление в ЕС способом преодолеть кризис переходного периода, однако многие старейшие члены

* © В. Милтоевич, 2019.

Исследование было проведено при финансовой поддержке Министерства образования, науки и технологического развития Республики Сербия. Проект № 179074.

Статья поступила в редакцию 6.02.2019.

данного сообщества уверенно заявляют о падении доверия к нему и нарастании евроскептицизма. Исследование было призвано показать в сопоставительном ключе, поддерживают ли студенты вступление своих стран в ЕС, верят ли в силу данного сообщества и в то, что членство в нем обеспечит изменения в целом ряде важных сфер социальной жизни, т.е. проект должен был охарактеризовать студентов как еврооптимистов или евроскептиков. Опрос был проведен на репрезентативной выборке в 2208 респондентов в трех университетских центрах (в Сербии — в городе Ниш, в Македонии — в городе Битола, в Болгарии — в городе Велико-Тырново). Согласно полученным данным, несмотря на общее одобрение европейской интеграции, студенты все же не верят в потенциал ЕС и не ожидают от членства своих стран в нем каких-либо серьезных изменений в жизни своих обществ, что, несомненно, делает их евроскептиками. Однако между тремя студенческими выборками прослеживаются серьезные различия. Так, македонские студенты ожидают от членства своей страны в ЕС улучшений в сфере экономического развития, снижения уровня безработицы, повышения уровня жизни населения и социального обеспечения, однако не надеются на значительные изменения в качестве жизни, не ожидают сокращения разрыва в уровне доходов бедных и богатых и значительного вклада в сохранение своей национальной идентичности и культуры. Сербские студенты верят в будущий экономический рост и улучшение экологической ситуации, но полагают, что положение дел во всех остальных сферах общественной жизни не изменится. Болгарские студенты отмечают, что членство их страны в ЕС не принесло ей каких-либо серьезных изменений и даже усугубило проблему безработицы и увеличило разрыв в уровне жизни богатых и бедных.

Ключевые слова: Европейский Союз; еврооптимизм; евроскептицизм; мягкий евроскептицизм; жесткий евроскептицизм; мнения студентов; опросы; Сербия; Македония; Болгария

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-2-235-243

Sociological aspects of the transformation of agrarian structure of Serbia in 1990—2018*

S. Šljukić, M. Šljukić

University of Novi Sad

Dr. Zorana Đinđića, 2, Novi Sad, Serbia, 21000

Abstract. One of the constitutive elements of former socialist societies that suffered radical transformations in recent decades of ‘the transition’ is certainly the agrarian structure. The authors focus on the sociological aspects of the Serbian agrarian structure transformation from the breakdown of the socialist system to the present day. The first phase of changes (1990—2000) created an environment and prerequisites for the differentiation of peasantry that continues until the present day. The second phase (2001—2012) is characterized by the appearance of large agricultural enterprises that emerged primarily as a result of privatization. During the third phase (2013—) Serbia has been drawn into the global process of ‘land grabbing’. The authors argue that in agriculture, instead of the middle class consisting of farmers, the country got a very differentiated peasantry opposing the large enterprises; and this situation is typical for post-socialist states due to three interrelated reasons: the new social-economic order was not built on the ruins of socialism but rather from the ruins; different actors within the Serbian society pursued their particular interests in the process of changes and followed demagogical declarative instructions from external experts, especially from the West; new political elites did not strive to build ex-socialist states according to their own model but rather met the needs and carried out the plans of their governments and companies, i.e. the term ‘periferization’ should be used instead of the term ‘transition’. In the final part of the paper, the authors try to answer the question why the transitional expectations regarding agrarian structural transformation did not come true, and the institutional framework for the majority of farmers working on the medium-size lands was not created. The authors also try to predict the upcoming possible alterations within the agrarian structure of the Republic of Serbia.

Key words: agrarian structure; large farmlands; land grabbing; Serbia; peasantry; farmers; transition

There is no doubt that societies of Central and Eastern Europe have undergone serious transformations over the last three decades. Substantial changes took place in politics, economy and the way of life (culture). It would be very difficult to find a single element of society that has not been significantly altered. Initially this process was called ‘transition’ to reflect a fundamental change from the one-party system to the liberal-democratic political system, from the administrative planned economy to the free market economy based on private property. etc. Finally, the transition was to ensure a complete harmony between societies of Central and Eastern Europe and societies of the West, thus, providing more freedoms, comprehensive social development, etc. However, it soon became obvious that the transition could not fulfill its promises: for instance, societies of Central and Eastern Europe have not become copies of the Western

* © S. Šljukić, M. Šljukić, 2019.

The article was submitted on 31.01.2019.

European societies, which spawned debates on the definitions of transition claiming that it was not a universal path intended for all, and which changed interpretations of the above mentioned processes to the ‘recombinant property’ [24] and even ‘periferization’ [10].

A typical example of the failure of the transformations to achieve the predicted results is agriculture of rather agrarian structure. Despite the forecast that socialist agriculture will be substituted by small farmers, the expectations regarding the development of family farming were not met. In other words, the agrarian structure created by the transition is not similar the one we see in West European countries due to the fact that large farms (agricultural enterprises) kept their huge share in agricultural production in the countries of Central and Eastern Europe [23]. We will try to explain the transformation of the agrarian structure in Serbia focusing on its sociological aspects in the period from 1990 to 2018. By the term ‘sociological aspects’ we refer primarily to the social-structural dimension of changes. 1990 was the year when the new Constitution of the Republic of Serbia was ratified; 2018 refers to the moment when Serbia definitely entered the trend described in the literature as ‘land grabbing’. Transformation of the agrarian structure in Serbia consists of three phases: in the first phase (1990—2000), there were some crucial changes that started the process of differentiation among agricultural producers; in the second phase (2001—2012), the formation of large farmlands was completed; in the third phase (2013—), foreign corporate and other capital turned its attention to Serbian farmlands.

We will start with a short review of the situation in Yugoslavia. Although the socialist regime had the same essential characteristics everywhere, there were particular specificities varying from one country to another, which affected the course of transition after the breakdown of socialism. One of the peculiarities of the Serbian (Yugoslavian) society was its agriculture. By the II World War Serbia was a part of Yugoslavia and a predominantly agrarian country. Its agrarian structure consisted mainly of small peasant economies with some number of larger private enterprises in the north. After the World War II, as in several countries of Central and Eastern Europe, the agrarian reforms (1945) began: they atomized farmlands even further, thus, providing opportunities for creating huge state agricultural enterprises. The number of economies ranging from 2 to 10 hectares increased and the number of economies larger than 10 hectares decreased.

And again, as in other socialist states, the political elite tried to collectivize agriculture so as to control food production. This process was very slow in the first years after the war but accelerated after the geopolitical turn of 1948 (break with the USSR and convergence with the West). In two to three years a tremendous part of agriculture in Yugoslavia was collectivized — the peasantry was forced to join the so called ‘peasant farming cooperatives’ (SRZ) by administrative pressure and strong propaganda so that to create a Yugoslav version of soviet collective farms (kolkhozes) [17]. In a short time period, SRZ proved to be economically inefficient. In 1953, the communist authorities made a substantial change in the approach to the agricultural policy, perhaps, due to the ideological pressure of the West: peasants were allowed to leave SZR, which led to almost complete decollectivization. Most of SZR were dissolved but simultaneously the agrarian maximum (the allowed private land property) was limited to 10 hectares in plains and to 15 — in mountains. Such a measure and other administrative restrictions

were the essence of the state modernization of peasant householdings. Large state farms remained but peasant croplands represented more than 80% of all arable land [20].

Thus, Yugoslavia (and Serbia) became an anomaly in the socialist world because their agrarian collectivization failed. Somewhat similar was the case of Poland [6]. From that period and to the crash of socialism, Serbian agriculture was very special due to its dual structure: on the one hand, there coexisted state-owned agricultural enterprises and state-controlled cooperatives abundantly supported by the state (socialist sector); on the other side, there were peasant farms, atomized but numerous and dominant (private sector) considering the whole farmland capacity. Under administrative limitations and without state funding a number of peasant farms managed to be modernized. These peasant economies increased their economic capital and also preserved and enlarged their cultural capital [20; 22].

One of the cornerstones of the changes in post-socialist countries (implemented by the state ‘from the top’) was the transformation of state property into private. It was assumed that private property as the foundation of free market would ensure more efficient resource management (in agriculture too). Agrarian privatization practically meant a large scale agrarian reform consisting of restitution and repartition of large (collectivized) farmlands under the farmers’ control. That agrarian reform was realized by ex-socialist states differently and with different outcomes [7; 12; 14; 23]. In some countries, for instance in Romania, the results of the agrarian reform were devastating: the farmland was owned by elderly peasants and their heirs who lived in cities, which destroyed agricultural production [21]. Due to the fact that collectivization in Yugoslavia failed in the 1950s and that smallholders owned most farmlands, the agrarian reform in Serbia had significantly less effects as compared to other socialist countries. However, some changes in agriculture can be considered as an agrarian reform for they started transformations of agrarian structure.

Certainly, the most important measure was the abolishment of farmland of maximum of 10 (15 in mountains) hectares that was embedded in the Constitution and that ‘medium-sized’ the peasantry. This was finally done by the Constitution of 1990. The farmland market that suffered numerous limitations until that moment awakened. Due to the lack of measures concerning property of farmlands, the process of peasant differentiation started. Until this point, smallholdings were ‘frozen’, so peasants spent money on mechanization, construction and other non-production purposes. The new situation allowed peasants who accumulated some resources (including social and cultural capital) to increase their estates and croplands for market purposes. However, households without young workforce and proper mechanization were forced to sell their lands.

The second measure was a limited restitution of land property: peasants whose land was taken in 1953 received their property back. The same applied to the land confiscated in the period of mandatory purchase of agricultural products (1945—1952). ‘The Law on Terms and Conditions for Recognition the Right and Restitution of Land Transferred into State Property According to the Legislature on Agricultural Land Fund and Confiscation due to the Failure to Meet the Set Deadlines of Mandatory Purchase of Agricultural Products’ was implemented for a long time and accompanied by numerous problems, mainly due to the fact that the farmlands that were to have been returned to their

owners were still cultivated by state firms. The most important consequence ensuing this affected new farmlands that were ‘thrown’ on the market, which started a new spurt of differentiation. The successors who lived in urban areas often did not have any other choice but to sell their recently acquired land. The process of restitution involving recognition and inclusion of the agrarian reform of 1945 started a decade later (2011), and is still ongoing with numerous problems and controversies.

In 1992, a new bill was passed to separate collective and state farmlands. ‘Social property’ was one of the specificities of socialism in Yugoslavia and represented a kind of collective property that was managed by social companies but the final decision was always on the state (social property was a type of state property). Division of agricultural land was the consequence of the state intention to identify farmlands for privatization and to be kept in state property. However, mass privatization did not start until 21st century, before it was quite sporadic. State rejection to privatize social farmlands was determined by the believe of the political elite that mass privatization (of land and other resources) would mean a loss of control over financial flows.

Despite the lack of mass privatization in the 1990s, which meant for Serbia the status of ‘blocked transformation’ [11], there were significant changes in social structure due to the development of private property almost beyond limits. In agriculture, under the slow, steady and apparent processes of differentiation of peasant smallholdings and concentrated aggregation of farmlands, the average farmland grew from 2,4 hectares in 1991 to 5,44 hectares in 2012 [1] (the methods of measuring the average farmland in 1991 and 1012 were not identical but they are comparable). Consolidation process was accelerated by the market. Farmers with larger reserves of various capital (economic, social and cultural) succeeded in the market, while the other stagnated and/or were thrown out of the market. Considering the fact that the Serbian state does not follow a consistent policy in agriculture we can expect further differentiation of agricultural producers in the future.

Soon after leaving the model of imposing the maximum land size, the market of agricultural land got new managers of socialist firms and businessmen who accumulated their capital in other domains (commerce, banking, industry) and often did not have any relations with agriculture but realized that the new market provided new opportunities to convert their social capital into economic or to simply increase their wealth by safe investments in farmlands. Thus, since the second half of the 1990s, the process of developing large estates and huge farmlands (contemporary latifundia) started.

We should mention that there have been large farmlands in the northern parts of Serbia (Vojvodina) since the feudal era. The Revolution of 1848 turn these feudal lands into capitalist private property. In 1918 these lands became a part of the Serbian Kingdom, subsequently a part of the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes. Most of the landowners were foreigners — Germans and Hungarians. By the agrarian reform of 1919 these farmlands were confiscated and given to peasants, while owners of large farmlands who were of Serbian nationality kept their (reduced) farmlands. It is interesting that socialism did not abolish large farmlands and only enabled changes of ownership: since 1945, state (later social) agricultural enterprises became proprietaries of thousands of hectares of farmlands, mainly in Vojvodina. These farmlands were even enlarged in the 1960—1970s within the process of creating huge agro-industrial complexes [22].

Large estates in Northern Serbia survived in the post-socialist environment, and their consolidation and growth were determined mainly by privatization. After the shift of the regime (2000), new features of the Serbian economy accelerated transformation of social property into private property. In 2001, the 'Law on Privatization' was adopted and approved the sale of social (state) enterprises (including agricultural) via auction or tender. Privatization was implemented by a new state institution — Privatization Agency. Its model led to the aggregation of enormously large farmlands due to the fact that social agricultural enterprises were sold together with agricultural land. The purchase of social agricultural farmland provided buyers with enormous legal privileges. A hectare of farmland in social property cost several times less than the land at free market: about 500 Euros per hectare vs. ten times higher price at the open market. Also the buyer gained the right to freely and without charge use and exploit the state farmland. This privilege was cancelled in 2006 when the state finally decided to charge the rent.

For the first time an agriculture company was privatized in 2002. By 2010 the state sold 179 agricultural economies. 9 agricultural complexes with 7 to 9 thousand hectares were sold by tender. About 80% of farms were sold cheaper than their actual capital asset value. Two thirds of buyers were the owners of big private companies [15]. There were so few new landlords that they could be counted on the fingers of one hand. There are no reliable data on how much land was owned by each individual but it is estimated to range from 10 to 30 thousands hectares [22]. Some owners had favorable 'starting positions' won in the 1990s, while others began as independent entrepreneurs with close relationships with political elites. Their wealth would have been much smaller without their social capital; moreover, they share the common feature of being present in other branches of economy (food industry, commerce, banking, insurance).

Large farmlands are used in a capitalist manner — by hiring workforce from seasonal workers to engineers and managers. The productivity is high due to the mechanization and minimal number of employees. They produce for domestic and foreign markets; tend to invest abroad; purchase agricultural land in other former socialist countries (for example, in Ukraine). These new latifundists consider agricultural land primarily as a commodity that can be bought and sold at will. In other words, these capitalists acquired their wealth recently, they are not members of nobility or peasants (farmers) who inherited their farmland and are strongly tied to land by traditions and not merely economic interest [22].

This period is marked by another important characteristic also related to privatization: due to privatization of industrial complexes and massive cuts in number of employees, the share of workers in industry dropped by 12% (from 33,5% in 2001 to 21,6% in 2009), while the deagrarianization trend ceased and even reversed. In the same period there was a 4%-increase in number of employees in agriculture (from 19,6% to 23,9%). It is obvious that the third sector (increase from 46,9% to 54,5%) could not absorb all those who lost their jobs in industry, which made some people return to agriculture on the farmlands of their ancestors. The majority of reagrarianized former industrial workers own smallholdings and produce enough just to satisfy the needs of their families, i.e. their marginal participants of the market [18].

Over the human history agricultural land represented the paramount resource concerning the life needs. In modern societies, industry became increasingly significant,

then finance and today information. However, under the economic crisis the value of agricultural land grew due to the simple fact that in such times food becomes more important. This is exactly what happened in the late 2000s under the global economic crisis. All of a sudden many powerful economic factors started to invest in farmlands and strived to purchase or rent as much farmland as possible. Such a chase after agricultural land in recent decades was named 'land grabbing'. Starting from 2008, big companies and governments try to seize control over large agricultural areas all around the world but primarily in the Third World (Africa, Asia and Latin America). By 2012 in developing countries there were 1217 contracts on 83,2 million hectares. The largest investors are China and Chinese companies, then the rich oil countries of the Arabian Peninsula (Saudi Arabia, United Arab Emirates, Qatar and Bahrain) and South Korea. These countries have a permanent problem of ample supply of food due to the natural conditions or overpopulation. Therefore, they try to solve the problem by purchasing agricultural farmland in other countries. Land grabbing affects lives and perspectives of millions of people in developing countries, which determines numerous political conflicts. For instance, when the South-Korean company Daewoo Logistics Corporation tried to rent 1,3 million hectares of Madagascar farmland to set production of corn and palm oil, the political conflict dislodged the government [3; 13].

Land grabbing is not confined to developing countries, it is widespread in Eastern Europe and the former USSR states. The above mentioned actors tend to seize large farmlands in Serbia together with western governments and companies, whose activities are usually named 'foreign direct investment' rather than land grabbing. Numerous business contracts transferred hundreds of thousands of farmlands in Romania, Ukraine and other countries into foreign property. The prices of farmland in Eastern Europe are significantly lower than in the West: while on average the price of a hectare of Dutch farmland is 63000 Euros, in Romania it is only 1958; renting a hectare of Dutch farmland costs 791 euros, in Latvia — 46 euros. For the investors from Western Europe the price of Eastern-European farmland is very cheap, while for local investors it is less affordable. The European Union institutions express concerns about land grabbing and suggest restrictions on free capital movement. However, these reductions and limitations are not applied to the EU businessmen [4; 9]. Land grabbing is often justified by positive effects of foreign investments such as new workplaces, increase of export, etc., but the dominant estimate of it is that it brings many problems to local rural population, environmental issues and permanent loss and alienation of national resources [9; 16].

Many countries make efforts to legally prevent or limit foreign property in their agriculture. In 2006 Serbia adopted the 'Law on Agricultural Farmlands' which ensured that landowners in Serbia were to be exclusively Serbian but not foreign entrepreneurs and companies. However, foreign companies found a 'loophole', opened firms in Serbia and bought about 22.000 hectares. These companies were from Croatia, Hungary and Ireland [5]. These farmlands were significantly smaller compared to the ones bought by Serbian companies had bought so this foreign ownership (formally Serbian) did not worry anybody. The first symptoms of Serbia being entrapped in land grabbing appeared in 2013 when the Government of the Republic of Serbia signed a contract with the company from the UAE to achieve the takeover of domestic firms that owned more than 10 thousand hectares. This preliminary contract was fiercely opposed by peasant asso-

ciations and finally the government did not sign it. However, the government did not give up the very idea and signed another contract in 2014 with another company from the UAE [8]. In September 2018, the government sold ‘Agricultural complex Belgrade’ (that made available almost 17.000 hectares) to Al Dahra Holding for the price twice smaller than the officially estimated one [2].

The next step in favor of foreign investors was made in 2015 when the ‘Law on Agricultural Farmlands’ was altered allowing a 30% rent for 30 years in all farm areas of local municipalities for large entrepreneurs via direct bargain. Thus, the German company ‘Tönnies’ rented about 12.000 hectares. In the same year, there were tough debates between Serbia and EU on the legal status of real estate ownership. The Stabilization and Association Agreement between Serbia and EU (article 63, section 2) say that after a four-year period following ratification (completed in 2013) Serbia must change its legislature to make the property rights the same for its citizens and citizens of the EU. This meant that citizens of Serbia and citizens of the EU would have the same right under equal terms and conditions to purchase any farmland in Serbia. Due to the enormous public pressure and scientific and professional arguments the ‘Law on Agricultural Farmland’ was changed and limited the possibilities of the EU citizens to buy agricultural land. However, concerning the legal capacity of foreigners to buy farmlands via domestic firms, Serbia remains in a very vulnerable position facing the ongoing process of land grabbing.

According to the data of the last census (2012), Serbia has 3861477 hectares of agricultural farmland: 89% are used; 30% are rented. There are 631552 registered smallholdings and about 108230 unregistered. From the total number of smallholdings, only 0,5% is owned by legal entities (entrepreneurs, agricultural cooperatives, etc.), while the rest is owned by families (peasants, farmers). The average size of farmland in smallholding is 5,4 hectares divided into six parcels with an average size of parcel of 0,98 hectares [1].

Since the times of socialism that ‘mediumized’ social classes, peasantry became quite differentiated: 47% of landowners uses up to 2 hectares of agricultural farmland; farmlands larger than 10 hectares represent only 0,82% but use about 42% of farmland; holdings with more than 100 hectares represent 0,03% but use 21% of farmland [1]. Large croplands are concentrated in the plains of Vojvodina in northern Serbia (farmlands larger than 1000 hectares). Therefore, besides highly differentiated peasantry, in Serbia two other agricultural classes coexist: big landowners (Serbian and foreign) and employees of their farms. Such an agrarian structure developed very early and has not significantly changed.

Transitional expectations of an effective political, economic and comprehensive social system did not come true. The changes in economic sphere were reduced to privatization, which led the society to deindustrialization, unemployment and massive debt. In agriculture, instead of the middle class of productive farmers we see differentiated peasantry in opposition to large farmlands (in many post-socialist states). Large estates and vast farmlands were preserved in many regions and expectations of the development of family farming did not come true. Such a result is determined by at least three interconnected causes: first, the ruins of socialist system were not *tabula rasa* as was declared by neoliberals and Marxists, i.e. the new order was not built on the ruins of socialism

but rather from the ruins [24; 25]; second, different actors within Serbian society followed their particular interests and relied on the demagogical declarative statements from outside (from the West); third, the political elite did not strive to build up post-socialist states according to their own model but simply implemented the plans of their governments and business. Therefore, we should use the term ‘periferization’ instead of the term ‘transition’ referring to Wallerstein’s theory of center and periphery [10]. Thus, we can expect further differentiation of agricultural producers for large farmlands will grow and influence of foreigners will expand in the conditions favorable for land grabbing. Such a polarized agrarian structure with the expanded foreign ownership inevitable leads to social instability.

References

- [1] *Agriculture in the Republic of Serbia*. Book 1. Beograd; 2013 (In Serbian).
- [2] Arabs take over PKB. *Telegraf*. 14.09.2018 (In Serbian).
- [3] Braun von J., Meitzen-Dick R. “Land grabbing” by foreign investors in developing countries: risks and opportunities. 2009. http://www.landcoalition.org/sites/default/files/documents/resources/ifpri_land_grabbing_apr_09-2.pdf.
- [4] Bunkus R., Theesfeld I. Land grabbing in Europe? Socio-cultural externalities of large-scale land acquisitions in East Germany. *Land*. 2018; 7 (3).
- [5] Gulan B. *The Fate of Confiscated Property*. Novo Miloševo; 2015 (In Serbian).
- [6] Halamska M. The evolution of family farms in Poland: Present time and the weight of the past. *Eastern European Countryside*. 2016; 22.
- [7] Hartvigsen M. Land reform in Eastern and Central Europe after 1989 and its outcome in the form of farm structures and land fragmentation. FAO; 2013. <http://www.fao.org/3/a-aq097e.pdf>.
- [8] Investments in weeds have grown. *Vreme*. 11.08.2016 (In Serbian).
- [9] Kay S., Peuch J., Franco J. Extent of farmland grabbing in the EU. 2015. [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2015/540369/IPOL_STU\(2015\)540369_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2015/540369/IPOL_STU(2015)540369_EN.pdf).
- [10] Lazić M. *System and its Failure: Breakdown of Socialism and the Structures of the Yugoslav Society*. Beograd; 1994 (In Serbian).
- [11] Lazić M. *Waiting for Capitalism*. Beograd; 2011 (In Serbian).
- [12] Macours K., Swinnen J. Patterns of agrarian transition. *Economic Development and Cultural Change*. 2002; 50 (2).
- [13] Martinez-Alier J., Temper L., Munguti S. et al. The many faces of land grabbing. Cases from Africa and Latin America. EJOLT Report No. 10. 2014. http://www.ejolt.org/wordpress/wp-content/uploads/2014/03/140305_EJOLT10.pdf.
- [14] Mathijs E., Swinnen J. The economics of agricultural decollectivization in East Central Europe and the former Soviet Union. *Economic Development and Cultural Change*. 1998; 47 (1).
- [15] Nedelković M. Characteristics of the privatization of social agricultural enterprises. *Agroekonomika*. 2019 (In print) (In Serbian).
- [16] Ploeg van der J., Franco J., Borrás Jr.S. Land concentration and land grabbing in Europe: A preliminary analysis. *Canadian Journal of Development Studies*. 2015; 36 (2).
- [17] Popov J. *Drama in Vojvodina Village (1945—1952)*. Novi Sad; 2002 (In Serbian).
- [18] Šljukić S., Janković D. *Village in the Sociological Mirror*. Novi Sad; 2015 (In Serbian).
- [19] Šljukić S. Agriculture and the changes of the social structure: The case of Serbia. *Sociologija*. 2006; 48 (2).
- [20] Šljukić S. *Peasant and Cooperatives in the Plain*. Novi Sad; 2009 (In Serbian).

- [21] Šljukić S. Sociological aspects of peasant cooperation in post-socialist Romania. *New Europe College Regional Program Yearbook 2001—2002*. Ed. by I. Vainovski-Mihai. Bucharest; 2002.
- [22] Šljukić S., Šljukić M. *Land and People*. Novi Sad; 2012 (In Serbian).
- [23] Spoor M. Agrarian reform and transition: What can we learn from “the East”? *Journal of Peasant Studies*. 2012; 39 (1).
- [24] Stark D. Recombinant property in Eastern European capitalism. *American Journal of Sociology*. 1996; 101 (4).
- [25] Stark D., Bruszt L. One way or multiple paths for a comparative sociology of East European capitalism. *American Journal of Sociology*. 2001; 106: (4).

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-2-235-243

Социологические аспекты трансформации аграрной структуры Сербии в 1990—2018 годы*

С. Шлюкич, М. Шлюкич

Университет Нови-Сада

ул. доктора Зорана Джинджича, 2, Нови-Сад, Сербия, 21000

(e-mail: srdjan.sljukic@ff.uns.ac.rs).

Один из конститутивных элементов прежних социалистических систем, который претерпел радикальные трансформации в последние десятилетия постсоциалистического транзита, — несомненно, аграрная структура. Авторы фокусируются на социологических аспектах трансформации аграрной структуры сербского общества с периода распада социалистической системы до сегодняшнего дня. Первая фаза трансформаций (1990—2000) создала социальную среду и предпосылки для запуска процесса дифференциации крестьянства, который продолжается по сей день. Вторая фаза (2001—2012) характеризуется появлением крупных сельскохозяйственных предприятий вследствие, прежде всего, процесса приватизации. На третьей фазе (с 2013 года по настоящее время) Сербия оказалась втянута в глобальный процесс «земельных захватов». Авторы утверждают, что в сельском хозяйстве вместо среднего класса, состоящего из фермеров, страна получила социально дифференцированное крестьянство, противостоящее крупным хозяйственным формам. Эта ситуация типична для постсоциалистических государств по трем взаимосвязанным причинам: новый социально-экономический порядок был выстроен не на руинах, а из руин социализма; различные социальные акторы внутри сербского общества преследовали собственные интересы и в ходе перемен предпочли демографически-декларативные инструкции внешних экспертов, особенно западных; новые политические элиты не пытались выстроить постсоциалистические государства по собственной модели, а старались удовлетворить запросы и реализовать планы своих правительств и бизнеса, т.е. в итоге термин «транзит» следует заменить на понятие «периферизация». В заключительной части статьи авторы пытаются ответить на вопрос, почему ожидания относительно результатов транзита в сельском хозяйстве не оправдались и почему институциональные условия для большинства фермеров, работающих в хозяйствах среднего размера, не были созданы. Также авторы пробуют предугадать возможные будущие изменения в аграрной структуре Республики Сербия.

Ключевые слова: аграрная структура; крупные сельскохозяйственные угодья; земельные захваты; Сербия; крестьянство; фермеры; транзит

* © С. Шлюкич, М. Шлюкич, 2019.

Статья поступила в редакцию 31.01.2019.

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-2-244-260

Возможности решения социальных проблем стран Африки на основе государственно-частного партнерства*

Е.В. Пашкова², Е.В. Морозенская¹,
Тамбо Талла Робер Херве², Л.Н. Калиниченко¹

¹Институт Африки Российской академии наук
ул. Спиридоновка, 30/1, Москва, Россия, 123001

²Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

(e-mail: lena_pashkova@mail.ru, evmorozen@mail.ru,
tamboherve@yahoo.fr, kalinichenkolyudmila@mail.ru)

Статья посвящена государственно-частному партнерству (далее — ГЧП) и тем возможностям, которое оно предоставляет развивающимся странам Африки в решении проблем социально-экономического развития. Авторы анализируют особенности и перспективы использования механизма ГЧП в Африке, прежде всего в сфере общественных услуг, для решения острых социальных проблем. ГЧП как концепция сотрудничества государства и частного сектора в общественно значимых областях обладает значительным потенциалом для развития социальной сферы. Ряд африканских государств уже признали высокую эффективность ГЧП и взяли этот метод на вооружение при решении таких проблем, как неразвитость инфраструктуры, отсталость социальной сферы, низкое качество коммунальных услуг на муниципальном уровне, бедность населения. Исследование показало, что африканский сектор информационно-коммуникационных технологий (далее — ИКТ) стал одной из основных областей использования модели ГЧП. Среди инфраструктурных проектов, осуществляемых в рамках ГЧП, немало проектов в электроэнергетическом секторе (особенно в Марокко и Египте). В настоящее время правительства африканских стран расширяют использование форм ГЧП для развития распределительной сети и строительства линий электропередач, а также освоения возобновляемых источников энергии (далее — ВИЭ). В статье приводятся примеры использования в последнее время механизма ГЧП в различных сферах социальной инфраструктуры — образования, здравоохранения, поддержания общественного порядка. В условиях общемировой тенденции по цифровизации рынка инфраструктурных услуг и повышения доступности информации африканские страны предпринимают шаги по созданию государственных электронных порталов с информацией о проектах ГЧП (например, в Нигерии и Гане при содействии Всемирного банка), а также рассматривают возможность принятия наднациональных (региональных) программ по поддержке подобных проектных инициатив с использованием электронных платформ.

* © Пашкова Е.В., Морозенская Е.В., Тамбо Талла Робер Херве, Калиниченко Л.Н., 2019.
Статья поступила в редакцию 25.06.2018 г.

Ключевые слова: Африка; страны Африки южнее Сахары; социальная инфраструктура; государственно-частное партнерство; сектор информационно-коммуникационных технологий; электроэнергетический сектор; цифровизация

В настоящее время тематика государственно-частного партнерства (ГЧП), являющегося эффективным методом социально-экономического развития в условиях ограниченности бюджетных средств, приобретает особую актуальность для стран Африки. Это связано, с одной стороны, с увеличением количества и расширением масштабов деятельности в них иностранных компаний из развитых и развивающихся стран, а, с другой стороны, с появлением у государств континента новых стратегий развития (на национальном, региональном и континентальном уровнях), существенное место в которых отводится задачам решения неотложных социальных проблем. Контракты ГЧП заключаются, как правило, между государством и компанией (национальной или иностранной) на конкурсной основе для реализации проектов в таких секторах, как транспорт, строительство дорог, аэропортов, морских портов, энергетических, водохозяйственных, телекоммуникационных и других, чаще всего коммунальных, объектов инфраструктуры. В последние годы к ним добавляются объекты социальной инфраструктуры — в сферах здравоохранения, образования, безопасности, центрального и муниципального управления и др.

Привлекательность данной формы деятельности для государства определяется возможностью выбрать компанию, предложившую наиболее выгодный проект и способную осуществить его в срок. Это позволяет африканским правительствам избегать избыточных финансовых расходов на всех стадиях реализации проектов ГЧП и их дальнейшей эксплуатации, т.е. сохранять ресурсы для решения насущных проблем, прежде всего социальных. Среди них — поддержка программ по развитию образования, здравоохранения (включая строительство больниц и обеспечение их оборудованием), создание новых рабочих мест — как в ходе сооружения новых объектов, так и для обеспечения их последующего функционирования, что нередко сопровождается профессиональным обучением местного персонала и передачей новых технологий. Все эти процессы хотя и требуют от государства финансовых, кадровых и надзорных усилий, способствуют в конечном счете преодолению бедности и повышению уровня жизни населения.

ГЧП — это сотрудничество двух основных субъектов экономических отношений — государственного и частного секторов, которое должно обладать следующими характеристиками: 1) предметом ГЧП является государственная и муниципальная собственность, а также услуги, оказываемые государственными и муниципальными органами, организациями, учреждениями и предприятиями; 2) ГЧП оформляется специальным договором; 3) ГЧП предполагает соинвестирование государством и частными компаниями проекта и распределение рисков между всеми участниками; 4) проект ГЧП осуществляется, как правило, в течение определенного срока, закрепленного в договоре, по завершении проекта партнерство может быть продолжено на основе нового договора [2. С. 22].

С каждым годом все очевиднее, что ни центральные правительства, ни местные власти не могут удовлетворить растущий спрос на услуги собственными

силами и потому вынуждены искать поддержку частных хозяйственных структур. ГЧП является одним из наиболее перспективных способов решения данной проблемы, объединяя государственные и частные финансовые ресурсы, знания и опыт для обеспечения основными услугами населения страны.

ГЧП — альтернатива полной приватизации. Объединяя преимущества двух секторов, ГЧП обеспечивает, с одной стороны, социальную ответственность, сохранение окружающей среды и подотчетность обществу, а, с другой — приток капитала, технологий и управленческого опыта [11. С. 40—41]. Области применения ГЧП стремительно расширяются, развиваются и формы партнерств. Так, если концессионные соглашения первоначально применялись при сооружении автострад, в централизованном теплообеспечении, то сегодня они распространены в таких сферах, как национальная оборона, образование, кабельное телевидение, общественный транспорт. В ряде стран частные компании проектируют и строят больницы, школы и другие общественные объекты, а затем управляют ими [4. С. 42]. Среди основных факторов, способствующих формированию ГЧП, следует выделить локальные кризисы, наличие иницилирующего партнерство лидера или другой стимул — например, инициативы международных финансовых институтов [10. С. 50].

Африканские страны проявляют растущий интерес к использованию механизма ГЧП с 2000-х годов. Чаще всего ГЧП воспринимается ими как новый инструмент эффективной координации действий для преодоления дефицита финансирования инфраструктурных проектов, попавших в первую волну приватизации в 1990-е годы. В современной Африке государственное регулирование экономики расширяется, прежде всего, в сфере внешнеэкономических связей, охватывающих международную торговлю, движение финансов, информационные потоки, трудовую миграцию. В условиях стабильной положительной динамики показателей экономического роста континента и благоприятной конъюнктуры мировых сырьевых рынков, расширения местного предпринимательства и увеличения притока прямых иностранных инвестиций возникают новые импульсы для развития социальной и производственной инфраструктуры, в том числе на основе ГЧП.

Потенциал распространения ИКТ в Африке

В документе ООН «Цели устойчивого развития» на 2016—2030 годы информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) рассматриваются как двигатель развития и решения социально-экономических проблем развивающихся стран. Это направление нашло отражение и в долгосрочном плане ускоренного развития и технологического прогресса Африканского континента — «Повестке-2063», принятой в 2013 году всеми государствами — членами Африканского союза [1. С. 408—409].

За последние десятилетия ИКТ в Африке получили широкое распространение, что отразилось в основном на росте охвата населения мобильной телефонией, в меньшей степени — Интернетом (за исключением нескольких стран). Прослеживаемая в публикациях последних лет идея о необходимости «цифровой

революции» в африканских странах имеет под собой определенные основания, но только при выполнении следующих условий: разработка новых ИКТ-услуг; развертывание информационных сетей нового поколения, способных поддерживать большой поток данных; наличие нормативно-правовой базы, обеспечивающей рентабельность инвестиций и гарантирующей качество ИКТ-услуг для конечных потребителей.

Африканский рынок ИКТ стабилен и обладает значительным потенциалом роста, особенно с учетом высокой скорости проникновения мобильной телефонии. Самый динамичный сегмент рынка, обеспечивающий ежегодно около 30 млн новых пользователей мобильными телефонами — это молодежь в возрасте до 15 лет. Продажи телефонных аппаратов увеличились в 2016 году на 16%, а общая численность мобильных подписчиков достигла 85% всего населения (к 2021 году ожидается 100%) [24]. На решение потребителей приобрести более сложный телефон или смартфон влияют, во-первых, наличие мультимедийного содержания (особенно популярного среди молодых пользователей) и, во-вторых, возможность оплаты услуг посредством мобильного телефона.

Сдерживающим распространение смартфонов фактором является их цена, достаточно высокая по сравнению с уровнем доходов основной части населения. Поэтому крупные производители и поставщики смартфонов, такие как Microsoft (Nokia) (США) или Huawei и ZTE (Китай), стремятся снижать цены на продукцию до уровня 25 долларов США. В этом же направлении работают операторы (например, в ЮАР), агитирующие потребителей обменивать простые телефоны на более сложные, но недорогие смартфоны.

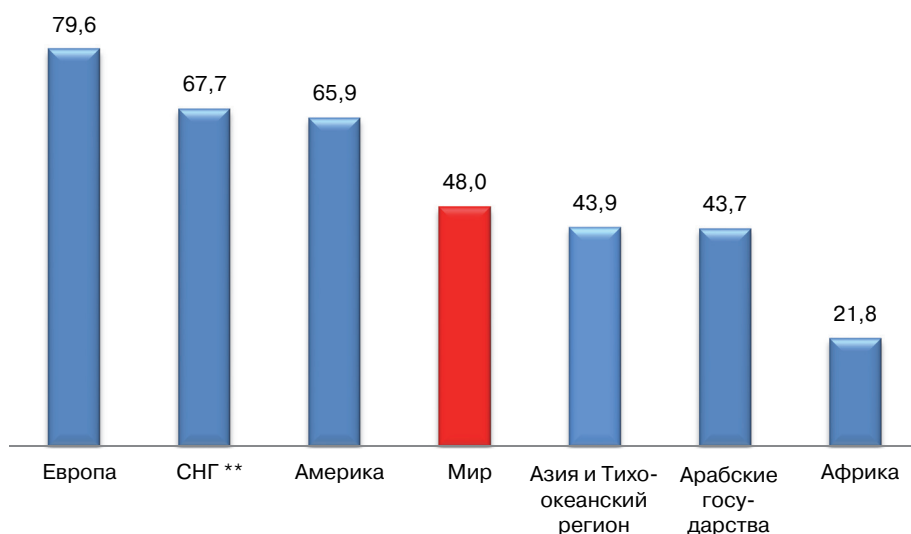
В Африке южнее Сахары (далее — АЮС) рынок ИКТ растет быстрее, чем в любом другом регионе мира. В АЮС к концу 2016 года насчитывалось 175 млн индивидуальных подписчиков, на которых приходилось 420 млн мобильных соединений, или почти 10% мировой мобильной абонентской базы. Эта доля растет, несмотря на то, что скорость проникновения мобильной связи в АЮС значительно ниже (43%) среднемирового показателя (65%) [17].

Что касается распространения Интернета, то, по данным Miniwatts Marketing Group (Internet World Stats), на долю Африки в конце 2017 года приходилось уже 10,9% общемирового количества пользователей (табл. 1). При этом только 21,8% населения континента имели доступ к мобильному Интернету, а к фиксированной сети высокоскоростного Интернета — всего 18% домохозяйств (рис. 1, 2). При этом сохраняются значительные различия между регионами континента, странами и районами внутри стран.

Таблица 1

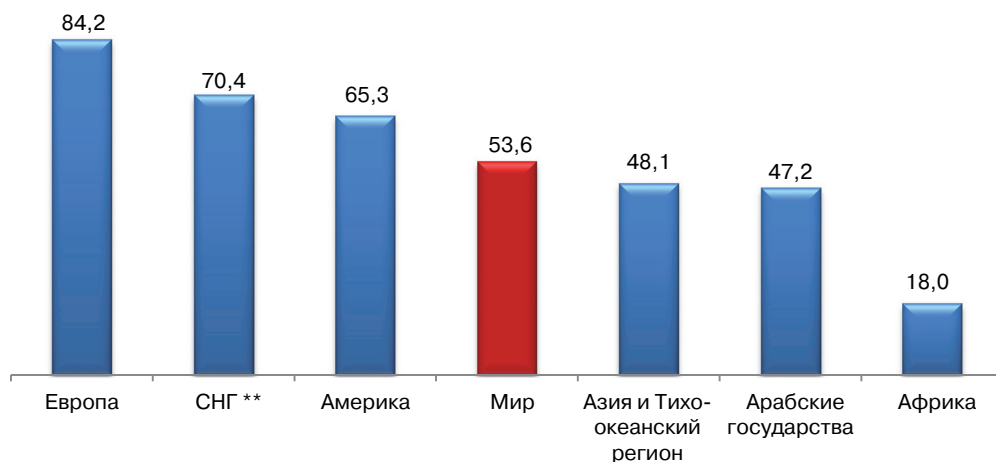
Распространение Интернета в мире и Африке (на 31.12.2017 г.) [19]

Регион	Население (чел.)		Пользователи Интернета (чел.)	Проникновение	Рост 2000— 2018 %	Интернет- пользо- ватели %
	Оценка 2018 г.	% от мирового	31 дек. 2017	Скорость (%)		
Африка	1 287 914 329	16,9	453 329 534	35,2	9 941	10,9
Мир	7 634 758 428	100	4 156 932 140	54,4	1 052	100

** <http://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/definitions/regions.aspx.html>

Рис. 1. Индивидуальное использование Интернетом на 100 жителей, 2017 г. [28]

** <http://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/definitions/regions.aspx>

Рис. 2. Доля домашних хозяйств, имеющих доступ в Интернет, %, по регионам [28]

Инвестиции в высокоскоростные сети (включая 14-ю запущенную в регионе в начале 2016 году сеть 4G) в сочетании со снижением стоимости смартфонов способствуют переходу пользователей на мобильный широкополосный доступ в Интернет, который должен составить две трети общей базы подключений к концу 2020 года [23]. По прогнозу Analysys Mason, к 2021 году в странах АЮС на мобильные услуги будет приходиться 86,2% (54,1 млрд долларов США) дохода от деятельности всего сектора телекоммуникаций, доля смартфонов среди теле-

фонных аппаратов возрастет до 39,8%, а на онлайн-видео будет приходиться 70% мобильного трафика (в настоящее время — 62%) [27]. Продолжающийся рост потребления данных, частично обусловленный спросом на онлайн-видео-контент, создает базу для надежного роста доходов операторов — с 6,4 млрд долларов США в 2015 году до более чем 27 млрд в 2021-м [16].

Таким образом, неоднородная потребительская структура населения, не полностью насыщенный рынок ИКТ и наличие базовой инфраструктуры обеспечивают рост и развитие сектора ИКТ в Африке, несмотря на разницу в структуре национального спроса и источниках его роста.

ГЧП в сфере ИКТ: влияние на уровень жизни африканского населения

Потенциал мобильной телефонной связи в Африке огромен, но полностью не используется, особенно в таких сферах, как здравоохранение (консультационные услуги, e-health), образование (дистанционное обучение, e-learning) и транспорт. Данные направления активно развиваются в Нигерии и Кении, где скорость проникновения мобильной связи очень высока. Там же быстро набирают популярность платежи с помощью мобильных телефонов (мобильный банкинг, спрос на который является третьим по значимости источником роста рынка ИКТ) [7. С. 45; 8. С. 18].

Одним из важных следствий развития мобильной связи, влияющих на уровень жизни африканского населения, является уменьшение случаев искажения цен на товары и услуги, которое объясняется существенными межрегиональными ценовыми различиями. Так, фермер, назначая цену на выращенную им продукцию, часто не имеет информации о спросе и предложении на сельскохозяйственную культуру за пределами деревни. Это напрямую влияет как на уровень его доходов, так и на материальное положение покупателей его продукции. Как показало проведенное в Нигере исследование, использование мобильной связи для получения информации о ценах в других районах обеспечивает более высокий уровень доходов фермеров и качество жизни их семей [15].

Кроме того, развитие электронных коммуникаций позволяет расширять и интегрировать рынок, создавать новые рабочие места при помощи новых услуг, сокращающих расходы по сделке (мобильный платеж, получение информации посредством компьютера, телевизора или мобильного телефона). Это особенно важно для сельских жителей, которые могут осуществлять покупки через Интернет, получать свежую информацию из города, пользоваться услугами мобильного банкинга при оплате сделок [13]. Так, по данным Кенийского центрального банка, в IV квартале 2016 года в стране насчитывалось 32 млн пользователей мобильного банкинга (при населении более 44 млн). Суммарная стоимость транзакций, обслуживавших их 161 583 агентов составила 1,1 трлн долларов США (в том числе посредством главной мобильной денежной платформы страны M-Pesa — 10,6 млрд) [9; 20].

Пять крупнейших африканских стран по числу интернет-пользователей (млн человек, на июнь 2017 года): Нигерия — 91,88 (население — 173,6); Египет — 34,8 (82,6); Кения — 31,99 (44,35); ЮАР — 28,58 (52,98); Марокко — 20,21 (33,01). За 2000—2017 годы доступ африканского населения к Интернету увеличился на 9941%, а количество новых пользователей превысило 453 млн. Лидерами по количеству пользователей Интернета среди африканских стран на 31 декабря 2017 года стали: Алжир (18,58 млн), Гана (10,11), Египет (49,231), Кения (43,329), Мали (12,48), Марокко (22,567), Нигерия (98,391), Судан (11,816), Танзания (23), Уганда (19), Эфиопия (16,437) и ЮАР (30,815) [17]. Расширение сферы применения Интернета в развитии социальной инфраструктуры может способствовать ускорению экономического и социального развития африканских стран.

Сфера ИКТ является одновременно и производственным сектором, пополняющим ВВП страны, и сервисной отраслью, обслуживающей основные сферы социальной и хозяйственной деятельности. Нынешнее опережение Африкой других развивающихся регионов по темпам развития ИКТ происходит, по большей части, благодаря использованию механизма ГЧП. Его высокая эффективность в решении таких проблем, как неразвитость инфраструктуры, отсталость социальной сферы, низкое качество коммунальных услуг на муниципальном уровне, бедность населения, уже признана целым рядом африканских государств. Со своей стороны, частные инвесторы убедились в прибыльности африканского сектора ИКТ, ставшего одной из основных областей использования ГЧП (см. табл. 2).

Анализ приведенных данных позволяет сделать следующие выводы:

— за 1994—2016 годы было реализовано 26 проектов в секторе ИКТ с общим объемом инвестиций 2705,895 млн долларов США;

— лидером является Нигерия, осуществившая 7 крупных телекоммуникационных проектов, в том числе 2 — в партнерстве с компаниями из США и Нидерландов (по типу ГЧП они относятся к контрактам на управление и Build-Own-Operate, BOO — «строительство—владение—эксплуатация», в рамках которых проектная компания осуществляет строительство (или ремонт/реконструкцию) и эксплуатацию объекта;

— второе место — у Ганы (3 проекта), Сомали (3) и Танзании (4), суммарный объем инвестиций, в которые составил 747,575 млн долларов США, а также проекты строительства подводных оптико-волоконных систем с участием зарубежных компаний в Сомали и Танзании (контракт на управление и BOO);

— третье место занимает группа из восьми стран, которым удалось реализовать по 1—2 телекоммуникационных проекта, — Джибути, Египет, Эфиопия, Кения, Сейшельские острова, Сьерра-Леоне, Судан и Уганда. Общий объем инвестиций в проекты ИКТ составил 1305,12 млн долларов США (контракты на управление и BOO);

— ряд телекоммуникационных проектов реализован на основе ГЧП с участием международных компаний — французских (в Эфиопии), американских (в Гане, Нигерии, Танзании), из ОАЭ (в Судане), голландских (в Нигерии) и др. На этом рынке в Кении и Нигерии работают и африканские компании (национальные или мультинациональные), прежде всего из ЮАР (в Судане и Уганде).

Проекты ГЧП в секторе ИКТ [26]

Страны	Проекты	Годы	Инвестиции (млн долл.)	Участники соглашения
Джибути	DARE submarine broad-band cable	2016	140	Somtel Telecom, Golis Telecom, другие, Hornud Telecom Somalia
Египет	Nile Phone	1998	0,2	Landis & Gyr
		2002	60	Landis & Gyr
	Menatel	1998	10	
		2002	40	
		2004 2007 2008		Другие 53%
Эфиопия	Ethio Telecom	2010— 2014		France Telecom (100% / Франция)
Гана	Ghana Telecom	2003— 2005		Telenor (Норвегия)
	ACG Telesystems (Westel)	1997	10,1	Western Wireless International (56% / США)
		1998	2	
	Capital Telecom	1996 2003	32 0,275	Capital Telecom
Кения	DARE submarine broad-band cable	2016	140	Somtel Telecom, Golis Telecom, другие, Hornud Telecom Somalia
Нигерия	InterCellular Nigeria	2003	12	InterCellular (30% / Нигерия), Sudatel Group (70% / Судан)
		2004		
		2005		
	EM International Systems	1998	10	EM International Systems (100% / Нигерия)
		1999	8,6	
	ZOOMmobile (RelTel Wireless)	2002		Reliance Telecom (Reltel) (100% / Нигерия)
		2008		
		2010		
		2013		
		2005	22,5	
		2003	145	
		2000	27	
	Nigerian Telecommunications Ltd (Nitel)	2003		Pentascop Groep (100% / Нидерланды)
	MTS First Wireless	2004		MTS Inc. (... / США)
		2003	121	
Multilinks	1997	22	Telkom SA Limited (75% / Южная Африка)	
	2000	35		
	2002	30		
	2009	180		
	2003— 2008			
	2010— 2014			
InterCellular Nigeria	1998	18	InterCellular (30% / Нигерия), Sudatel Group (70% / Судан)	
	1999	10,4		
	2000	11,7		
Сейшель- ские острова	Telecom Seychelles Ltd.	1997	25	Bharti Airtel Limited (70% / Индия), Jiwanjee Currimjee (30% / Маврикий)
		2005	8,32	
		2010 2014		
		2011	0,8	
Сьерра- Леоне	Sierratel	2012— 2014		MDIC (100% / Ливан)

Окончание таблицы 2

Страны	Проекты	Годы	Инвестиции (млн долл.)	Участники соглашения
Сомали	NationLink Telecom	2001— 2014		Somali Telecom Group (100% / Сомали)
	Telecom Somalia	2001		Другие (100% / ...)
	DARE submarine broadband cable	2016	140	Somtel Telecom, Golis Telecom, другие, Hormud Telecom Somalia
Судан	Kanartel	2004	159	Emirates Telecommunications Corporation (Etisalat) (89% / ОАЭ)
		2005	100	
Танзания	DARE submarine broadband cable	2016	140	Somtel Telecom, Golis Telecom, Others, Hormud Telecom Somalia
	Tigo Tanzania (former Mobitel)	2012	144	
		2011	107	
		2008	150	
		2004	7,7	
		1999	4,3	
		1994	1,8	
	Jupiter Communications	1996	0,2	Equity Investment Management
	Adesemi Tanzania Ltd.	1996	5	African Communications Group (75% / США), Computer Corporation of Tanzania (25% / Танзания)
1998		3		
Уганда	MTN Uganda	1999	33,8	MTN Group (96% / Южная Африка)
		2001	42,7	
		2007	70	
		2009	251	
		2011	113	
		2013	54,5	
		2014	56,8	

Отмеченные тенденции связаны в большой мере с тем, что сектор ИКТ характеризуется быстрой сменой технологий, требующей значительных объемов финансирования, которыми африканские государства не располагают. Развитие рынка ИКТ невозможно без существенных инвестиций в распространение сетей нового поколения (4G, LTE), способных поддерживать высокие скорости и большие объемы передачи информации. В связи с этим следует подчеркнуть возрастающую роль международных компаний в развитии телекоммуникационной инфраструктуры африканских стран как фактора дополнительного источника финансирования и управления.

Использование ГЧП для развития социальной инфраструктуры в Африке

Доступ к электроснабжению является одним из приоритетных условий экономического и социального развития беднейших стран мира. По данным Программы ООН по окружающей среде (UNEP), в Африке около 600 млн сельских жите-

лей не имеют доступа к сетевой электроэнергии (из них 99,6% — в Африке южнее Сахары). Доступ к источникам электроэнергии в странах региона варьируется от 3% в Бурунди до 100% на Маврикий. В 30 странах этот показатель составляет от 11% до 39%, а в 10 странах — менее 10%, и их шансы обеспечить население электроэнергией в ближайшие два десятилетия невелики. По оценкам Международного энергетического агентства, для полного подключения к электроэнергии необходимо 756 млрд долларов США, т.е. ежегодные инвестиции в сумме 36 млрд в 2010—2030 годы. Уровень электрификации в сельских районах Субсахарской Африки не превышает 10%, в то время как в развивающихся странах в целом этот показатель увеличился в последние годы до 50% [3].

Общий объем государственно-частных инвестиций в сфере электроэнергетики в Африке достиг в 2010-е годы 39 млрд долларов США. Значительно опередила по этому показателю другие страны континента ЮАР, на втором месте — Марокко, далее — Египет, Гана, Замбия, Кения, Нигерия (табл. 3).

Таблица 3

Государственно-частные инвестиции в электроэнергетическом секторе Африки, 2010—2017, млн долларов США [26]

Страна	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	Всего
Алжир		30,3							30,3
Буркина Фасо								45,3	45,3
Ботсвана		104							104
Габон		234	134						368
Гана		360	440	440	900		752		2 892
Египет	314,7		276				106	2 386,4	3 083,1
Замбия		239	1 610			8 300		59	2 738
Кабо Верде	80				120				200
Камерун	342								342
Кения		169,7	360	527	764				1 820,7
Кот-д'Ивуар	5,5	5,5	50	350	269				679,1
Мали								136,4	136,4
Маврикий					69,5				69,5
Марокко		342,8	1 880	1 438	2 623	1 900		220	8 403,8
Мозамбик				98,7	200			357	655,7
Намибия								51,4	51,4
Нигерия				407,3		880	70		1 357,3
Руанда	16	142	12		24,1			362	556,1
Сенегал	22				337	114,2	75,5	113,9	662,6
Сьерра-Леоне		30							30
Танзания		134,1							134,1
Уганда		30	34			45,4	64	19,3	192,7
Эфиопия					120				120
ЮАР	6		5 718,6	3 941,7		3 932,4	779,4		14 378,1

В Марокко и Египте среди инфраструктурных проектов в рамках ГЧП в 1990—2017 годы преобладал электроэнергетический сектор. В Марокко в этой сфере действовало 15 проектов (из 20 проектов ГЧП), в Египте — 31 из 52. При этом объем финансирования этих проектов в Марокко превысил 15 млрд долларов США, или 75% общего объема всех ГЧП, в то время как в Египте этот показатель составил более 4 млрд, или 42%. Среди форм ГЧП в этих странах преобладают проекты нового строительства (greenfield projects) и контракты на управление и арендные договоры (management and lease contracts).

В развивающихся странах важным рычагом преодоления бедности и стимулом развития экономики является освоение возобновляемых источников энергии (далее — ВИЭ). Некоторые проекты электростанций на основе ГЧП в Африке работают с использованием ВИЭ (например, солнечная станция Уарзаат в Марокко, гелио-установки норвежской корпорации Scotec Solar и ветровая ферма Рас Гариб в Египте, высокотехнологичные ТЭС с низким уровнем выбросов углекислого газа, такие как Сафи в Марокко и Сиди Крир в Египте). Среди партнеров, принимающих участие в финансировании проектов, фигурируют Abu Dabi National Energy, ACWA Power International (Саудовская Аравия), Solar Millennium (Германия), Alcazar Capital Ltd (Дубай), Gamesa Electric (Испания) и ряд других.

В Гане, Замбии и Кении в 1990—2017 годы также преобладали проекты ГЧП в области электроэнергетики — как по числу, так и по объему инвестиций, тогда как в Нигерии их было лишь 7 из 49 (2,6 млрд долларов США из общего объема инвестиций в 12 млрд). Все эти страны (кроме Ганы), а также страны Северной Африки применяют обычно контракты на строительство и эксплуатацию производственных мощностей в течение срока, указанного в договоре [6. С. 168; 5. С. 194]. В Гане проекты включают целый ряд эффективных, преимущественно газотурбинных, станций в районе Темы и Такоради, в Кении — развитие геотермальной (Олкариа геостанция) и ветровой (Туркана и Нгонг фермы) энергетики, Замбия привлекает инвестиции в гидроэнергетику (ГЭС Кафуэ Джордж, Итежи-Тежи и др.), использование солнечной энергии и угля (Маамба ТЭС), а Нигерия — в освоение углеводородных ресурсов (ТЭС Эдо, Окрай, Эгбин). В инвестиционном процессе на основе ГЧП участвует целый ряд компаний Китая (Shenzen Electric, Sinohydro), Южной Кореи (Korea Electric Power), Австралии (Quantum Power Ltd, Endeavour Energy), США (First Solar, American Capital Energy & Infrastructure), ЮАР (Industrial Development Corp.), Израиля (Ormat Turbines Ltd) и др. [26].

В настоящее время правительства африканских стран стремятся к расширению использования форм ГЧП для развития распределительной сети и строительства линий электропередач (ЛЭП), исходя из того, что каждые два из трех домохозяйств в Африке не имеют доступа к современным источникам электроэнергии, а протяженность ЛЭП на континенте в расчете на душу населения — самая низкая в мире. По оценкам экспертов, для создания современной высоковольтной электросети Африке необходимы ежегодные инвестиции в размере от 3,2 до 4,3 млрд долларов США на период до 2040 года. Для решения этих задач необходимы частные инвестиции.

Ряд африканских стран — Камерун, Мали, Сенегал, Габон, Кот-д'Ивуар — уже используют такие формы ГЧП, как концессии и сдача объектов в аренду для изыскания необходимого финансирования. Для подключения к электросетям населенных пунктов, обеспечения электроэнергией домохозяйств, уличного освещения, мельниц, водяных насосов и ирригационных установок, школ, больниц, телекоммуникаций необходимо создание собственных мощностей по производству PV-установок, что снизит стоимость энергообъектов. В Эфиопии, например, в 2013 году был введен в строй завод по производству солнечных панелей производительностью 20 МВт, построенный совместно эфиопским государственным предприятием МЕТЕС и частными компаниями Sky Energy International и Spire Corporation [14].

Большое значение для преодоления бедности, отсталости и отказа от вырубок лесов на топливо в развивающихся странах имеет ряд проектов UNEP, GEF и CIF по размещению пилотных фотовольтаических установок в отдаленных населенных пунктах, программ внедрения печей для приготовления пищи энергоэффективной конструкции и МГЭС, что позволит расширить доступ беднейшей части африканского населения к современным источникам энергии [21].

В качестве наглядных примеров использования ГЧП в разных сферах социальной инфраструктуры можно привести реализацию в последнее время таких проектов, как строительство студенческого общежития Университета Ганы, строительство в Нигерии новой региональной больницы, сооружение и эксплуатация двух тюрем в ЮАР. Так, соглашение с Университетом Ганы о строительстве новых зданий для факультета философии и педагогических наук по модели ГЧП подписала в июле 2015 года международная компания Africa Integras, специализирующаяся на инвестициях в инфраструктуру. Для реализации этого проекта, где впервые в Африке применяется ГЧП с государственным университетом, Africa Integras инвестировала 64 млн долларов США в строительство, 25-летнюю эксплуатацию и передачу объекта заказчику по схеме BOT. В рамках проекта, поддержанного также частной инвестиционной корпорацией Overseas, к 2017 году были построены первые объекты — студенческое общежитие и жилье для преподавателей [25].

В Нигерии к реализации ГЧП по строительству, оснащению и восьмилетней эксплуатации новой федеральной больницы в Калабаре — столице штата Кросс-Ривер (общая стоимость проекта — около 37 млн долларов США) правительством штата были привлечены: UCL Healthcare Services Ltd, международный консорциум в составе Utopian Healthcare Consulting (США), Cure Hospital Management Services (США), Cuningham Group (США), консультантов Совместного партнерства (Нигерия), ITB Nigeria Limited (Нигерия), HealthFore Technologies (Индия) и Simed International (Нидерланды). Задача больницы, работающей с 2015 года, — предоставление доступной и отвечающей международным стандартам медицинской помощи жителям штата. По окончании концессионного периода в 10 лет объект будет передан под управление правительства [18].

В 2000 году правительство ЮАР подписало 25-летние концессионные соглашения в формате ГЧП с американскими компаниями Bloemfontein и Louis Trichardt (на 245 и 259 млн долларов США соответственно) на строительство двух максимально безопасных тюрем в Блумфонтейне и Луи Трихардте (Махадо). Функционирующие в полном объеме с 2002 года тюрьмы находятся в эксплуатации у Geo Group — одной из двух крупнейших компаний США, управляющих исправительными учреждениями в ряде стран мира [22].

Мировая практика показывает, что применение механизмов ГЧП дает государствам возможность ускорить социально-экономическое развитие и быстрее подняться вверх в международных рейтингах конкурентоспособности, являющихся интегральной оценкой развитости страны. Для стран с высоким уровнем конку-

рентоспособности характерно наличие способной генерировать доходы институциональной системы, стабильной макроэкономической среды, современной инфраструктуры, высококачественных систем здравоохранения и образования. Открытость рынка и развитая финансово-банковская система создают базис для быстрого внедрения инноваций, способствующих повышению уровня жизни населения.

Количество проектов, реализуемых с использованием механизмов ГЧП, исчисляется тысячами. На сегодняшний день законодательные нормы, предусматривающие взаимодействие государства с частными инвесторами и операторами, существуют более чем в 120 странах с разным общественным и государственным устройством. При этом основная часть проектов ГЧП представлена муниципальными контрактами на обеспечение инфраструктурными услугами населения. Однако одной из основных проблем остается недостаточное финансирование инфраструктуры — производственной и социальной. Наряду с увеличением затрат на инфраструктуру на национальном и региональном уровнях все более значимая роль, особенно в перспективных проектах, отводится частному капиталу и ГЧП. В последнее время формируются новые подходы, такие как инфраструктурное планирование, государственная поддержка инфраструктурных инвестиций, дополнительная институционализация сферы ГЧП, пересмотр правового обеспечения ГЧП. В ряде развивающихся стран все шире применяется в качестве основного механизма возврата частных инвестиций плата за доступность услуг (в отличие от механизма прямого сбора), распространяется инфраструктурный экспорт [12].

Важнейшей тенденцией последнего времени стала цифровизация рынка инфраструктурных услуг и повышение доступности информации. Первые шаги в этом направлении делают многие страны, в том числе африканские. Например, в Нигерии и Гане при содействии Всемирного банка были запущены государственные электронные порталы для раскрытия информации о проектах ГЧП — по сути, официальная база проектных и реализуемых инициатив. В настоящее время в Африке прорабатывается вопрос о создании наднациональной программы поддержки проектных инициатив. Возрастание роли цифровизации на наднациональном уровне проявляется и в запуске инициатив по предпроектной поддержке посредством создания электронных платформ. В 2017 году Фонд предпроектной поддержки инфраструктурных проектов, созданный в рамках программы Африканского союза НЕПАД («Новое партнерство для развития Африки»), предложил создать региональный электронный информационный хаб для продвижения инфраструктурных проектов на всей территории континента.

Библиографический список

- [1] Африка: современные стратегии экономического развития. М., 2016.
- [2] Варнавский В.Г. Государственно-частное партнерство и бюджетный процесс в России // Международная научно-практическая конференция «Современный мегаполис: успехи и проблемы ГЧП в России и Германии». М., 2015.
- [3] Доклад о человеческом развитии-2011. Устойчивое развитие и равенство возможностей: лучшее будущее для всех. Нью-Йорк, 2012.

- [4] *Иванова В.Н., Иванов В.С.* ГЧП в инновационном развитии региона и предприятий. М., 2014.
- [5] *Калиниченко Л.Н.* Новые стратегии развития энергетического сектора в странах Африки южнее Сахары // Африка: современные стратегии экономического развития. М., 2016.
- [6] *Калиниченко Л.Н.* Проблемы развития энергетики Ганы // Гана: 60 лет независимости. М., 2017.
- [7] *Матвеева Н.Ф.* Сотовая связь в Африке: кенийский вариант // Азия и Африка сегодня. 2014. № 1.
- [8] *Морозенская Е.В., Маценко И.Б.* Возможности экономического развития Африки в условиях новой промышленной революции и перспективы мобильного банкинга // Вестник Академии (МосАП при правительстве Москвы). 2018. № 1.
- [9] *Новикова З.С.* Мобильные технологии в странах Восточной Африки — новые возможности для экономического роста // Ученые записки Института Африки РАН. 2018. № 2.
- [10] *Пашкова Е.В., Тамбо Т.Р.Х.* Государственно-частное партнерство в странах Африки: цели и условия развития, факторы устойчивости и основные характеристики // Вестник РУДН. Серия: Экономика. 2016. № 1.
- [11] *Пашкова Е.В., Тамбо Т.Р.Х.* Государственно-частное партнерство и стратегии социально-экономического развития стран Африки // Африка: современные стратегии экономического развития. М., 2016.
- [12] Рекомендации по реализации проектов ГЧП в субъектах РФ // http://pppcenter.ru/assets/files/presentations/GChP-Recommend_web.pdf.
- [13] *Mbiti I., Weil D.N.* Mobile Banking: The Impact of M-Pesa in Kenya. National Bureau of Economic Research. Working Paper 17129, June 2011.
- [14] Scaling-Up Renewable Energy Program. Ethiopia Investment Plan. Ministry of Water and Energy. January, 2012.
- [15] *Aker J.C.* Information from markets near and far: Mobile phones and agricultural markets in Niger // American Economic Journal: Applied Economics. 2010. Vol. 2. No. 3.
- [16] All Africa-2017. Mobile subscriptions hit 1 billion soon // <http://allafrica.com/stories/201704110831.html>.
- [17] GSMA: The mobile economy Sub-Saharan Africa. 2017 // <https://www.gsmaintelligence.com/research/?file=7bf3592e6d750144e58d9dcfac6adfab&download>.
- [18] IFC Advisory Services in Public-Private Partnerships // https://www.ifc.org/wps/wcm/connect/5668b20040c913338d3b9d5d948a4a50/PPPStories_Nigeria_CrossRiverHospital.pdf?Mod=ajperes.
- [19] Internet World Stats, 2017 // <https://www.internetworldstats.com/stats1.htm>.
- [20] Kenyan Central Bank 2017: Mobile Payments // <https://www.centralbank.go.ke/national-payments-system/mobile-payments>.
- [21] Linking up: Public-Private Partnerships in Power Transmission in Africa // <http://www.worldbank.org/en/topic/energy/publication/linking-up>.
- [22] *Scott M.C.* Private prison REITs released hearonearth. 2017 // <https://hearonearth.wordpress.com/tag/mangaung-maximum-security-private-prison>.
- [23] Statista: Number of internet users in selected countries in Africa as of June 2017 // <https://www.statista.com/statistics/505883/number-of-internet-users-in-african-countries>.
- [24] International Data Corporation (IDC) — Smartphone sales slow in Africa while feature phones remain resilient. 2017 // <https://www.idc.com/getdoc.jsp?containerId=prCEMA42378517&pageType=printfriendly>.
- [25] University of Ghana Signs Landmark \$64MM USD PPP Investment Contract with Africa Integras. 2015 // <https://www.ug.edu.gh/news/university-ghana-signs-landmark-64mm-usd-ppp-investment-contract-africa-integras>.
- [26] World Bank: Private Participation in Infrastructure Projects Database // <http://ppi.worldbank.org>.

- [27] Yaici K., Martusewicz-Kulinska J. Sub-Saharan Africa telecoms market: interim forecast update 2016—2021 // <http://www.analysismason.com/Research/Content/Regional-forecasts-/SSA-interim-forecast-Mar2017-RDRK0-RDDG0/#08%20March%202017>.
- [28] <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/stat/default.aspx>.

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-2-244-260

Possibilities of solving social problems of African countries by means of public-private partnership*

E.V. Pashkova², E.V. Morozenskaya¹,
Tambo Talla Rober Herve², L.N. Kalinichenko¹

¹Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences
Spiridonovka St., 30/1, Moscow, Russia, 123001

²RUDN University (Peoples' Friendship University of Russia)
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, Russia, 117198

(e-mail: lena_pashkova@mail.ru, evmorozen@mail.ru,
tamboherve@yahoo.fr, kalinichenkolyudmila@mail.ru)

Abstract. The article considers the possibilities of the public-private partnership (PPP) in solving social-economic problems of African countries. The authors analyze the features and perspectives of the PPP mechanism in Africa for solving urgent social problems primarily in the sphere of public services. PPP means state-business cooperation in the spheres that are important for the population's living standards and has large potential for the social development. Some African countries have already recognized the high efficiency of PPP and use this method for solving such problems as lack of social infrastructure and social development, low quality of the public utilities and poverty. The authors argue that the main sphere of implementing the PPP projects in Africa is the sector of information and telecommunication (IT). The majority of PPP infrastructure projects are implemented in the power economy (especially in Morocco and Egypt). Today, the African governments expand the PPP projects to the power networks development and construction, and to the renewable energy sources exploitation. The article provides some recent examples of the PPP projects in different spheres such as the development of social infrastructure in Africa, including education, public health and maintenance of public order. Due to the global trend of the infrastructure services digitalization and extension of information accessibility, African states take steps for the creation of electronic information portals for the PPP-projects (for example, in Nigeria and Ghana — with the World Bank assistance). Moreover, there are all-regional programs introduced to support initiative projects with the electronic platforms.

Key words: Africa; Sub-Saharan Africa; social infrastructure; public-private partnership; sector of information and telecommunication; power industry; digitalization

References

- [1] *Afrika: sovremennye strategii ekonomicheskogo razvitiya* [Africa: Modern Strategies of Economic Development]. Moscow; 2016 (In Russ.).
- [2] Varnavsky V.G. Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo i byudjetny protsess v Rossii [Public-private partnership and budgetary process in Russia]. *Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya*

* © E.V. Pashkova, E.V. Morozenskaya, Tambo Talla Rober Herve, L.N. Kalinichenko, 2019.
The article was submitted on 25.06.2018.

- konferentsiya "Sovremennyy megapolis: uspekhi i problemy GChP v Rossii i Germanii"*. Moscow; 2015 (In Russ.).
- [3] Doklad o chelovecheskom razvitii 2011. Ustoychivoe razvitie i ravenstvo vozmozhnostey: luchshee budushchee dlya vseh [Human Development Report 2011. Sustainability and Equity: A Better Future for All]. New York; 2012 (In Russ.).
- [4] Ivanova V.N., Ivanov V.S. Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo v innovatsionnom razvitii regiona i predpriyatiy [Public-private partnership in the innovative development of the region and enterprises]. Moscow; 2014 (In Russ.).
- [5] Kalinichenko L.N. Novie strategii razvitiya energeticheskogo sektora v stranah Afriki yujnee Sahary [New strategies for energy sector development in Sub-Saharan Africa]. *Afrika: sovremennye strategii ekonomicheskogo razvitiya*. Moscow; 2016 (In Russ.).
- [6] Kalinichenko L.N. Problemy razvitiya energetiki Gany [Problems of Ghana's energy development]. *Gana: 60 let nezavisimosti*. Moscow; 2017 (In Russ.).
- [7] Matveeva N. Sotovaya svyaz v Afrike: keniyskiy variant [Mobile connection in Africa: The Case of Kenya]. *Asia and Africa Today*. 2014; 1 (In Russ.).
- [8] Morozenskaya E., Matsenko I. Vozmozhnosti ekonomicheskogo razvitiya Afriki v usloviyah novoy promyshlennoy revolyutsii i perspektivy mobilnogo bankinga [African economies under the new industrial revolution and the mobile banking prospects]. *Vestnik Akademii*. 2018; 1 (In Russ.).
- [9] Novikova Z.S. Mobilnie tehnologii v stranah Vostochnoy Afriki — novie vozmozhnosti dlya ekonomicheskogo rosta [Mobile technologies in East African countries — new possibilities for the economic growth]. *Journal of the Institute for African Studies*. 2018; 2 (In Russ.).
- [10] Pashkova E.V., Tambo T.R.H. Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo v afrikanskih stranah: tseli i usloviya razvitiya, factory ustoychivosti i osnovnie harakteristiki [Public-private partnership in African countries: Goals and conditions of development, factors of sustainability and basic characteristics]. *RUDN Journal of Economics*. 2016; 1 (In Russ.).
- [11] Pashkova E.V., Tambo T.R.H. Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo i strategii socialno-ekonomicheskogo razvitiya afrikanskih stran [Public-private partnership and strategies of the social-economic development of African countries]. *Afrika: sovremenniye strategii ekonomicheskogo razvitiya*. Moscow; 2016 (In Russ.).
- [12] Rekomendatsii po realizatsii projektov GChP v sub'ektah Rossiyskoy Federatsii [Recommendations for the Realization of the PPP-projects in the Regions of the Russian Federation]. http://pppcenter.ru/assets/files/presentations/GChP-Recommend_web.pdf (In Russ.).
- [13] Mbiti I., Weil D.N. Mobile Banking: The Impact of M-Pesa in Kenya. National Bureau of Economic Research. Working Paper 17129, June 2011.
- [14] Scaling-Up Renewable Energy Program. Ethiopia Investment Plan. Ministry of Water and Energy. January, 2012.
- [15] Aker J.C. Information from markets near and far: Mobile phones and agricultural markets in Niger. *American Economic Journal: Applied Economics*. 2010; 2 (3).
- [16] All Africa-2017. Mobile subscriptions hit 1 billion soon. <http://allafrica.com/stories/201704110831.html>.
- [17] GSMA: The mobile economy Sub-Saharan Africa. 2017. <https://www.gsmaintelligence.com/research/?file=7bf3592e6d750144e58d9dcfac6adfab&download>.
- [18] IFC Advisory Services in Public-Private Partnerships. https://www.ifc.org/wps/wcm/connect/5668b20040c913338d3b9d5d948a4a50/PPPStories_Nigeria_CrossRiverHospital.pdf?Mod=ajperes.
- [19] Internet World Stats, 2017. <https://www.internetworldstats.com/stats1.htm>.
- [20] Kenyan Central Bank 2017: Mobile Payments. <https://www.centralbank.go.ke/national-payments-system/mobile-payments>.
- [21] Linking up: Public-Private Partnerships in Power Transmission in Africa. <http://www.worldbank.org/en/topic/energy/publication/linking-up>.

- [22] Scott M.C. Private prison REITs released hearonearth. 2017. <https://hearonearth.wordpress.com/tag/mangaung-maximum-security-private-prison>.
- [23] Statista: Number of internet users in selected countries in Africa as of June 2017. <https://www.statista.com/statistics/505883/number-of-internet-users-in-african-countries>.
- [24] International Data Corporation (IDC) — Smartphone sales slow in Africa while feature phones remain resilient. 2017. <https://www.idc.com/getdoc.jsp?containerId=prCEMA42378517&pageType=printfriendly>.
- [25] University of Ghana Signs Landmark \$64MM USD PPP Investment Contract with Africa Integras. 2015. <https://www.ug.edu.gh/news/university-ghana-signs-landmark-64mm-usd-ppp-investment-contract-africa-integras>.
- [26] World Bank: Private Participation in Infrastructure Projects Database. <http://ppi.worldbank.org>.
- [27] Yaici K., Martusewicz-Kulinska J. Sub-Saharan Africa telecoms market: interim forecast update 2016—2021. <http://www.analysismason.com/Research/Content/Regional-forecasts-/SSA-interim-forecast-Mar2017-RDRK0-RDDG0/#08%20March%202017>.
- [28] <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/stat/default.aspx>.

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-2-261-276

Концепция «продовольственных режимов» как модель объяснения стратегий аграрного развития (на примере России и Бразилии)*

П. Нидерле¹, А.А. Куракин^{2,3},
А.М. Никулин², С. Шнайдер¹

¹Федеральный университет Рио-Гранде-де-Сул
просп. Пауло Гама, 110, Порту Алегри, Бразилия, 90040-060

²Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
просп. Вернадского, 82, Москва, Россия, 119571

³Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
ул. Мясницкая, 9/11, Москва, Россия, 101000

(e-mail: pauloniederle@gmail.com.ru; chto-delat@yandex.ru;
nikulin@ranepa.ru; schneide@ufrgs.br)

Концепция «продовольственных режимов» была разработана в качестве метода историко-сравнительного анализа в работах П. МакМайкла. Быстро завоевав популярность среди представителей аграрной науки, политических и макросоциологических исследований, лежащая в основе данной концепции идея сопоставления роли сельского хозяйства в мир-системе на разных этапах ее развития привела ряд ученых к явной переоценке ее унифицирующего и аналитического потенциала. Признавая за концепцией продовольственных режимов право выступать инструментом историко-сравнительного анализа глобальных тенденций экономического развития, авторы статьи все же утверждают, что траектории российского и бразильского аграрного развития ставят ее под сомнение с точки зрения повсеместной применимости. Так, роли обеих стран на мировых рынках демонстрируют их противоречивое включение в классическую генеалогию продовольственных режимов. Чтобы подтвердить неуниверсальность концепции продовольственных режимов, авторы рассматривают исторические этапы аграрного развития России и Бразилии в контексте предложенной ею периодизации, фокусируясь, в частности, на производстве и экспорте сельскохозяйственных культур (пшеницы и сои), поскольку они определяют состояние не только внешней торговли, но и внутреннего рынка. Сначала авторы характеризуют исторические вехи аграрного развития двух стран и их выход на мировые рынки, затем перечисляют последствия радикальных реформ перестройки в России и бразильской редемократизации в конце 1980-х годов — в обоих случаях речь идет о консолидации неолиберальной политики. Следующим этапом стало становление «неодевелопменталистского государства», способствующего развитию экспортно-ориентированной экономики и крупного агробизнеса в сочетании с протекционистской политикой обеспечения продовольственной безопасности. Таким образом, сегодня сложно говорить о наличии в России и Бразилии неолиберального продовольственного режима — скорее о парадигматическом кризисе, или сосуществовании элементов двух и более продовольственных режимов.

Ключевые слова: продовольственный режим; сельское хозяйство; аграрное развитие; реформы; сравнительный анализ; Россия; Бразилия

* © Нидерле П., Куракин А.А., Никулин А.М., Шнайдер С., 2019.

Статья поступила в редакцию 16.11.2018 г.

Концепция продовольственных режимов была задумана как исторический метод «включенного сравнения» [16], однако такое сравнение роли сельского хозяйства в «мир-системе» привело к тому, что ряд ученых стали преувеличивать единство и связанность мирового продовольственного режима. Несмотря на то, что данная концепция предлагает сравнительно-исторический инструмент анализа глобальных тенденций, мы полагаем, что аграрное развитие Бразилии и России ставит под сомнение ряд положений этой концепции. Включение обеих стран в современные глобальные рынки показывает различие их позиций по отношению к складывающемуся продовольственному режиму, который ярко проявляется, например, в выращивании и экспорте сои (Бразилия) и пшеницы (Россия). Хотя эти культуры далеко не полностью репрезентируют сельское хозяйство двух стран, они позволяют сопоставить некоторые их важнейшие стратегии не только в международной торговле, но и на внутренних рынках. В таком анализе важно учитывать, во-первых, особенности сельскохозяйственного развития Бразилии и России и их попытки встроиться в глобальные продовольственные рынки; во-вторых, объективную периодизацию сельского развития двух стран в их недавней истории — в России это будут радикальные рыночные реформы после распада Советского Союза, а в Бразилии — процессы демократизации конца 1980-х годов и, как и в постсоветской России, нелиберальная политика 1990-х.

Позже обе страны осуществили разворот в сторону «неодевелопменталистского государства», в котором сохраняется экспортно-ориентированная политика поддержки агробизнеса, но одновременно проводится политика продовольственной безопасности и суверенитета. В итоге, несмотря на то, что Россия и Бразилия порой шли разными траекториями сельского развития, в последние десятилетия между ними наметились важные сходства — в модели государственного стимулирования экспортно-ориентированного экономического роста за счет поддержки крупных местных и зарубежных корпораций. Тем не менее, подобные сходства не позволяют утверждать наличие единого неолиберального продовольственного режима — напротив, современный период лучше описывать как момент парадигмального кризиса, т.е. сосуществования двух и более продовольственных режимов.

В сельской социологии концепция продовольственных режимов стала одним наиболее популярных подходов для объяснения роли сельского хозяйства в развитии капиталистического мира-экономики и государственной системы [10]. Данный подход распространился благодаря своей способности объяснять длительные временные периоды в истории агропродовольственного сектора, связывая его с коренными изменениями в мировой системе (транснационализация, «революция супермаркетов», захват земель и т.д.) [7; 9; 20]. Несмотря на то, что концепция продовольственных режимов сегодня стала внутренне разнородной, в ее основании по-прежнему лежит структурная дихотомия французской регуляционистской школы — «способы регуляции» и «режимы накопления». С помощью данных понятий концепция продовольственных режимов выделила три периода относительной стабильности в процессах накопления капитала и межстрановом разделении политического влияния: империалистическо-колониальный (1870—1920), меркантилистско-индустриальный (1940—1970) и неолиберально-корпоративный (с 1980 по настоящее время).

Траектории аграрного развития Бразилии и России не вполне вписываются в данную хронологию. Однако это обстоятельство далеко не единственное основание критики концепции продовольственных режимов, утверждающей идею единого глобального продовольственного режима и их последовательной смены в истории [32]. Наиболее спорное утверждение концепции продовольственных режимов состоит в том, что с конца 1980-х годов происходит консолидация «неолиберального продовольственного режима», контролируемого корпоративным капиталом. Поэтому важно увидеть не только различия в стратегиях аграрного развития Бразилии и России, но и сходства их стратегий встраивания в глобальные продовольственные рынки, которые, видимо, воспроизводят общее направление развития глобального капитализма.

Аграрное развитие Бразилии и России в 1880—1980-е годы

Исторически российское сельское хозяйство основывалось на феодальной системе, где земля и крепостные крестьяне принадлежали дворянству. Период крепостничества формально завершился в 1861 году с реформами императора Александра II, но Россия по-прежнему оставалась крестьянской страной с более чем 90% крестьян в составе населения. Таким образом, крестьянство составляло основу сельского хозяйства Российской империи, хотя помещичье землевладение оставалось довольно значительным даже в начале XX века, поскольку крестьяне не имели земли в частной собственности даже после отмены крепостничества — земля была в коллективной собственности земельных общин, которые периодически перераспределяли ее среди своих членов/семей согласно потребностям/едам или возможностям ее обработки/тяглам.

Традиционно среди зерновых культур наиболее важной для России была рожь: для крестьян рожь была основным продуктом питания — черный хлеб был источником выживания крестьянской семьи. Поэтому в начале XX века пшеницы производилось вдвое меньше, чем ржи, и даже меньше, чем овса. В XIX веке рожь, наряду с ячменем, стала важным экспортным товаром России, а другие зерновые культуры, в том числе рожь с овсом, доминировали во внутреннем потреблении. До Первой мировой войны 70% выращенной пшеницы приходилось на южные регионы, а рожь была главной культурой для центра страны [3]. К началу XIX века зерновые культуры составляли менее 10% экспорта страны, который состоял, главным образом, из сырья и полуобработанных материалов (лес, лен, пенька, мех, парусина и железо). Лишь в последние три десятилетия XIX века доля зерновых культур достигла половины объема российского экспорта, и главными экспортными культурами стали пшеница и ячмень, на каждую из которых приходилось примерно треть зернового экспорта в начале XX века.

Глобальный продовольственный рынок превратил пшеницу в «королеву» российского экспорта, хотя позиции страны в мировой экономической системе были противоречивыми и нестабильными по ряду причин. Во-первых, традиционное крестьянское хозяйство было технически отсталым с низким уровнем производительности. Во-вторых, государственная политика была направлена на извле-

чение ресурсов из сельского хозяйства на нужды индустриализации. В-третьих, в мировой экономике Россия становилась сельскохозяйственным придатком, экспортируя сырье и импортируя продукцию с высокой добавленной стоимостью из индустриально развитых капиталистических стран. Крестьянство оказалось проигравшей стороной в этом двойном неэквивалентном обмене — между сельской Россией и индустриальным Западом и между промышленным и сельскохозяйственным секторами внутри страны. Рост зернового экспорта сопровождался обнищанием крестьянства, имущественным расслоением и сельским перенаселением, что привело к социальному взрыву [6].

После эпохи войн и революций индустриализация вернулась в повестку дня — теперь уже советского правительства. Приближающаяся новая мировая война вынуждала советское руководство ускорять индустриализацию старым проверенным способом — за счет увеличения зернового экспорта и неэквивалентного обмена между селом и городом. Сплошная коллективизация стала инструментом неэкономического извлечения ресурсов крестьянства для проведения индустриализации, и пшеница вновь стала главной экспортной культурой страны, утратив этот статус лишь в послевоенный период.

Политика советского правительства коренным образом изменила облик сельского хозяйства вследствие экспансии механизированных крупных совхозов и колхозов, которые постоянно укрупнялись. Эта политика была частью проекта построения индустриального и урбанизированного общества, и в какой-то степени образ социалистического сельского хозяйства будущего, который виделся советскому правительству, имел общие черты с американской капиталистической моделью сельского хозяйства — обе преследовали цель построения индустриального общества модерна.

Модернизационные процессы в Советском Союзе привели к тому, что крестьянство, которое в Российской империи было главным сельскохозяйственным производителем, практически исчезло как класс. Мелкие сельхозпроизводители, безусловно, остались, но изменили свой характер: наряду с колхозами и совхозами существовали личные подсобные хозяйства (ЛПХ), в которых сохранялись крестьянские практики: в домохозяйствах производилась существенная часть сельскохозяйственной продукции, особенно овощей, фруктов и молока. Члены личных подворий совмещали занятость в колхозах и на своих участках и использовали часть ресурсов крупных хозяйств для нужд собственных домохозяйств, выстраивая между ними симбиотические отношения [2].

Домохозяйства никогда не производили зерновые культуры, которые стали делом крупных сельскохозяйственных предприятий. Однако, несмотря на все попытки модернизировать их, сделать их более производительными и эффективными, нехватка зерна стала головной болью советского правительства. Хрущевская целинная кампания, нацеленная на решение данной проблемы, не увенчалась успехом. В сельское хозяйство направлялись крупные инвестиции и субсидии, но и они не исправили положение, поэтому с 1960-х годов Советский Союз начал импортировать зерновые [1].

В Бразилии производство пшеницы, начатое европейскими эмигрантами в конце XIX века, всегда было нацелено на внутренний рынок, а в структуре

сельскохозяйственного экспорта доминировал кофе: например, в 1890 году на его долю приходилось 63% всего бразильского экспорта в стоимостном выражении. Несмотря на то, что сельское хозяйство Бразилии было диверсифицировано — бобовые и кукуруза занимали даже большие земельные площади, чем кофе — исторически сложившаяся стратегия экономического роста за счет товарного экспорта сделала кофе «королем»-долгожителем сельского хозяйства и экономики в целом — он заменил сахарный тростник, хлопок, каучук и лес. Его правление стало клониться к закату после мирового экономического кризиса, последовавшего за крахом Нью-Йоркской биржи в 1929 году, — он обнажил хрупкость не только бразильской экономики, но и всех экономик, зависимых от мирового спроса на сельскохозяйственную продукцию.

Мировой кризис обострил экономическое и социальное неравенство, усилил проблему голода, которая уже с конца XIX века провоцировала политическую нестабильность, и создал предпосылки для формирования новой политической коалиции, которая получила власть в бразильском правительстве на пятнадцать лет (1930—1945) и совершила первую попытку «импортозамещающей индустриализации» (создания местных производственных мощностей).

Данная стратегия была частично нивелирована мировым экономическим спадом, который вынудил правительство усилить внутренний рынок за счет, главным образом, расширения промышленного производства и городского потребления. Основным экспортным товаром оставался кофе, соя была маргинальной экспериментальной культурой, а пшеница стала одной из важнейших социально-экономических проблем.

Конкуренция с аргентинской пшеницей исторически была фактором нестабильности бразильской экономики: Аргентина располагает лучшим климатом для выращивания пшеницы, а в Бразилии, даже в самых южных регионах, культивирование пшеницы сталкивается с проблемами изменчивости температур и дождей в зимний период, что отбивало у фермеров желание заниматься этой культурой. Всю первую половину XX века эти проблемы обостряли продовольственный кризис. В 1930 году для его преодоления были разработаны меры стимулирования создания кооперативов производителей пшеницы. С 1960 года по сей день такие кооперативы являются главными распространителями производства сои, которая внедрялась в целях диверсификации посевов: с одной стороны, соя стала элементом севооборота, «предлагаемого» государством производителям пшеницы, что гарантировало им небольшую прибыль, и стала альтернативой для производителей кофе, которые не оправались после мирового кризиса; с другой стороны, по мере роста мировой экономики в послевоенный период, экспорт сои мог стать источником финансирования для следующей волны индустриализации.

После ряда попыток девелопменталистских правительств конца 1950-х — начала 1960-х годов провести структурные реформы бразильской экономики (в том числе аграрные реформы и меры защиты внутреннего рынка), в 1964 году военный переворот изменил экономическую стратегию. В целях «недопущения коммунизма» военная диктатура (1964—1984) инициировала крайне одностороннюю и авторитарную стратегию экономического роста, сконцентрировав ресурсы в руках местной олигархии и кредитуюя ее из государственных займов у северо-

американских банков. В сельском хозяйстве это означало привилегированное положение крупнейших предприятий южных регионов, где соя начала смещать кофе с сельскохозяйственного трона. Ее восхождение поддержала программа государственного финансирования в рамках национальной системы сельскохозяйственного кредита, созданной в 1965 году. Кроме того, военное правительство разработало программы ценовых субсидий (1966) и страхования рисков (1973), учредило государственную корпорацию сельскохозяйственных исследований (Embrapa, 1973) для внедрения новых технологий и государственную корпорацию сельских консультационных услуг (Embrater, 1974) для их распространения.

В 1970-е годы после мировых нефтяных шоков и долговых кризисов данные программы, как и вся экономическая стратегия, начали буксовать, но сельское хозяйство продолжало получать государственную поддержку, поскольку правительство искусственно поддерживало цены на продовольствие и кредитную поддержку. Следствием стали серьезные государственные долги — к середине 1980-х годов государство утратило способность регулировать экономику, поддерживать экономический рост и сдерживать социальные конфликты, что обусловило популярность неолиберального дискурса, винившего в кризисе государство. Усиление этого дискурса привело к резким изменениям в государственной политике — к передаче рычагов управления и ответственности частному сектору: в сельском хозяйстве банки, корпорации и супермаркеты начали прибирать к рукам кредитование, исследования, технические услуги, продовольственные поставки и регулирование цен, открыв новый этап в истории сельского хозяйства Бразилии, который коренным образом повлиял на судьбу сои.

Аграрные реформы в постсоветской России и неолиберальной Бразилии (1980—2000)

После распада Советского Союза сельское хозяйство прошло через радикальные рыночные реформы 1992—1995 годов, которые включали в себя приватизацию земли и имущества колхозов и совхозов. Большинство коллективных и государственных сельхозпредприятий превратились в частные предприятия разных организационных форм — производственные кооперативы, акционерные общества и ООО [5; 27], хотя в начале реформ переход колхозов и совхозов в новые организационные формы нередко был лишь сменой вывески при сохранении ключевых игроков и способа хозяйствования.

Шоковые рыночные реформы привели к резкому падению производства сельскохозяйственной продукции, причем главными жертвами перемен оказались крупные сельхозпредприятия, поэтому неудивительно, что реформы негативно отразились на производстве зерна. Последствия реформ были столь тяжелыми, что до сих пор сельскохозяйственный сектор по ряду показателей не может выйти на советский уровень. Кроме того, реформы разрушили систему социального обеспечения села [14]. Неожиданно люди оказались в совершенно новой реальности, где им приходилось самим обеспечивать себя, в том числе продовольствием. Поэтому в отличие от падения сельскохозяйственного производства на крупных предприятиях домохозяйства нарастили производство продуктов питания за счет

интенсификации труда [21], что стало вынужденной мерой в условиях социально-экономического кризиса: ЛПХ в этот период обеспечивали более половины сельскохозяйственного ВВП страны.

В 1990-е годы деколлективизация привела к появлению третьего вида сельхозпроизводителей — крестьянско-фермерских хозяйств (КФХ), которые дополнили советскую бимодальную аграрную структуру (коллективные предприятия и ЛПХ). Одной из целей либеральных аграрных реформ и было создание большой группы фермерских хозяйств. Хотя в первое десятилетие их результаты были очень скромными — фермеры были практически незаметны в нарождающейся структуре постсоветского сельского хозяйства, в последние годы данная группа усилила свои позиции и обеспечивает до 15% сельскохозяйственного ВВП [28; 30]. Кроме того, в отличие от ЛПХ, фермеры занимают те же ниши, что и корпоративные сельхозпроизводители, в частности, производят пшеницу.

Как и в России, в Бразилии вторая половина 1980-х годов характеризовалась резкой сменой государственного курса. Демократизация позволила социальным движениям и политическим партиям разработать политические практики нового поколения, однако финансовый кризис на фоне отсутствия необходимых институциональных структур потребовал новых моделей управления. Преодоление кризиса требовало двух отсутствовавших вещей — денег и институтов, чтобы запустить новый цикл экономического роста. Сменившее диктатуру правительство безуспешно пыталось решить эту задачу, нередко лишь ухудшая положение: например, инфляция подскочила с 224% в 1985 году до 1232% — в 1989-м и 4116% — в 1990-м на фоне сокращения занятости и прямых иностранных инвестиций.

Принятая в 1988 году конституция утверждала политическую децентрализацию, расширение полномочий и автономии провинций и муниципалитетов, признание прав и расширение социальных гарантий работников, ужесточение барьеров для проникновения иностранного капитала и расширение возможностей для государственных корпораций [23]. Однако обострение кризиса и реакция консервативных элит препятствовали претворению в жизнь положений конституции и способствовали повороту страны в сторону неолиберального политического курса: в 1989 году его представитель выиграл президентские выборы и при поддержке Мирового Банка и МВФ начал реформы в духе Вашингтонского консенсуса (приватизация и упразднение государственных служб, создание институциональных условий для привлечения международного капитала и восстановления платежного баланса, дерегуляция и рост процентных ставок) [17].

Однако экономической и политической стабильности не удавалось добиться вплоть до середины 1990-х годов, когда программа «Real Plan» гарантировала победу на президентских выборах Ф.Э. Кардозо, который определил свою «историческую миссию» так: «искоренить ту часть нашего прошлого, которое все еще мешает настоящему и замедляет прогресс», а именно — «наследие эпохи Варгаса с его автократической моделью развития и интервенционистским государством».

Ставя во главу угла валютную стабилизацию и рыночную либерализацию, «Real Plan» поддерживал национальную валюту (реал) для обуздания инфляции, уменьшал таможенные пошлины и барьеры для прямых иностранных инвестиций,

начинал программу приватизации для уменьшения государственного долга. Положительным результатом стало снижение инфляции — с 631% в начале 1995 года до 9,56% к концу 1996-го, хотя цены оставались нестабильными и добиться снижения инфляции удалось лишь за счет повышения базовой процентной ставки, что привело к экономической стагнации и безработице [18; 24].

Торговая либерализация пошатнула позиции промышленности и сельского хозяйства, которым приходилось конкурировать с дешевыми импортными товарами — результатом стал отрицательный торговый баланс. Сельскохозяйственный сектор сталкивался и с проблемами экспорта из-за искусственного поддержания курса национальной валюты и усиления конкуренции с импортной продукцией на внутреннем рынке (молоко, пшеница, мясо, вино и т.п.). Под давлением аграрных элит правительство было вынуждено ввести секторальную компенсацию экономических потерь экспортеров. Одной из наиболее противоречивых мер по сей день является налоговая льгота для экспортных товаров (полезные ископаемые, нефть и соя).

Несмотря на то, что производство сои выросло за период перехода от военного к неолиберальному правительству, никто не мог предвидеть нынешнего соевого бума. Если посмотреть, что происходило с другими культурами в этот период (хлопок, кукуруза, бобовые и рис), то большинство из них потеряли либо посевные площади, либо объем производства, либо и то и другое. Единственным исключением стал сахарный тростник, посевные площади и производство которого оставались относительно стабильными [18]. Азиатский экономический кризис 1997 года и годом позже дефолт в России спровоцировали резкое падение цен на основные экспортные товары Бразилии и прямых иностранных инвестиций в страну. Если добавить к этому искусственное поддержание национальной валюты, то все это в сумме привело к нестабильной экономической ситуации, и в 1999 году валютный кризис вынудил правительство резко девальвировать бразильский реал и начать поддержку экспортно-ориентированной экономики, где агробизнес играл важную роль. Экспорт сырья начал расти, и торговый баланс сменил дефицит в 11,6 миллиардов долларов США в 1995 году на профицит в 7,2 миллиарда в 2002-м. Этот коммерческий успех позволил агробизнесу выстроить имидж наиболее динамично развивающегося сектора бразильской экономики и обеспечить сохранение власти в руках действующей политической коалиции, несмотря на нарастающую критику в адрес неолиберального экономического курса [17].

С другой стороны, государство столкнулось с насильственной концентрацией земли и нарастанием социальных проблем в сельских регионах (безработица и миграция), а также с политическим усилением социальных движений и профсоюзов. Реагируя на эти вызовы, в 1995 году правительство приняло первую общенациональную программу кредитования фермерских хозяйств, поскольку данный сектор по сей день играет важную роль в поддержании приемлемых цен на продовольствие на внутреннем рынке, создает рабочие места на селе и снижает остроту социальных конфликтов. Таким образом, одновременно с тем, как экс-

портно-ориентированный агробизнес устанавливал свою политико-экономическую гегемонию, КФХ образовали новую влиятельную коалицию, которая противостояла политическому нарративу торговых союзов крупных агропредприятий, что якобы предназначение сельского хозяйства — экспорт сырья. Дуализм бразильской аграрной политики был институционализирован в 1999 году, когда правительство создало министерство аграрного развития, которое действовало параллельно министерству сельского хозяйства, животноводства и снабжения, поддерживавшему экспортно-ориентированный сектор сельского хозяйства, но в интересах фермерских хозяйств.

Аграрные трансформации в России и Бразилии с 2000-х годов

В 1990-е гг. наиболее привлекательные сельскохозяйственные угодья юга России стали объектом захвата бывшей колхозно-совхозной элиты, а в 2000-е годы глобальная гонка за дешевой сельскохозяйственной землей достигла и других регионов страны — инвестировать в сельское хозяйство начал несельскохозяйственный (нефтегазовый сектор, металлургия и т.п.) и иностранный капитал. Для стимулирования этих инвестиций были завершены либеральные реформы 1990-х: принят новый земельный кодекс (2001) и закон об обороте земель сельхозназначения (2003). В результате если в 1990 году в России было порядка 25 тысяч коллективных предприятий, то в 2015 году — около 285 тысяч частных сельхозпредприятий, из них 40 — агрохолдинги с более чем 100 тысяч гектар земли в каждом.

В тот же период стало складываться экспортно-ориентированное сельское хозяйство, в котором зерновые культуры заняли главенствующие позиции, а пшеница вновь стала «королевой». Если Советский Союз завозил зерно для нужд животноводства и практически не экспортировал зерновые, а в 1990-е годы постсоветская Россия начала импортировать и продукцию животноводства, то в 2000-е годы производство зерна выросло, и страна перешла к комбинированию зернового экспорта и мясомолочного импорта.

Государство разработало целый ряд программ для развития сельского хозяйства, делая акцент на импортозамещении, что привело к росту производства мяса птицы и свинины в крупных агропредприятиях, причем восстановление животноводства не замедлило рост объемов зернового экспорта. Таким образом, сложилась новая экспортно-импортная структура российского сельского хозяйства — рост зернового экспорта на фоне уменьшения импорта сельхозпродукции — имеющая явные политические основания [29; 30]. Еще в 2010 году правительство утвердило Доктрину продовольственной безопасности, понимая таковую как продовольственную независимость (суверенитет или самообеспечение), т.е. главное внимание уделялось не качеству и доступности еды, а обеспечению условий для снижения зависимости страны от импорта основных продуктов питания.

Наиболее впечатляющие результаты были достигнуты в производстве пшеницы: посевная площадь выросла с 26,6 млн га в 2010 году до 27,9 млн — в 2017-м, объем производства — с 41,5 до 85,8 тысяч тонн (почти 70% производства зерно-

вых). Похоже, что Россия сделала главную ставку на производство и экспорт пшеницы — также Бразилия поступила с соей. Из всей выращенной пшеницы на экспорт в 2017—2018 годы пошло 36 тысяч тонн, что позволило России выйти на первое место среди мировых экспортеров пшеницы. Основные покупатели российской пшеницы — страны Ближнего Востока (Турция, Азербайджан, Иран, Ливан) и Северной Африки (Египет, Судан, Марокко), но экспортеры пытаются выйти на новые рынки (Бангладеш и Нигерия). Хотя в долларовом выражении США по-прежнему являются мировыми лидерами в экспорте пшеницы (6,1 млрд, или 15,7% мирового экспорта пшеницы против 5,8 млрд у России), в России самый высокий в мире чистый экспорт — 5,8 млрд долларов против 5,4 у США.

Ретроспективно можно сказать, что российское правительство предполагало возможную политическую конфронтацию с США и Европой и потому предпринимало шаги по снижению зависимости от мировых рынков продовольствия.

В 2014 году, когда конфликты обострились, российское руководство ввело продовольственное эмбарго в качестве ответных санкций, что ослабило конкуренцию на внутреннем рынке и способствовало росту внутреннего сельскохозяйственного производства. В наибольшей степени выиграл крупный агробизнес, т.е. продовольственное эмбарго и ряд предшествующих экономических мер привели к увеличению роли агрохолдингов и снижению роли домохозяйств в сельскохозяйственном производстве. В то же время фермерские хозяйства медленно, но верно развиваются по модели классических капиталистических предприятий, конкурируя с сельхозпредприятиями в производстве зерна за счет государственной поддержки.

В последние годы в России также предпринимаются попытки наладить производство сои, которая в силу глобальных рыночных тенденций стала интересовать крупнейших сельхозпроизводителей: в 2018 году было выращено 3,8 тысяч тонн сои, что на 8,2% выше, чем в предыдущем году; посевная площадь под сою выросла до 2,8 млн га (среднегодовой прирост в 7,5% и 27% в прошлом году). Тем не менее, именно Бразилия доминирует в мировых поставках сои, оспаривая лидерство США.

С 2003 по 2016 годы в Бразилии осуществлялся переход от неолиберальной модели к новой политической конфигурации, в рамках которой государство взяло на себя ведущую роль в поддержании экономического роста. Это «неодевелопменталистское государство» пыталось примирить традиционную макроэкономическую политику, сохранив монетарные инструменты неолиберальных правительств и их главных игроков, и девелопменталистскую стратегию стимулирования частных инвестиций и потребления [8]. Управляло государством «правительство коалиций» — сформированное из участников с разными интересами и потому постоянно ищущее компромисс для обеспечения необходимой рынкам институциональной стабильности [23], что является одной из причин, почему бразильское государство исторически поражено коррупцией.

Применительно к сельскому развитию это правительство принимало противоречивые решения, например, пыталось сочетать инвестиции в производство и экспорт сельскохозяйственного сырья с борьбой с бедностью и социальной неустойчивостью, которые собственно и порождались концентрацией капитала

благодаря инвестициям. Ряд исследователей полагает, что такая модель девелопментализма породила «компенсационное государство», где доходы от экспорта природных ресурсов и зерновых используются для социальных программ по преодолению тех проблем, которые эти доходы и порождают [12]. Аналогичная ситуация сложилась в экологической сфере: с одной стороны, государство ведет успешную борьбу с обезлесиванием Амазонии; с другой стороны, политика государства стимулировала бум производства зерновых, что усилило давление на природные ресурсы в других регионах страны [22]. Кроме того, бум производства зерновых ведет к укрупнению хозяйственных форм: с 2006 по 2017 годы площадь сельхозземель в Бразилии выросла с 333,7 до 350,3 млн гектар, а число хозяйств сократилось с 5,17 до 5,07 млн, причем 50,8 тысяч хозяйств с 1000 и более гектаров (1% хозяйств) увеличили землевладения с 45% до 47,5% всех сельхозугодий [31].

Бразилия также является объектом глобального хищнического захвата земель и природных ресурсов [25]. Например, в регионах Амазонии и Серрадо посевы сои вторглись в лесные массивы и пастбища для скотоводства, обычно занимаемые крестьянскими сообществами. Причем большая часть сои производится на крупнейших предприятиях, часть которых контролируется иностранными инвесторами [13; 15]. Свободных земель для захвата практически не осталось — исключение составляет лишь пампа на границе с Уругваем, традиционно используемая под животноводство, поэтому соя постепенно вытесняет другие культуры (например, кукурузу).

Иными словами, нарратив об успешности бразильского агробизнеса, по сути, скрывает тот факт, что на фоне взрывного роста производства сои другие культуры не увеличили ни валовые сборы, ни производительность (особенно бобовые и рис — самые типичные продукты в ежедневном рационе бразильцев).

За последние два десятилетия соя стала важнейшей экспортной культурой Бразилии, на которую приходится около 20% экспорта в ценовом выражении или половина сельскохозяйственного экспорта. Несмотря на периоды спада или стагнации, которые отражают неурожаи, общая траектория впечатляет, особенно если сравнить экспорт сои с экспортом других зерновых и прочих сельскохозяйственных культур. Главная причина такого пути развития — спрос со стороны Китая: в 2015 году на долю Китая пришлось 57% всего бразильского экспорта в стоимостном выражении (против 11% в 1997 году). Соответственно, китайско-бразильский соево-мясной комплекс — одно из ярчайших проявлений нового глобального продовольственного режима [19], но оно в то же время ставит под сомнение идею «неолиберального продовольственного режима. Вопрос в том, как квалифицировать способ накопления в сельском хозяйстве — по неолиберальным или неодевелопменталистским действиям государства? Как «подобрать тот точный и чувствительный аналитический инструмент, который позволит ухватить разнородные воплощения различных „либеральных политик“?» [26. Р. 138; 11].

Например, неодевелопменталистское государство пыталось преодолеть дуализм крупного агробизнеса и фермерских хозяйств: правительство подчеркивало важность семейных фермерских хозяйств для сельского развития и одновременно

поддерживало экспортно-ориентированную модель сельского хозяйства. Однако в последние годы наличие разных политических взглядов на государственное регулирование сельского развития привело к обострению конфликтов и созданию гибридных конфигураций. Вначале экспансия крупных предприятий и корпораций на земли фермеров и крестьянских сообществ породило конфликт, который государство не смогло потушить. Затем конфликты усилились внутри коалиций: с одной стороны, ряд крупных сельхозпредприятий поняли, что, несмотря на свою капитализацию, не смогут конкурировать с транснациональными корпорациями и финансовыми фондами; с другой стороны, социальная дифференциация затронула и фермеров — на юге многие фермеры оказались включены в глобальные рынки, вложили ресурсы в производство сои и кукурузы, высокие цены на которые компенсировали маленькие масштабы производства, или в свиноводство и птицеводство, превратив фермерские хозяйства в основных поставщиков мяса на внутренние и международные рынки, однако большинство фермеров были исключены из процесса модернизации и не получили государственную поддержку. Кроме того, если в середине 2000-х годов, когда мировой кризис затронул многие секторы экономики, сельское хозяйство казалось спокойной гаванью для финансовых вложений, то с 2012 года рост цен на сельскохозяйственную продукцию прекратился, а издержки производства стали быстро расти. Снижение спроса со стороны Китая, недавние мировые торговые войны и нарастание протекционизма поставили под вопрос стратегию экономического развития Бразилии, положив конец периоду относительно спокойного сосуществования противоречивых стратегий и коалиций.

Таким образом, концепция продовольственных режимов была задумана как исторический метод «включенного сравнения», и она действительно предлагает хороший аналитический инструмент для понимания глобальных тенденций. Однако аграрное развитие Бразилии и России ставит под вопрос ряд положений данного подхода и требует как его дополнения/уточнения, так и применения иных инструментов сопоставления стратегий вхождения обеих стран на мировые рынки [4].

Тем не менее, это не означает, что модель «продовольственного режима» не подходит для реконструкции общей логики экономического развития двух стран. Так, в период первого продовольственного режима (империалистско-колониального, 1870—1920) бразильская экономика более-менее легко вписалась в британо-центричную мир-систему, а Российская империя занимала специфическую позицию. С одной стороны, рост российского экспорта пшеницы совпал с установлением мирового продовольственного режима в 1870-е гг., когда развитие американского зерно-мясного комплекса заставило европейских фермеров уйти с этих рынков, и Россия начала экспорт пшеницы. С другой стороны, Россия оставалась на периферии продовольственного режима, так как ее сельское хозяйство по-прежнему основывалось на традиционном крестьянском труде без признаков его трансформации в капиталистические формы (фермерские хозяйства). Иными словами,

Россия не следовала мировым трендам, которые устанавливал нарождающийся мировой продовольственный режим, не стала его частью, не трансформировало под него свое сельское хозяйство, но воспользовалось предоставляемыми им возможностями.

Во время второго международного продовольственного режима (меркантилистско-индустриального, 1940—1970) Бразилия находилась рядом (и в подчинении) с новым центром глобальной силы, США, приспособив свое сельское хозяйство к американскому проекту модернизации. Советский Союз занимал совершенно иную позицию, и если даже советская геополитическая мощь косвенно повлияла на возникновение второго продовольственного режима, то советское сельское хозяйство развивалось довольно обособленно. Тем не менее, можно обнаружить сходства в историческом развитии двух стран: так, Россия и Бразилия пережили периоды принудительной сельскохозяйственной модернизации «сверху» — в России это была политика сплошной коллективизации 1930-х годов, которая сочетала коммунистическую идеологию и переход к крупным механизированным сельхозпредприятиям, а в Бразилии — модернизация во время военной диктатуры 1960—1970-х годов, которая приняла форму принудительного авторитарного капиталистического развития «сверху».

Как в капиталистической Бразилии, так и в советской России кризис 1980-х годов подорвал способность государства поддерживать выбранную модель аграрного развития и изменил режимы накопления и формы регуляции в сельском хозяйстве. В 1990-е годы новое демократическое правительство Бразилии разработало либеральный курс, открыв рынки для иностранного капитала и поддержав создание экспортно-ориентированного сельского хозяйства. Постсоветская Россия провела реорганизацию колхозов и совхозов и перешла к рыночной экономике, присоединившись к глобальному неолиберальному порядку, но еще не начала политику поддержки экспортно-ориентированного сельского хозяйства, и иностранные инвесторы еще не были в нем заинтересованы. Таким образом, в 1990-е годы Россия не влияла на мировое сельское хозяйство, и оно не определяло внутрироссийские аграрные трансформации.

В новом столетии Бразилия сохранила курс на экспортно-ориентированное сельское развитие, но создает более координированную экономику, в которой государству отводится центральная роль в регулировании агробизнеса, а либеральный нарратив отчасти заменен неодевелопменталистским. За последние три десятилетия все правительства Бразилии — от самых либеральных до наиболее девелопменталистских — делали шаги в сторону «регрессивной специализации» экономики, т.е. поддерживали ее все возрастающую экономическую зависимость от производства и экспорта сельхозпродукции. Однако, подтверждая противоречивость бразильского неодевелопменталистского государства, те же правительства допустили консолидацию фермерских хозяйств, способствовали стабилизации внутреннего рынка и разработали множество программ продовольственной безопасности.

Россия в этот период взяла курс на специфическую модель сельскохозяйственной модернизации, сочетающую экспортно-ориентированный зерновой сектор

с протекционизмом и стремлением к продовольственной независимости. Российское неодевелопменталистское государство создало благоприятные условия для экспансии частных корпораций, которые вывели страну в число крупных игроков на мировых рынках продовольствия. В отличие от Бразилии, где с 1990-х годов финансовый транснациональный капитал играл важную роль в сельском хозяйстве, локомотивом постсоветского аграрного развития в России оставались местный капитал и олигархия, поддерживаемые национальными проектами государства.

Обе страны стали главными конкурентами США на мировых продовольственных рынках: Бразилия с соей, а Россия с пшеницей. Однако если бразильская соя конкурирует с американской на одних и тех же рынках, главным образом удовлетворяя потребности Китая, то Россия и США все еще работают на разных рынках пшеницы: Россия экспортирует пшеницу, главным образом, на Ближний Восток и в Северную Африку, а США — на Дальний Восток и в Юго-Восточную Азию, страны Северной и Центральной Америки, а из стран Северной Африки американскую пшеницу вытеснила российская пшеница, выиграв ценовую конкуренцию. Эти изменения свидетельствуют о возникновении сложной агропродовольственной мировой системы и ставят под сомнение центральную роль США в мировом сельском хозяйстве.

Библиографический список / References

- [1] *Никонов А.А.* Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII—XX вв.). М., 1995 / *Nikonov A.A.* *Spiral mnogovekovoy dramy: agrarnaya nauka i politika Rossii (XVIII—XX vv.)* [The Spiral of Centuries-Old Drama: Agrarian Science and Policy of Russia (18—20 centuries)]. Moscow; 1995 (In Russ.).
- [2] *Никulin А.М.* Конгломераты и симбиозы в России: село и город, семьи и предприятия // Неформальная экономика: Россия и мир. М., 1999 / *Nikulín A.M.* *Konglomeraty i simbiozy v Rossii: selo i gorod, sem'i i predpriyatiya* [Conglomerates and symbioses in Russia: Village and the city, families and enterprises]. *Neformalnaya ekonomika: Rossiya i mir*. Moscow; 1999 (In Russ.).
- [3] *Островский А.* Зерновое производство в Европейской России в конце 19 — начале 20 вв. СПб., 2013 / *Ostrovsky A.* *Zernovoye proizvodstvo v Evropeyskoy Rossii v kontse 19 — nachale 20 vv.* [Grain Production in European Russia in the late 19th — early 20th centuries]. Saint Petersburg; 2013 (In Russ.).
- [4] *Троцук И.В.* Сравнительный анализ как способ реконструкции мировой экономической истории, или почему Китай не стал капиталистическим одновременно с Европой // Крестьяноведение. 2018. Т. 3. № 3 / *Trotsuk I.V.* *Sravnitelny analiz kak sposob rekonstruktsii mirovoy ekonomicheskoy istorii, ili pochemu Kitay ne stal kapitalisticheskim odnovremenno s Evropoy* [Comparative analysis as a way to reconstruct the world economic history, or why China did not become capitalist at the same time as Europe]. *Russian Peasant Studies*. 2018; 3 (3) (In Russ.).
- [5] *Узун В.Я., Шагайда Н.И.* Аграрная реформа в постсоветской России. Механизмы и результаты. М., 2015 / *Uzun V.Ya., Shagaida N.I.* *Agrarnaya reforma v postsovetskoy Rossii. Mekhanizmy i rezultaty* [Agrarian Reform in Post-Soviet Russia. Mechanisms and Results]. Moscow; 2015 (In Russ.).
- [6] *Шанин Т.* Революция как момент истины. Россия 1905—1907 гг. → 1917—1922 гг. М., 1997 / *Shanin T.* *Revolyutsiya kak moment istiny. Rossiya 1905—1907 gg. → 1917—1922 gg.* [Revolution as a Moment of Truth. Russia in 1905—1907 → 1917—1922]. Moscow; 1997 (In Russ.).

- [7] Borrás S.M., Franco J.C., Isakson S.R., Levidow L., Vervest L. The rise of flex crops and commodities: implications for research. *Journal of Peasant Studies*. 2016; 43 (1).
- [8] Bresser-Pereira L.C. Reflexões sobre o novo desenvolvimentismo e o desenvolvimentismo clássico. *Revista de Economia Política*. 2016; 36 (2).
- [9] Friedmann H. Commentary: Food regime analysis and agrarian questions: widening the conversation. *Journal of Peasant Studies*. 2016; 43 (3).
- [10] Friedmann H., McMichael P. Agriculture and the state system: The rise and decline of national agricultures, 1870 to the present. *Sociologia Ruralis*. 1989; 29 (2).
- [11] Grisa C., Schneider S. (Eds.). *Políticas de Desenvolvimento Rural no Brasil*. Porto Alegre; 2015.
- [12] Gudynas E. Estado compensador y nuevos extractivismos: las ambivalencias del progresismo sudamericano. *Nueva Sociedad*. 2012; 237.
- [13] Ioris A. *Agribusiness and the Neoliberal Food System in Brazil*. London; 2017.
- [14] Kurakin A. When the state is shirking: Informal solutions for social services provision in Altai villages. *Przeglad Wschodnioeuropejski*. 2015; 6 (2).
- [15] Martinelli L.A., Batistella M., Silva R.F.B., Moran E. Soy expansion and socioeconomic development in municipalities of Brazil. *Land*. 2017; 6.
- [16] McMichael P. Commentary: Food regime for thought. *Journal of Peasant Studies*. 2016; 43 (3).
- [17] Niederle P., Grisa C., Picolotto E., Soldera D. Narrative disputes on family farming public policies in Brazil: Conservative attacks and civic counter-movements. *Proceedings of the BRICS Initiative for Critical Agrarian Studies Conference*. Moscow; 2017.
- [18] Niederle P., Wesz V. *As novas ordens alimentares*. Porto Alegre; 2018.
- [19] Oliveira G., Hecht S. (Eds.) *Soy, Globalization, and Environmental Politics in South America*. Routledge; 2017.
- [20] Otero G. The neoliberal food regime in Latin America: state, agribusiness transnational corporations and biotechnology. *Canadian Journal of Development Studies*. 2012; 33 (3).
- [21] Pallot J., Nefedova T. *Russia's Unknown Agriculture: Household Production in Post-Socialist Rural Russia*. Oxford; 2007.
- [22] Pereira L., Pauli L. O processo de estrangeirização da terra e expansão do agronegócio na região do MATOPIBA. *Campo-Território*. 2016; 11.
- [23] Sallum B. Metamorfoses do estado brasileiro no final do século XX. *Revista Brasileira de Ciência Sociais*. 2003; 18.
- [24] Sallum B., Goulart J. O estado Brasileiro contemporâneo: Liberalização econômica, política e sociedade nos governos FHC e Lula. *Revista de Sociologia Política*. 2018; 24.
- [25] Sauer S., Leite S. Expansão agrícola, preços e apropriação de terra por estrangeiros no Brasil. *Revista de Economia e Sociologia Rural*. 2012; 50 (3).
- [26] Thellen K. Varieties of capitalism: Trajectories of liberalization and the new politics of social solidarity. *Annual Review of Political Science*. 2012; 15.
- [27] Wegren S. *Land Reform in Russia: Institutional Design and Behavioral Responses*. New Haven; 2009.
- [28] Wegren S. Private farming in Russia: An emerging success? *Post-Soviet Affairs*. 2011; 27 (3).
- [29] Wegren S., Nikulin A., Trotsuk I. Russian agriculture during Putin's fourth term: a SWOT analysis. *Post-Communist Economies*. DOI: 10.1080/14631377.2019.157989.
- [30] Wegren S.K., Nikulin A.M., Trotsuk I. Russia's tilt to Asia and implications for agriculture in the Far East. *Eurasian Geography and Economics*. 2015; 56 (2).
- [31] Wesz W. Strategies and hybrid dynamics of soy transnational companies in the Southern Cone. *Journal of Peasant Studies*. 2016; 43 (2).
- [32] Wilkinson J., Goodmann D. Les analyses en terme de 'food regime': une relecture. G. Allaire, B. Daviron (Eds.). *Transformations agricoles et agrolimentaires: entre écologie et capitalisme*. Versailles; 2017.

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-2-261-276

Theory of “food regimes” as a model to explain the strategies of agrarian development (the ‘cases’ of Russia and Brazil)*

P. Niederle¹, A.A. Kurakin^{2,3},
A.M. Nikulin², S. Schneider¹

¹Federal University of Rio Grande do Sul
Av. Paulo Gama, 110, Porto Alegre, Brazil, 90040-060

²Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Vernadskogo Prosp., 82, Moscow, Russia, 119571

³National Research University Higher School of Economics
Myasnitskaya St., 9/11, Moscow, Russia, 101000

(e-mail: pauloniederle@gmail.com.ru; chto-delat@yandex.ru;
nikulin@ranepa.ru; schneide@ufrgs.br)

Abstract. The ‘food regime’ approach was introduced as a historical method of “incorporated comparison” (P. McMichael). This comparison of the role of agriculture in the world-system made some scholars overemphasize an excessively unitary and coherent global food regime. The authors recognize this approach as a historical-comparative analytical tool to understand global trends, but argue that the Russian and Brazilian agrarian development question some ideas of the food regime approach. The contemporary positions of two countries in the global markets also prove the divergences in their positioning in the food regime genealogy. The paper focuses on the production and export of soy and wheat which do not represent the entire agrarian economy of Brazil and Russia but allow to compare two countries’ strategies of the international trade and in domestic markets. First, the authors briefly discuss the historical routes Russia and Brazil have taken in the agricultural development and global food markets; then they analyze the radical changes that followed the Russian *perestroika* and the Brazilian re-democratization in the late 1980s and led to the consolidation of neoliberal policies in the 1990s. After that the paper describes the turn of both countries to the ‘neo-developmental state’ that supported the export-oriented policies for the agribusiness but combined them with domestic food security and sovereignty policies. Finally, the authors conclude that despite differing trajectories both Russia and Brazil cannot be considered parts of the neoliberal food regime due to the fact that the contemporary period should be rather defined as a paradigmatic crisis and a co-existence of two or more food regimes.

Key words: food regime; agriculture; agrarian development; reforms; comparative analysis; Russia; Brazil

* © P. Niederle, A.A. Kurakin, A.M. Nikulin, S. Schneider, 2019.
The article was submitted on 16.11.2018.

МАССОВЫЕ ОПРОСЫ, ЭКСПЕРИМЕНТЫ, КЕЙС-СТАДИ

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-2-277-288

Медиа, институты и доверие российских граждан*

М.М. Назаров^{1,2}, В.Н. Иванов¹, Е.А. Кублицкая¹¹Институт социально-политических исследований РАН
*ул. Фотиевой, 6–1, Москва, Россия, 119333*²Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
ул. Мясницкая, 9/11, Москва, Россия, 101000(e-mail: vy175867@yandex.ru; vilen_ivanov@bk.ru;
eakubl@yandex.ru)

Медиа являются одним из важнейших социальных институтов, а также опосредуют отношение граждан к другим институтам общества. Одной из важнейших в этой связи характеристик является доверие граждан ключевым социальным институтам. В статье рассматривается проблема доверия населения российским медиа. В фокусе анализа находится вопрос, в какой мере доверие российских граждан средствам массовой информации (далее — СМИ) соотносится с доверием другим государственным и общественным институтам. Основанием для выводов являются сравнительные эмпирические исследования в столичном регионе, проведенные в 2016—2018 годы. Согласно результатам исследований доверие медиа среди населения является невысоким, около половины респондентов не доверяют этому институту. Причем данный тренд характерен для постсоветского периода в целом. Использование бинарной логистической регрессии позволило определить, что недоверие медиа связано с недоверием таким институтам, как Президент РФ, Дума, правоохранительные органы, политические партии, церковь, банковские и предпринимательские структуры. Наряду с этим недоверие медиа актуализируют социальные проблемы, беспокоящие людей в повседневной жизни. Согласно приведенной статистической модели недоверие медиа также связано с тем, что респонденты не разделяют положительного отношения к действующей политической системе. Другим важным фактором недоверия является негативное отношение респондентов к содержанию и функциональной направленности медиа. При анализе доверия медиа необходимо учитывать и трансформации современного медиа-ландшафта: среди медиа респонденты отдают предпочтение Интернету и телевидению, в отношении которых показатели доверия практически одинаковы. Существует и возрастная дифференциация — доверие медиа в целом с возрастом растет, но применительно к Интернету наблюдается обратная зависимость. С развитием современных медиа-технологий и Интернета информационные условия для вынесения оценок о доверии или недоверии медиа и другим институтам общества объективно усложняются.

Ключевые слова: доверие; политические институты; медиа; факторы доверия; постмодерная медиа-культура; массовая коммуникация; телевидение; Интернет

* © Назаров М.М., Иванов В.Н., Кублицкая Е.А., 2019.

Статья поступила в редакцию 4.12.2018 г.

Фактор доверия является важным условием функционирования социальной жизни. Основанием доверия выступают те социальные практики, которые способствуют формированию у индивидов адекватных ожиданий от взаимоотношений с другими гражданами, организациями, социальной системой в целом. Доверие повышает предсказуемость социального поведения, выполняет важную регулятивную роль в системе социальных отношений в разных сферах жизнедеятельности [11]. Применительно к медиа доверие представляет собой положительную репутацию у аудитории, которая обусловлена точностью, авторитетностью, непредвзятостью, популярностью информационного источника [13].

В последние 10—15 лет составляющие доверия — межличностного и институционального [25] — рассматривались российскими исследователями в различных контекстах: проводился анализ доверия к политическим, экономическим, социокультурным институтам [1; 4; 24; 25]; исследовались взаимосвязи между уровнем доверия и субъективной удовлетворенностью жизнью [6]; доверие изучалось как фактор преодоления кризиса [10]; отдельные работы были посвящены анализу доверия СМИ, особенностей доверия с точки зрения вовлечения индивидов в информационные потоки [2; 9]. Вместе с тем проблематика доверия медиа в контексте доверия прочим институтам общества практически не рассматривалась.

В связи с проблематикой доверия медиа остановимся на ряде важных для нас моментов, получивших отражение в мировой литературе.

Существуют разные точки зрения на то, кто из индивидов в плане их социально-демографических характеристик в большей степени склонен доверять медиа, в частности, с точки зрения пола и образования [15; 29]; как правило, больше доверяют медиа те, для кого характерно активное потребление мейнстримных медиа [19; 28]. Доверие медиа включает в себя институциональный и личностный компоненты, поскольку за конкретным телеканалом, газетой или другой информационной платформой стоят люди, осуществляющие определенную информационную политику [30]. Исследователи также старались проследить связь между активностью потребления медиа и политическим доверием в обществе. Сравнительные результаты в Швеции, Нидерландах, Дании, Израиле и США говорят об отсутствии влияния медиа на политическое доверие [12], однако выраженные политические предпочтения и включенность граждан в те или иные виды политической активности предполагают склонность к интерпретации данных медиа как необъективных [20].

Доверие институтам, в том числе медиа, опосредуется особенностями сложившейся политической системы и спецификой политической культуры. Известность в этой связи получили работы Р. Инглехарта и его коллег, в фокусе которых находились взаимосвязи типов обществ (по доминирующим в них ценностным представлениям) и уровня доверия политическим институтам. На основе кросс-страновых сравнений было показано, что современные космополитические общества характеризуются большей политической включенностью и поддержкой демократических ценностей, характеризуются более высоким уровнем благосостояния, нежели общества с подданической политической культурой, в том числе благодаря большей свободе прессы [23. С. 257].

Статья основана на результатах эмпирических исследований, проведенных в Москве в 2016—2018 годы и основанных в свою очередь на системе показателей, отражающих ключевые характеристики социальной ситуации. Наряду с изучением уровня доверия населения медиа и другим социальным институтам фиксировались оценки людей по широкому кругу вопросов политической, экономической и социокультурной жизни российского общества. Метод сбора информации — анкета. Выборка — квотная, отражает структуру населения мегаполиса в возрасте старше 14 лет. Общее количество опрошенных — 705 (2016), 730 (2017), 726 (2018).

Итак, каким является доверие медиа на фоне доверия другим важнейшим социальным институтам? Данные об этом в динамике приведены в таблице 1. Можно выделить несколько групп институтов с точки зрения доверия населения: наибольшей поддержкой в 2018 году пользовались Президент РФ (58%) и армия (56%), уровень доверия большинству других институтов — в пределах 20—30%: правительству, Совету Федерации, суду, прокуратуре, полиции и др. К этой группе институтов относятся и СМИ с уровнем доверия в 25%. Наименьшим было доверие Государственной Думе (15%) и политическим партиям и движениям (10%).

Динамика доверия в отношении практически всех важнейших институтов негативна: за период 2016—2018 годов в полтора-два раза упал уровень доверия правительству, Совету Федерации, Государственной Думе, политическим партиям и движениям и церкви. Падение доверия наблюдалось и в отношении действующего Президента, хотя и не в таком объеме: 71% в 2015 году и 58% — в 2018 г. Общий негативный тренд выглядит достаточно тревожно, поскольку доверие граждан институтам является интегральным индикатором уровня социально-политического благополучия и социальной стабильности в целом. Доверие медиа в этот период — в пределах 22—30%.

Таблица 1

Доверие российским институтам, %

Институт / доля ответов «доверяю»	2016	2017	2018
Президент РФ	71,9	62,3	58,4
Правительство РФ	45	29,7	23,7
Совет Федерации	34,6	25,4	22
Государственная Дума	23,7	16,7	15,3
Полиция	27,4	22,3	25,2
Суд	31,5	23	25,2
Прокуратура	30,1	28,1	26,3
ФСБ	50,6	42,5	43,8
Армия	54,5	56,7	56,3
Профсоюзы	24,4	24,3	28,2
Церковь	46,7	35,9	31,1
Политические партии, движения	19,5	10,4	9,9
Органы местного самоуправления	25,5	19,9	26,9
Средства массовой информации (телевидение, радио, газеты)	30,8	22,6	25,2
Банковские, предпринимательские структуры	26,8	22,1	18,6

Таблица 2

Доверие к медиа в социально-демографических группах

		Доверяют		Не доверяют	
		%	Индекс	%	Индекс
Пол	Мужской	18,4%	73	59,2%	118
	Женский	30,9%	123	42,5%	85
Возраст	14—24	19,5%	77	64,2%	128
	25—39	16,4%	65	55,6%	111
	40—49	22,6%	90	48,2%	96
	50+	37,3%	148	37,8%	75
Образование	Начальное/среднее общее	30,9%	123	55,6%	111
	Среднее специальное	39,4%	156	35,9%	72
	Неоконченное высшее	18,2%	72	60,6%	121
	Высшее / ученая степень	20,8%	83	51,5%	103
Доход	Низкий	40%	159	37,6%	75
	Средний	23,5%	93	52,2%	104
	Средневысокий	21,5%	85	52,7%	105
	Высокий	28,6%	113	50%	100

Если индекс больше 100, то доля аудитории в группе больше, чем доля в аудитории «все».

Индикаторы дохода: низкий — «денег хватает только на еду/не хватает даже на еду»; средний — «денег хватает только на продукты и одежду»; средневысокий — «доступно большинство товаров длительного пользования, кроме автомашины»; высокий — «денег достаточно, чтобы ни в чем себе не отказывать».

Данные о социально-демографических особенностях доверия медиа представлены в таблице 2. Доверие медиа в целом более высоко среди женщин, чем среди мужчин (30% против 18%). С возрастом доверие медиа растет: если в группе 14—24-летних уровень доверия составил 19%, то среди лиц старше 50 лет — 37%. Различия в доверии медиа прослеживаются у групп с разным образованием — более высокий уровень образования коррелирует с меньшим доверием.

Показательно, что при ответе на вопрос об источниках социально-политической информации, которым люди доверяли больше всего, ТВ много лет подряд опережало Интернет, а теперь ситуация изменилась. Например, в 2017 году Интернету доверяли 46% опрошенных, ТВ — 30%, далее идут газеты — 20%, радио — 18% и журналы — 4%. Межличностное общение — «разговоры с друзьями, знакомыми» — также занимает важное место в иерархии информационных источников, заслуживающих доверия (31%). Социально-демографические особенности доверия наиболее ярко проявляются в отношении к Интернет и ТВ: доверие ТВ с возрастом растет, доверие Интернету — падает.

Один из исследовательских вопросов состоял в том, чтобы определить, в какой мере на доверие или недоверие медиа влияют разные факторы, в том числе доверие другим социальным институтам. Для ответа на него использовались методы регрессионного анализа (бинарная логистическая регрессия), позволяющие определить, какие факторы оказывают наибольшее влияние на зависимую переменную — недоверие медиа. Данный показатель помогает выявить узлы социальной напряженности и определить конструктивные практики социального управления. В качестве независимых использовались несколько групп переменных: доверие различным социальным институтам; индикаторы удовлетворенности материальным благосостоянием и оценки актуальных социальных проблем; отно-

шение к социально-политической системе, обеспечению прав и свобод граждан; социально-демографические параметры. Результаты регрессионного анализа с пошаговым отбором переменных методом условного включения представлены в таблице 3, где показаны переменные, обладающие максимальной предсказательной силой, т.е. наиболее полно объясняющие недоверие к медиа: предикторы с положительным коэффициентом увеличивают вероятность недоверия медиа, предикторы с отрицательным коэффициентом — уменьшают.

Таблица 3

Регрессионная модель — предикторы недоверия к медиа

Предикторы (индикаторы)	B	Знч.
Доверие Президенту	-2,054	0,000
Недоверие Думе	0,725	0,038
Недоверие полиции	0,981	0,006
Недоверие прокуратуре	-1,292	0,001
Доверие ФСБ	-1,198	0,001
Недоверие церкви	1,234	0,000
Доверие политическим партиям	-1,443	0,003
Недоверие банковским и предпринимательским структурам	1,772	0,000
Среди наиболее беспокоящих проблем — дорогое и неквалифицированное медицинское обслуживание	0,814	0,015
Среди наиболее беспокоящих проблем — рост преступности	1,480	0,004
Среди наиболее беспокоящих проблем — рост наркомании, алкоголизма	-1,392	0,001
Представление, что межнациональные отношения в Москве стабильны	1,540	0,001
«Меня полностью устраивает политическая система нашего общества»	-3,982	0,000
Готовность отстаивать свои права самостоятельно	0,901	0,012
Представление, что СМИ формируют искаженные представления о жизни	1,120	0,001
СМИ повышают уровень культуры и образования людей	-1,280	0,001
СМИ способствуют разжиганию межнациональной и межрелигиозной розни	3,152	0,000
СМИ способствуют проявлениям нетерпимости людей	-2,180	0,001
СМИ способствуют распространению насилия в обществе	1,226	0,033
Пол мужской	-0,757	0,023
Возраст 40—49	-0,847	0,048
Возраст старше 50	-1,859	0,000
Доход максимальный: ни в чем себе не отказываю	-1,361	0,008
Доход минимальный денег хватает на продукты питания	-1,638	0,001

По итогам регрессионного анализа можно выделить несколько переменных, которые в максимальной степени влияют на формирование недоверия медиа. Содержательно эти переменные можно разделить на несколько групп. К первой группе относятся индикаторы, характеризующие доверие или недоверие людей государственным и общественным структурам, субъектам экономической жизни (результаты фиксируют недоверие президенту, Думе, полиции, ФСБ, политическим партиям, церкви, банковским и предпринимательским структурам). Вторая группа индикаторов, повышающих вероятность недоверия медиа, связана с представлением людей о социальной реальности, это прежде всего проблемы, беспокоящие людей в повседневной жизни: дорогое и неквалифицированное медицинское обслуживание, рост преступности (рост наркомании и алкоголизма оказался негативным предиктором, т.е. значимо не влияющим на недоверие медиа). Третья группа имеет выраженное политическое измерение, в частности, это предиктор, отражающий отношение людей к политической системе: недоверие медиа оказы-

вается в вероятностном плане связано с тем, что респонденты не разделяют положительного отношения к политической системе. Недоверие медиа с большей вероятностью характерно для тех, кто полагается прежде всего на себя (а не на коллективные действия) в отстаивании своих интересов. Четвертая группа предикторов недоверия медиа касается установок людей по отношению к СМИ: недоверие медиа в большей степени присуще респондентам с негативными представлениями о роли медиа в обществе. В этой связи в модель вошли следующие оценочные суждения о российских СМИ: формируют искаженные представления о жизни страны и мира; способствуют распространению насилия, разжиганию межнациональной и межрелигиозной розни. Также значимым стал индикатор несогласия с тем, что медиа повышают уровень культуры и образования людей. Кроме того, недоверие медиа свойственно скорее женщинам младше 40 лет со средним уровнем дохода.

Соответственно, недоверие медиа обусловлено комплексом факторов, и в ряду наиболее значимых — недоверие другим социальным институтам, включая правительство, политические партии, церковь и предпринимательские структуры. Видимо, здесь срабатывает следующая логика: недоверие граждан ключевым социальным институтам находит выражение в недоверии медиа. Более того, помимо недоверия институтам важную роль играют социально-экономические и политические обстоятельства, в частности, актуальные социальные проблемы, — все это выливается в недовольство политической системой общества.

Анализ литературы показал, что доверие медиа связано и с политико-идеологическими предпочтениями граждан. Для уточнения этого вопроса в исследовании была использована процедура многомерной классификации [7], поскольку можно выделить следующие типологические группы носителей разных типов политических ценностей — от сторонников либерально-демократических идей до отдающих предпочтение социалистическим ценностям. Имеющиеся данные говорят, что группы с различными идеологическими предпочтениями не различаются существенно по степени доверия медиа, т.е. показатель доверия/недоверия медиа не дифференцирует людей с различными политическими ценностями.

Исследование показало, что большая часть жителей столицы не доверяет медиа. Характерно, что высокие цифры недоверия медиа свойственны стране на протяжении последних 10—15 лет [5]. Более того, наши исследования 1990-х годов фиксировали, что уровень доверия медиа в тот период был еще ниже, что, видимо, отражает несколько обстоятельств: практика постсоветского реформирования объективно привела к падению уровня жизни широких слоев населения, что сопровождалось болезненными и противоречивыми процессами в социально-политической, экономической и культурной жизни. При этом следует принять во внимание доминирующий медиадискурс того времени, в котором преобладали политико-идеологические ценности радикально-либерального и антикоммунистического толка. Очевидно, что настроения значительной части населения оказывались в противоречии как с этими социальными процессами, так и с материалами медиа, информационно поддерживавших переходный период.

В период стабилизации 2000-х годов институтам власти стал присущ акцент на действиях государственно-патриотического характера (прежде всего в области международной политики) и в целом сохранение либерального курса в экономике, что отражал доминирующий медиадискурс. Этому, среди прочего, способствовало усиление влияния государства, уменьшение пространства функционирования независимых СМИ, в первую очередь на телевидении. В социально-экономической и политической сферах наблюдались такие негативные явления, как дороговизна жизни, растущее имущественное расслоение населения, коррупция, нарастание проблем в области ЖКХ, медицины и образования, недовольство оппозиционных групп существующей политической системой, межнациональная напряженность в отдельных регионах и др. В целом уровень доверия медиа в этот период был выше, чем в 1990-е годы, хотя доля не доверяющих медиа оставалась весьма высокой.

Следует отметить и схожие зарубежные тенденции: согласно исследованиям Института Гэллапа в США, доверие медиа неуклонно снижается на протяжении последних десяти лет, и сегодня «четвертая власть» пользуется доверием менее трети американцев, но пожилые демонстрируют несколько большее доверие медиа по сравнению с представителями более молодых возрастных групп [14]. По данным проекта Евробарометр, в 28 странах ЕЭС уровень недоверия различным медиа весьма высок: склонны не доверять печатной прессе 50%, ТВ — 47%, Интернету — 45%, радио — 36%, социальным сетям — 55% [24]. Безусловно, системы организации медиа в США, Западной Европе и России имеют существенные различия — достаточно сопоставить их по таким параметрам, как взаимосвязь сфер медиа и политики, регулирование медиарынков, структура владения и организации институтов СМИ, доминирующие культурные константы в производимом и распространяемом контенте [16. С. 231]. Вместе с тем данные показывают, что значительная часть граждан, не доверяющих медиа, — характерная черта не только современного российского общества, но отражение современной тенденции, присущей политическим системам разных стран.

Следует отметить возрастную дифференциацию доверия российским медиа — с возрастом доверие медиа растет. С одной стороны, распространены представления, что в посткоммунистических обществах имеются поколения с разным политическим опытом и отношением к институтам, т.е. социализированные в разных политических культурах [18. С. 83]. С другой стороны, результаты эмпирических исследований в разных странах позволяют утверждать, что политическое недоверие определяется в значительной мере неудовлетворительным функционированием политических институтов и не может быть сведено к факторам социализации или коммунистического прошлого [22]. Применительно к российской ситуации второе объяснение выглядит предпочтительнее, т.е. на доверие медиа влияют, в первую очередь, текущие социально-экономические и политические обстоятельства, особенности сложившегося медиаландшафта.

Отметим, что среди молодежи проявления гражданской активности менее выражены по сравнению с более старшими возрастными группами. Это касается, например, таких составляющих политической культуры, как интерес к политике,

участие в партиях и движениях и артикуляции политико-идеологических предпочтений. Эти особенности достаточно устойчивы на протяжении новейшей российской истории [3], и к этому ряду, видимо, правомерно отнести доверие медиа, т.е. здесь проявляется устойчивый тренд на деполитизацию молодого поколения с ее уменьшением по мере взросления.

Однако нельзя не учитывать, что в последние 5—7 лет произошли серьезные изменения в российском медиаландшафте, что привело к новой конфигурации медиапотребления и, видимо, отражается на доверии медиа. Эмпирические данные показывают, что более молодые респонденты чаще доверяют Интернету, а более старшие — традиционным медиа. Среди важных в этой связи коммуникационных трендов выделим рост проникновения домашнего и мобильного Интернета, а также то, что за последнее десятилетие среднесуточное время использования Интернета в нашей стране выросло более чем в 10 раз. Произошли серьезные изменения в наборе используемых цифровых устройств, прежде всего планшетов и смартфонов, что стало причиной активного использования в повседневных практиках социальных сетей — ВКонтакте, Фейсбук. Эти и другие инновации, например, видеохостинг YouTube, системы быстрого обмена сообщениями типа мессенджера WhatsApp существенно расширили коммуникационные возможности людей, прежде всего молодых поколений.

В широком кросс-культурном контексте с этим так или иначе соотносится популярная сегодня идея о поколении «двухтысячных» (millennials, digital natives, net generation), изначально разработанная для американского общества [17]: формирование ценностей, норм, образцов поведения группы родившихся с 1979 по 2000 годы происходило в период бурного развития информационно-коммуникативных технологий на все стороны жизни общества, поэтому представители этого поколения кардинально меняют модели поиска информации, ее потребления и социального общения, что, в свою очередь, проявляется в их ценностях — в сторону большей открытости, ориентации на достижения и успех. Заметим, что проблематика социальных последствий медиаинноваций имеет глобальный характер, поэтому отсылки к данной концепции можно встретить и в российском дискурсе.

При всей справедливости утверждения, что носителями технологических инноваций является молодежь, не следует абсолютизировать эту идею, поскольку она представляется слишком общей. Совокупность индивидов, которую в возрастном плане охватывает понятие «молодежь», включает в себя лиц на разных этапах жизненного цикла. Эмпирические данные свидетельствуют, что внутри поколения «двухтысячных» можно выделить подгруппы, которые демонстрируют как продвинутое, так и более традиционное в социальном плане поведение [8]. Кроме того, с развитием современных медиатехнологий и интернет-среды информационные условия для вынесения оценок о доверии или недоверии медиа и другим институтам объективно усложняются.

Действительно, формирование новой информационной среды объективно увеличивает доступность и прозрачность для граждан деятельности властей. Не случайно, что в профессиональный и массовый оборот уже вошло, например,

такое понятие, как «открытое правительство». Наряду с этим одна из особенностей новой ситуации состоит в том, что люди все больше времени проводят с коммуникационными средствами, т.е. их опыт в социально-политической сфере становится все более опосредованным — современными медиа, при том что проблематика гражданского характера занимает в медиа весьма незначительную долю. Для современной постмодернистской культурно-информационной среды императивом является гедонистическая, развлекательная направленность. Пример тому — активное использование медиаформатов, получивших название «politainment» («политразвлечение») [21], когда при подаче социально-политической информации используются формы, присущие развлекательному контенту, причем как в Интернете, так и в других медиа. Кроме того, современная коммуникационная среда во все большей степени ориентирована на оперирование относительно короткими сообщениями, предполагающими быстрые интерактивные реакции — «твиты», «ретвиты», «лайки» и т.п., что приводит к формированию «клипового сознания» как характерной черты современной коммуникационной среды. В такой ситуации людям достаточно сложно проследить причинно-следственные связи явлений, в том числе в социально-политической сфере, в частности, в связи с вопросом о доверии институтам. Фактически, для постмодерной коммуникационной среды характерно, что объективные основания для вынесения гражданами тех или иных суждений оказываются подменены «спектаклем», некоей фиктивной реальностью.

Уровень доверия медиа в российском обществе невысок — половина россиян не доверяет СМИ. Недоверие граждан российским медиа обусловлено целым рядом обстоятельств: оно коррелирует с недоверием различным институтам — президенту, Думе, правоохранительным органам, политическим партиям, церкви, банковским и предпринимательским структурам; оно актуализирует социальные проблемы, беспокоящие людей в повседневной жизни; тесно связано с тем, что респонденты негативно оценивают политическую систему, а также содержание и функциональную направленность медиа. Несомненно, в условиях трансформаций цифровой медиасреды и доминирования постмодернистских культурных образцов основания для формирования доверия медиа будут усложняться.

Библиографический список

- [1] *Андрееenkova A.B.* Политическое поведение россиян // Мониторинг общественного мнения. 2010. № 4.
- [2] *Волченко ОВ.* Доверие как продукт вовлеченности в информационные потоки // Мониторинг общественного мнения. 2014. № 4.
- [3] *Кертман Г.Л.* Социум и власть. Интерес к политике по-российски: мотивы явные и скрытые // Политические исследования. 2005. № 2.
- [4] *Леваиов В.К.* Тревоги общества и доверие к государственным институтам // Мониторинг общественного мнения. 2005. № 4.
- [5] *Локосов В.В., Шульц В.Л.* Основания консолидации современного российского общества. Социологические аспекты. М., 2008.

- [6] *Миронова А.А.* Доверие, социальный капитал и субъективное благополучие индивида // *Общественные науки и современность*. 2014. № 3.
- [7] *Назаров М.М., Иванов В.Н., Кублицкая Е.А.* Политические ценности российского общества (результаты сравнительного проекта) // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2018. № 3.
- [8] *Назаров М.М.* Цифровое поколение «двухтысячных»: особенности медиапотребления // *Информационное общество*. 2016. № 3.
- [9] *Попов В., Тавокин Е.* Доверие к СМИ в общественном сознании граждан России // *Государственная служба*. 2002. № 4.
- [10] *Чупров В.И., Михеева В.В.* Доверие в обществе как фактор преодоления кризиса // *Социально-гуманитарные знания*. 2015. № 4.
- [11] *Штомпка П.* Доверие — основа общества. М., 2012.
- [12] *Ariely G.* Does commercialized political coverage undermine political trust?: Evidence across European countries // *Journal of Broadcasting & Electronic Media*. 2015. Vol. 59. No. 3.
- [13] *Coleman S., Ross K.* The Media and the Public. “Them” and “Us” in Media Discourse. Oxford, 2010.
- [14] Gallup:2016. Americans’ trust in mass media sinks to new low politics. <http://www.gallup.com/poll/195542/americans-trust-mass-media-sinks-new-low.aspx>.
- [15] *Gronke P., Cook T.E.* Disdaining the media: The American public’s changing attitudes toward the news // *Political Communication*. 2007. Vol. 24.
- [16] *Hardy J.* Western Media Systems. London, 2008.
- [17] *Howe N., Strauss W.* Millennials Rising: The Next Great Generation. Vintage Books, 2000.
- [18] *Inglehart R.* East European value systems in global perspective // *Democracy and Political Culture in Eastern Europe*. New York, 2006.
- [19] *Jackob N.G.E.* No alternatives? The relationship between perceived media dependency, use of alternative information sources and general trust in mass media // *International Journal of Communication*. 2010. Vol. 4.
- [20] *Lee T.* Why they don’t trust the media: An examination of factors predicting trust // *American Behavioral Scientist*. 2010. Vol. 54.
- [21] *Meyer T.* Media Democracy: How the Media Colonize Politics. Cambridge, 2002.
- [22] *Mierina I., Cers E.* Is communism to blame for political disenchantment in post-communist countries? Cohort analysis of adults’ political attitudes // *Europe-Asia Studies*. 2014. Vol. 66. No. 7.
- [23] *Norris P., Inglehart R.* Cosmopolitan Communications. Cultural Diversity in a Globalized World. Cambridge, 2009.
- [24] *Šuvaković U.V., Narbut N.P., Trotsuk I.V.* The youth of Russia and Serbia: social trust and key generational problems // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2016. Т. 16. № 4.
- [25] *Trotsuk I.* “To trust or not to trust” is not the question; “How to study trust” is much more challenging task // *Russian Sociological Review*. 2016. Vol. 15. No. 4.
- [26] *Trotsuk I.V., Ivlev E.A.* Few words on the high level of social distrust among the Russian youth: Civil servants’ social image // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2016. Т. 16. № 2.
- [27] Trust in Media-2016. www3.ebu.ch/publications.
- [28] *Tsfati Y., Cappella J.N.* Do people watch what they do not trust? Exploring the association between news media skepticism and exposure // *Communication Research*. 2003. Vol. 30.
- [29] *Tsfati Y., Ariely G.* Individual and contextual correlates of trust in media across 44 countries // *Communication Research*. 2014. Vol. 41. No. 6.
- [30] *Ward P., Miller E., Pearce A., Meyer S.* Predictors and extent of institutional trust in government, banks, the media and religious organisations: Evidence from cross-sectional surveys in six Asia-Pacific countries // *PLoS ONE*. 2016. Vol. 11. No. 10.

Media, institutions, and the Russians' trust*

M.M. Nazarov^{1,2}, V.N. Ivanov¹, E.A. Kublitskaya¹

¹Institute for Social and Political Studies of the Russian Academy of Sciences
Fotieva St., 6–1, Moscow, Russia, 119333

²National Research University Higher School of Economics
Myasnitskaya St., 9/11, Moscow, Russia, 101000
(e-mail: vy175867@yandex.ru; vilen_ivanov@bk.ru;
eakubl@yandex.ru)

Abstract. Media is one of the most important social institutions that mediates the attitude of citizens to other institutions of society. Thus, one of the key features of the contemporary society is the trust of citizens in basic social institutions. The article considers the issue of public trust in the Russian media and focuses on the question to what extent the trust of Russian citizens in the mass media depends on the trust in other state and public institutions. The authors' conclusions are based on the comparative empirical studies in the metropolitan region conducted in 2016—2018. The data show that people do not really trust in media: about a half of respondents do not trust this institution. This is a common trend for the post-Soviet period in general. The authors used binary logistic regression, and found out that distrust in media is significantly correlated with distrust in other institutions such as the president, State Duma, law enforcement agencies, political parties, church, banks and businesses. Moreover, according to the statistical model, the lack of trust in media is determined by social-economic problems, general dissatisfaction with political system, and negative attitudes to media content and its role in the society. When studying trust in media one should take into account the ongoing transformations of media landscape: today the most trusted media are Internet and television (practically the same level of trust). There is also a clear age differentiation: trust in media generally grows with age, although the situation is opposite considering trust in the Internet. The development of media technologies and online services and networks makes it increasingly difficult to assess the level of public trust in media and other institutions.

Key words: trust; political institutions; media; factors of trust; postmodern media culture; mass communication; television; Internet

References

- [1] Andreenkova A.V. Politicheskoe povedenie rossiyan [The Russians' political behavior]. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya* 2010; 4 (In Russ.).
- [2] Volchenko O.V. Doverie kak produkt вовлеченности v informatsionnye potoki [Trust as a product of involvement into information flows]. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya* 2014; 4 (In Russ.).
- [3] Kertman G.L. Socium i vlast. Interes k politike po-rossijski: motivy yavnye i skrytye [Society and power. Interest in politics in the Russian style: Explicit and implicit motives]. *Politicheskie Issledovaniya* 2005; 2 (In Russ.).
- [4] Levashov V.K. Trevogi obshchestva i doverie k gosudarstvennym institutam [Public concerns and trust in state institutions]. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya* 2005; 4 (In Russ.).
- [5] Lokosov V.V., Shults V.L. *Osnovaniya konsolidatsii sovremennogo rossijskogo obshchestva. Sociologicheskie aspekty* [Grounds for the Contemporary Russian Society Consolidation. Sociological Aspects]. Moscow; 2008 (In Russ.).
- [6] Mironova A.A. Doverie, socialny kapital i sub'ektivnoe blagopoluchie individa [Trust, social capital, and subjective individual well-being]. *Obshchestvennye Nauki i Sovremennost.* 2014; 3 (In Russ.).

* © Назаров М.М., Иванов В.Н., Кублицкая Е.А., 2019.
Статья поступила в редакцию 4.12.2018 г.

- [7] Nazarov M.M., Ivanov V.N., Kublitskaya E.A. Politicheskie tsennosti rossijskogo obshchestva (rezultaty sravnitel'nogo proekta) [Political values of the Russian society (results of the comparative research)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 3 (In Russ.).
- [8] Nazarov M.M. Tsifrovoye pokolenie 'dvyhtsyachnyh': osobennosti mediapotrebleniya [The digital generation of 'Millennials': Peculiarities of media consumption]. *Informatsionnoe Obshchestvo*. 2016; 3 (In Russ.).
- [9] Popov V., Tavokin E. Doverie k SMI v obshchestvennom soznanii grazhdan Rossii [Trust in media in the civil consciousness of Russia]. *Gosudarstvennaya Sluzhba*. 2002; 4 (In Russ.).
- [10] Chuprov V.I., Mikheeva V.V. Doverie v obshchestve kak faktor preodoleniya krizisa [Trust in society as a factor of overcoming the crisis]. *Sotsialno-gumanitarnye Znaniya*. 2015; 4 (In Russ.).
- [11] Sztompka P. *Doverie — osnova obshchestva* [Trust as the Foundation of Society]. Moscow; 2012 (In Russ.).
- [12] Ariely G. Does commercialized political coverage undermine political trust?: Evidence across European countries. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*. 2015; 59 (3).
- [13] Coleman S., Ross K. *The Media and the Public. "Them" and "Us" in Media Discourse*. Oxford; 2010.
- [14] Gallup:2016. Americans' trust in mass media sinks to new low politics. <http://www.gallup.com/poll/195542/americans-trust-mass-media-sinks-new-low.aspx>.
- [15] Gronke P., Cook T.E. Disdaining the media: The American public's changing attitudes toward the news. *Political Communication*. 2007; 24.
- [16] Hardy J. *Western Media Systems*. London, 2008.
- [17] Howe N., Strauss W. *Millennials Rising: The Next Great Generation*. Vintage Books; 2000.
- [18] Inglehart R. East European value systems in global perspective. *Democracy and Political Culture in Eastern Europe*. New York, 2006.
- [19] Jakob N.G.E. No alternatives? The relationship between perceived media dependency, use of alternative information sources and general trust in mass media. *International Journal of Communication*. 2010; 4.
- [20] Lee T. Why they don't trust the media: An examination of factors predicting trust. *American Behavioral Scientist*. 2010; 54.
- [21] Meyer T. *Media Democracy: How the Media Colonize Politics*. Cambridge, 2002.
- [22] Mierina I., Cers E. Is communism to blame for political disenchantment in post-communist countries? Cohort analysis of adults' political attitudes. *Europe-Asia Studies*. 2014; 66 (7).
- [23] Norris P., Inglehart R. *Cosmopolitan Communications. Cultural Diversity in a Globalized World*. Cambridge, 2009.
- [24] Šuvaković U.V., Narbut N.P., Trotsuk I.V. The youth of Russia and Serbia: social trust and key generational problems. *RUDN Journal of Sociology*. 2016; 16 (4).
- [25] Trotsuk I. "To trust or not to trust" is not the question; "How to study trust" is much more challenging task. *Russian Sociological Review*. 2016; 15 (4).
- [26] Trotsuk I.V., Ivlev E.A. Few words on the high level of social distrust among the Russian youth: Civil servants' social image. *RUDN Journal of Sociology*. 2016; 16 (2).
- [27] Trust in Media-2016. www3.ebu.ch/publications.
- [28] Tsfati Y., Cappella J.N. Do people watch what they do not trust? Exploring the association between news media skepticism and exposure. *Communication Research*. 2003; 30.
- [29] Tsfati Y., Ariely G. Individual and contextual correlates of trust in media across 44 countries. *Communication Research*. 2014; 41 (6).
- [30] Ward P., Miller E., Pearce A., Meyer S. Predictors and extent of institutional trust in government, banks, the media and religious organisations: Evidence from cross-sectional surveys in six Asia-Pacific countries. *PLoS ONE*. 2016; 11 (10).

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-2-289-301

Парадоксы модернизации высшего образования: итоги 20-летнего мониторинга в Свердловской области*

Ю. Р. Вишневский, Д. Ю. Нархов

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
ул. Мира, 19, Екатеринбург, Россия, 620002
(e-mail: soc_stu@el.ru; d_narkhov@mail.ru)

В статье по материалам регионального мониторинга студенчества (1995—2016) рассматриваются процессы модернизации российской высшей школы. Методологической основой исследования выступил многомерный подход (системный, институциональный, ресурсный и др.) и понимание модернизации высшего профессионального образования как составной части модернизации общественно-экономической системы России. Дается определение модернизации как непрерывного процесса трансформационных изменений, ориентированного на повышение качества и конкурентоспособности подсистем высшего образования. Цель статьи — выяснить, как модернизация влияет на ресурсный потенциал студенческой общности, определить, в какой мере студенты ощущают ее последствия и способны использовать возникающие в ее ходе возможности. Проблема, на которой сфокусировано внимание авторов, — модернизация — осуществляется для студентов, со студентами или без студентов: как меняется качество обучения и удовлетворенность студентов качеством образования и профессиональной подготовки. В статье показана парадоксальность результатов модернизации в плане достижения ее основной цели — качественной подготовки профессионалов, обеспечивающей потребности экономики страны в кадрах, а также усиление образовательного неравенства, основанного на территориальной и отраслевой неравномерности российской высшей школы, ее материально-технического и финансового обеспечения. Качество высшего образования рассматривается как способ социальной саморегуляции. Индикатором выступает удовлетворенность студентов разными аспектами учебного процесса, значимыми для освоения профессиональных знаний. Приводятся оценки студентами доступности высшего образования в Свердловской области по таким базовым индикаторам модернизации, как академическая мобильность, информатизация, взаимосвязь образования, науки и производства. По результатам анализа данных мониторинга делается вывод о невысокой степени влияния модернизационных изменений на степень удовлетворенности студентов качеством образования и профессиональной подготовки.

Ключевые слова: Свердловская область; студенческая молодежь; качество образования; модернизация; региональный мониторинг

Более 20 лет реализуется мониторинг социокультурного развития студенчества в Свердловской области (1995—2016). За это время было проведено семь этапов, их результаты были опубликованы в виде монографий [15] и на страницах журнала «Социологические исследования» [2—5]. Мониторинг проходил на фоне глобальных трансформаций российской высшей школы: становления нового (пост-

* © Вишневский Ю.Р., Нархов Д.Ю., 2019.
Статья поступила в редакцию 13.01.2019 г.

советского рыночного) типа высшего образования и последовавшего в начале 2000-х годов периода его затяжной модернизации [7; 8]. Теоретические основания исследования модернизации постоянно изучались российскими социологами, в том числе в работе одного из авторов [12], посвященной функционированию профессиональной общности преподавателей высшей школы. Анализ места высшего образования в модернизации российского общества позволил выйти на понимание модернизации высшего образования как множественного и непрерывного процесса трансформационных изменений образовательной системы в единстве и взаимодействии структурного, институционального и содержательного направлений, ориентированного на повышение качества и конкурентоспособности всех ее подсистем, включая образовательные общности.

В обеспечении процессов модернизации особая роль принадлежит профессиональной общности преподавателей вузов. Она заключается в ресурсном обеспечении единства выделенных направлений и тем самым в сохранении и гармоничном развитии единого образовательного пространства высшего образования. Основываясь на ресурсном подходе, авторы считают, что «собственно образовательный процесс предполагает только использование ресурсного потенциала данной общности и прямо не нацелен на его развитие. Скорее, такое развитие будет представлять некоторый «побочный эффект» профессиональной деятельности. Модернизация высшего профессионального образования, наоборот, направлена на повышение потенциала общности до уровня, способного обеспечить конкурентоспособность в обществе знаний как на уровне системы образования, так и на уровне общества в целом» [15. С. 121]. В статье рассматривается другой аспект модернизации — как она влияет на ресурсный потенциал студенческой общности: в какой мере студенты ощущают ее последствия и способны использовать возникающие в ее ходе возможности, как они участвуют в модернизации, какова роль студенчества — актора или объекта модернизации, заметили ли студенты ее результаты, изменились ли их профессиональные установки и качество обучения и т.д.

Модернизация высшего образования определяется его ролью в создании инновационной цифровой экономики в России, обладающей высокой конкурентоспособностью в условиях глобализации и развития общества знаний. Реализация проекта модернизации образования, начатая в 2002 году, вскрыла сложность и даже парадоксальность этого процесса, заложенную уже в самом ориентире на создание условий для подготовки сегодня специалистов завтрашнего дня (как учить «профессионалов» эпохи транспрофессионализма [19; 20]). Цифровизация профессиональной деятельности ведет к значительным и постоянным изменениям критериев качества образования, и вместе с тем возникают феномены типа прекариата [17] и «новых бедных» как обратная сторона восходящей транспрофессиональной мобильности, для которой качество образования (и как результат, и как процесс) выступает решающим фактором.

Модернизация была (и остается) нацелена на разрешение основного противоречия высшего образования — рассогласования между повышением общественного спроса на качественное высшее образование и возможностью полностью

обеспечить рост качества образовательных услуг вузов со стороны государства в силу ограниченности, а зачастую и нерационального использования имеющихся в его распоряжении ресурсов — финансово-экономических, человеческих и культурных. Попытки рыночными способами разрешить это противоречие привели к его обострению вследствие роста числа вузов всех форм собственности, что было названо «всеобщей университетизацией страны», приведшей к интенсификации преподавательского труда без гарантий качества образования. Исследователи отмечают и негативные последствия массовизации высшего образования («искусственного расширения предложения „квалифицированных“ кадров») — «разрушение механизма здоровой конкуренции», «обескровливание реального сектора», «завышение представлений молодежи о будущих условиях ее жизни» [9].

Для России особенно важным было преодоление противоречия между неоднородностью структуры высшего образования и едиными модернизационными требованиями ко всем образовательным учреждениям, обусловленными необходимостью технологического прорыва. Такая неоднородность проявлялась и в специфической структуре образовательного пространства высшей школы — образовательной вертикали, направленной от центра к периферии, крайне неравной в территориально-региональном и отраслевом плане; и в разных стартовых позициях и ресурсных возможностях вузов, особенно возникших в середине — конце 1990-х годов в негосударственном секторе. Закрепленная в Законе об образовании 2012 года структура зафиксировала существующие территориальные различия и состояние образовательного неравенства, предоставив уже сложившимся образовательным центрам (главным образом столичным и отчасти центрам крупных индустриальных регионов) финансовые, экономические и статусные преимущества. Парадоксальность состояла в том, что стремление выйти на мировой уровень (например, программа «5-100») усилило это противоречие.

Рыночный этап развития высшего образования обострил несоответствие между спросом на высококвалифицированные кадры со стороны конкретных отраслей экономики и предложением специалистов «непрофильных», но престижных профессий. В результате отраслевые вузы и университеты, отзываясь на спрос в отношении престижных специальностей, сместили приоритеты подготовки специалистов в сторону тех, что позволяют вузам получать внебюджетные средства через контрактную систему. Коммерциализация перевела в новую плоскость представления о ценности диплома и профессионального знания, породив серьезные перекосы в сторону массовой подготовки по престижным профессиям. В итоге вузы от выполнения социального заказа на профессионалов для конкретных секторов производства ушли к пониманию образования как коммерческой услуги. Переход к уровневой подготовке, расширив возможности студентов в профессиональном выборе, не снизил данной напряженности и негативно отразился на качестве профессиональной подготовки, в том числе магистрантов.

Парадоксальность модернизации проявилась и в неоднозначности ее результатов — в официальных рапортах об успешной оптимизации вузов и одновременно в постоянной и заслуженной критике методов реформирования высшего образования, его этапности, когда «к концу каждого периода в оценке его резуль-

татов управленческими структурами, образовательным и научным сообществами, общественным мнением оказывается меньше успехов и достижений, чем нерешенных задач, проблемных зон, дисбаланса, рисков, особенно с точки зрения качественных изменений» [14. С. 425]. Модернизация высшего образования повторила черты модернизации общества — стала не только традиционно «догоняющей», но и «текучей» (З. Бауман) и постоянной [1].

Тем актуальнее становится поиск механизмов, оптимизирующих последствия модернизации высшего профессионального образования (с точки зрения формирования профессионализма) для всех образовательных общностей, в первую очередь для самих студентов. Методологическим основанием нашего мониторинга стали теории, сформулированные в рамках социологии образования и социологии молодежи, основным методом — квотно-гнездовой анкетный опрос, который проводился в семь этапов с 1995 по 2016 годы. Основания для квотирования: численность студентов третьего курса (к этому времени закончен период адаптации, сформированы профессиональные интересы); расположение вуза (участвовали студенты большинства государственных и ряда частных вузов Свердловской области, среди них — Уральский государственный технический университет, Уральский государственный университет имени А.М. Горького (ныне объединившиеся в Уральский федеральный университет); Уральский государственный медицинский университет; Уральский государственный архитектурно-художественный университет, Уральский государственный горный университет, Гуманитарный университет и др., всего 16 вузов); направление подготовки (социально-экономическое, гуманитарное, естественнонаучное и техническое). Общий объем выборки составил 9133 студента. В качестве индикаторов использовались базовые показатели программ модернизации вузов России [10; 13].

Реализация основной цели модернизации — достижение необходимого уровня качества образования — процесс многоаспектный и многофакторный [16]. Важно не только сформировать комплекс социально-значимых свойств высшего образования, но и обеспечить сбалансированное соответствие образования потребностям общества и личности. Качество высшего образования — способ социальной регуляции, механизм упорядочивания деятельности всех структур высшего образования.

Поскольку интересы групп, включенных в образовательный процесс, часто не совпадают, а порой противоречат друг другу, крайне важно их согласование. Так, качество начинает оцениваться будущими студентами уже на этапе выбора вуза и профессии, являясь основной характеристикой доступности высшего образования. Доступность — это возможность выбора, поступления и обучения в вузе для разных индивидов и групп. Социологически значимой (и измеримой) становится степень этой доступности. Особенно важно соотношение доступности с ее организационными, территориальными, финансово-экономическими и академическими предпосылками. Специфика нашего исследования — акцент на доступность качественного высшего образования [6; 18], с одной стороны, и самооценке этой доступности студентом. В 2016 году респонденты оценили доступность качественного высшего образования в Свердловской области в основном положительно (рис. 1).

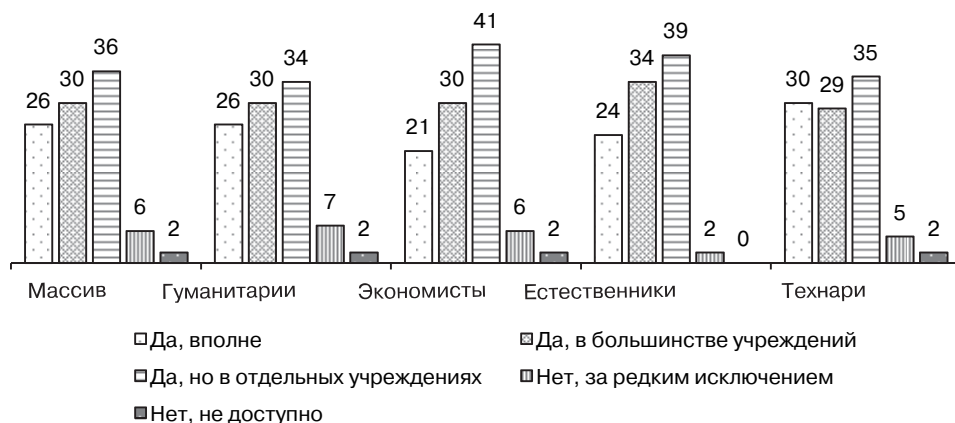

Рис. 1. Оценки доступности высшего образования по направлениям, %

Рис. 2. Динамика показателей удовлетворенности студентов вузом и профессией, %

Даже с учетом того, что респонденты два-три года назад на себе ощутили реальную доступность образования, их ответы весьма показательны. С одной стороны, преобладает мнение: в нашем регионе качественное высшее образование доступно (особенно в этом уверены «естественники»), и эти оценки совпадают с общефедеральными. Свердловская область среди российских регионов по числу доступных мест находится на 22 позиции, по территориальной доступности вузов — на 17—19, по финансовой доступности — на 24, а по числу качественных («высокоселективных») мест — на 3, уступая только Санкт-Петербургу (1 позиция), Томску (2) и обогнав Москву (4) [6. С. 13]. С другой стороны, распространено и мнение о значительных различиях качества образования между вузами (чаще такое мнение высказывают «экономисты»).

Второй выявленный парадокс в отношении качества образования — несоответствие распространенного мнения о постоянном снижении качества образования, а в преподавательской среде — о снижении качества абитуриентов и впоследствии качества студентов («все хуже и хуже учатся») и преобладающей среди студентов удовлетворенности выбором вуза и профессии (рис. 2).

В целом данные говорят больше о стабильности, чем о негативной динамике. Заметно, что вузом удовлетворены чуть больше, чем профессией, что, очевидно,

связано с определенным различием этих форм удовлетворенности. Удовлетворенность вузом — оценки его престижности в молодежной среде и социально-психологического климата в организации — оказалась практически неизменной. Удовлетворенность профессией — косвенный показатель ее востребованности на рынке труда — связана с представлениями молодежи о возможности сделать успешную карьеру. Статистически заметный, хотя пока незначительный рост числа неудовлетворенных профессией на последних двух этапах мониторинга может свидетельствовать о постепенном повышении запроса на качественное образование.

В 2016 году мы попытались развести два аспекта удовлетворенности — качество образования и качество профессиональной подготовки. Оказалось, что для студентов эти аспекты фактически тождественны, но удовлетворенность качеством образования немного опережает качество профессиональной подготовки (ответов «да, полностью» — 24% и 18%, «скорее да, чем нет» — по 60%). Только среди респондентов естественнонаучного направления удовлетворенность профессиональной подготовкой оказалась несколько выше, чем качеством получаемого образования в целом. Конкретизацией общих оценок стали мнения респондентов о проявлениях институциональных и содержательных изменений и связанных с ними аспектах учебного процесса (табл. 1). Конечно, следует учитывать некоторую ограниченность видения студентами учебного процесса и тем более — целей, способов и результатов реформирования системы образования. Но признавать ограниченность не означает пренебрегать оценками студентов и игнорировать роль образования как социального взаимодействия образовательных общностей.

Таблица 1

Степень удовлетворенности студентов аспектами учебного процесса, % ответов «да»

Значение	2012	2016
Удовлетворенность качеством и содержанием учебного процесса		
Преобладание традиционных форм обучения	82	87
Качество преподавания	80	81
Связь получаемых знаний с жизнью, реальной работой по профессии	67	64
Преобладание инновационных форм обучения	67	59
Привлечение к проведению занятий специалистов предприятий, бизнес-структур, органов власти	42	46
Удовлетворенность организацией учебного процесса		
Предлагаемые для разработки темы выпускных квалификационных работ	—	74
Организация учебных и производственных практик	63	59
Удовлетворенность отношениями с другими участниками учебного процесса		
Отношение преподавателей к студентам	75	79
Привлечение студентов к НИР кафедр	60	65
Индивидуальная работа преподавателей со студентами	56	61
Удовлетворенность обеспечением учебного процесса		
Обеспеченность учебниками, учебно-методической литературой	74	74
Техническая база, оснащенность лабораторий, аудиторий	59	65
Удовлетворенность информатизацией учебного процесса		
Возможность пользоваться в вузе Интернетом, информационными средствами	65	70
Широкое использование современных информационных технологий	61	65
Применение дистантных технологий образования	—	47

Ответы респондентов об их удовлетворенности учебной работой выводят на еще один, нередко игнорируемый «модернизаторами» парадокс — для студентов важнее всего оказалась традиционность образовательного процесса. И это в условиях, когда цель модернизации — развитие инновационных форм обучения, прежде всего дистантного (не воспринимаемого большей частью респондентов). Более того, заметен спад удовлетворенности такими инновациями, а это явно не тот результат, на который рассчитывали авторы реформ. Что за этим парадоксом — неготовность студентов к инновационным формам, неготовность преподавателей работать в электронной образовательной среде или несовершенство предлагаемых платформ? Скорее всего — необходимость постоянного противостояния возрастающим потокам информации, к тому же требующим постоянной переработки, тем более что цифровая среда способствовала снижению напряженности в обеспечении учебно-методической литературой и учебниками, которая устойчиво удовлетворяет трех из четырех респондентов.

Весьма показательным является мнение респондентов о предлагаемых для разработки темах выпускных квалификационных работ (дипломов, диссертаций). В силу их высокого влияния на удовлетворенность качеством образования нужно переходить к практике раннего выбора тем ВКР, тогда как существующая система заставляет студента сделать такой выбор лишь на последнем курсе. Обращает на себя внимание невысокая (хотя и постепенно увеличивающаяся) степень удовлетворенности студентов привлечением к проведению занятий специалистов предприятий, бизнес-структур и органов власти. Эта форма должна была, но не создает реальной связи между системами образования и производства — более половины респондентов ее не почувствовали.

Обработка данных позволила проследить связь между разными аспектами учебного процесса и уровнем удовлетворенности качеством образования и профессиональной подготовки. Для этого были построены корреляционные модели, где в качестве зависимых переменных рассматривалась удовлетворенность этими показателями, в качестве влияющих — наиболее значимые аспекты учебного процесса и степень доступности высшего образования в регионе (табл. 2). В результате обнаружился еще один парадокс: доступность качественного высшего образования в регионе является влияющим фактором для уровня удовлетворенности и образованием (EC30), и профессией (EC27) (коэффициенты: EC — Эта, Gm — Гамма, Crv — Крамера, Phi — Фи [0 ... 1]*100, не учтены слабые и не значимые связи, $K < 0,2$). Но при значительном совпадении оценок удовлетворенности качеством образования или профессиональной подготовки факторы, влияющие на эти оценки, оказались по ряду параметров и силе связей различными.

Так, удовлетворенность качеством образования более всего зависит от качества преподавания (Gm75), в меньшей — от связи знаний с жизнью, реальной работой по профессии (Crv33), организацией учебных и производственных практик (Crv30) и своевременным выбором тем ВКР (Crv28).

Таблица 2

**«Сейчас происходит реформа системы высшего образования.
Какие изменения вы можете отметить?» (% отметивших те или иные изменения)**

Значение	2012	2016
Внедряется межвузовский обмен студентов в рамках учебных программ и практик	53	63
Внедряется межвузовский обмен студентов в рамках научных программ, грантов, конференций		61
Расширились возможности в области научной деятельности	52	62
Появилась возможность пользоваться быстрым Интернетом, Wi-Fi в вузе	—	61
Внедряются и реализуются программы обучения за рубежом	49	59
Возросла оснащённость лабораторий, аудиторий новой техникой	51	55
Реализуются программы, курсы на иностранном языке	47	55
Внедряется «европейское приложение» к диплому, программы «двойных дипломов»	47	46
Появились возможности внедрять свои научные разработки в производство через инновационные площадки вуза	41	45
Появилась возможность работать в малых предприятиях при вузе	41	41
Для проведения занятий привлекаются иностранные специалисты	32	36

Удовлетворенность качеством профессиональной подготовки оказалась связана с качеством образования в меньшей степени (Стv38), в то время как связь с организацией учебных и производственных практик (Стv35) и своевременным выбором тем ВКР (Стv30) — значительнее. Самое сильное влияние оказывает фактор связи знаний с реальной работой по профессии (Гm69). Когда речь идет об учебном процессе, для студентов важно, как преподаватель работает, какие методические приемы и технологии использует. С точки зрения профессиональной подготовки на первый план выходит содержание учебного процесса, что делает (буквально дает) преподаватель и насколько формирует представления студента о будущей профессии.

Ответы респондентов позволяют говорить об определенном ускорении изменений практически по всем направлениям, но проявилась и ограниченность мониторинга, связанная с устойчивостью его инструментария: вопрос был нацелен на информированность респондентов и не раскрывал степень их участия в модернизации.

Заметный признак модернизации образования для студента — цифровизация, в первую очередь, возможность пользоваться широкополосным Интернетом: речь идет не об Интернете как таковом, а о его производительности и удобстве подключения. Заметно, что быстрее этот процесс по-прежнему идет в естественно-научных и технических направлениях. Парадоксальность интернетизации вузовской среды проявляет себя в конкуренции с мобильным Интернетом. Его значимость в учебно-научных целях противоречива: борьба преподавателей с мобильным Интернетом на занятиях и на экзаменах стала такой же привычной, как раньше — борьба с подсказками и шпаргалками.

Ряд наиболее заметных для студентов изменений связан с созданием условий для их академической мобильности. Необходимым ее условием является знание иностранного языка. Он всегда входил в учебную программу, однако задача сегодняшнего дня — расширение сфер его применения в вузе. Почти половина студентов в 2012 году отметили, что в их вузе реализуются программы и курсы

на иностранном языке. В 2016 году их число выросло, но этот процесс в вузах протекал неравномерно: к VII этапу мониторинга оценки студентов, обучающихся по разным направлениям подготовки, выровнялись, однако тенденция отставания гуманитариев сохранилась.

Внедрение и реализация программ обучения за рубежом оказалось одним из наиболее заметных модернизационных изменений. В 2016 году отмечен значительный рост практически по всем вузам — их выделили каждые трое из пяти студентов, которые о таких программах осведомлены, но их реальное участие в таких программах пока еще ограничено (в частности, по программам типа Erasmus, предполагающей стипендию в 700—800 евро в месяц), хотя, например, в УрФУ есть партнерские отношения более чем со ста вузами мира, где плата за обучение со студента не взимается, а также действуют программы со стипендиальными конкурсами (North 2 North, Mevlana и др.) [11].

Два показателя, оказывающих серьезное влияние на место вузов в мировых рейтингах и на федеральное финансирование по программам повышения конкурентоспособности — привлечение иностранных специалистов и программы «двойных дипломов» — оказались наименее заметными для студентов, и по ним нет положительной динамики, несмотря на значительные усилия со стороны администраций вузов. Межвузовский обмен — традиционная форма сотрудничества, хорошо развивавшаяся на протяжении значительного времени на уровне конференций и олимпиад — был отмечен более половиной студентов. Данные говорят о росте и научных, и образовательных контактов, однако по вузам этот процесс оказался крайне неравномерным: диапазон осведомленности колеблется от трех из четырех респондентов до одного из четырех.

Еще одна задача модернизации высшего образования — преодоление материально-технической отсталости, оснащение учебных лабораторий и аудиторий новой техникой, обеспечение возможности пользоваться в вузах Интернетом. С новой техникой по оценке респондентов дела обстоят не лучшим образом: увидела улучшение только половина третьекурсников. Вполне закономерно, что в первую очередь оно коснулось студентов технических специальностей (55%), в меньшей — гуманитариев (43%). В негосударственных вузах, представленных в выборке, дела обстоят не хуже, чем в государственных, но финансово емкое и технически сложнейшее оборудование наиболее необходимо для подготовки специалистов по техническим и естественнонаучным профилям, которые в основном представлены в государственных вузах.

В ходе опроса исследовался такой важный аспект модернизации, как связь образования, науки и работодателей — инновационные площадки и малые предприятия при вузах, через которые участники образовательного процесса могли бы апробировать и внедрять свои бизнес-идеи и научные разработки, одновременно решая свои материальные проблемы. Пока эти формы взаимодействия вузов и реального сектора экономики испытывают трудности. Даже о возможности участвовать в такой работе не осведомлены 60% студентов, а у тех, кто работает (в 2016 году имели постоянную работу 13%, 29% работали время от времени), характер работы редко связан с будущей профессией. Очевидно, что развитие указанных площадок и предприятий представляет огромный нереализованный

потенциал, с помощью которого можно решать разные задачи — от материальной поддержки участников образовательного процесса до повышением мотивации к учебе и науке через удовлетворенность идеями и разработками.

Другой аспект анализа — выявление корреляций между индикаторами модернизации и уровнем удовлетворенности образованием и профессиональной подготовкой. Во-первых, для студентов индикаторы модернизации представляются чем-то целостным, системным, связи между ними весьма тесные. Наиболее существенные: между возможностью получения двойного диплома и доступностью программ обучения за рубежом (Gm75), возможностью участвовать в межвузовском обмене в рамках учебных программ и практик (Gm72); расширением возможностей научной работы и внедрения своих разработок через инновационные площадки вузов (Gm71); повышением качества образования и расширением возможностей в научной деятельности (Gm77). Но, и в этом суть парадокса, все вместе они слабо влияют на конечный результат — степень удовлетворенности качеством образования (EC30). Во-вторых, очевидна парадоксальность индикатора «повысилось качество образования» в структуре связей модели: ожидаемая одна-направленная его связь со степенью удовлетворенности качеством образования оказалась не такой уж тесной — Стv32.

Одновременно оценки респондентов показали, что на целевой индикатор модернизации — повышение качества образования — слабо влияют ее остальные признаки. Единственное исключение — видимая корреляция с научной академической мобильностью (EC30). Кроме того, этот индикатор оказывает заметное влияние лишь на расширение возможностей в области научной деятельности (Gm77) и, как следствие, на возможности внедрять научные разработки через инновационные площадки вуза (Phi32) и в малые предприятия (Phi29).

Отметим и практически отсутствующую связь между отмечаемой студентами возросшей оснащенностью новой техникой лабораторий и аудиторий и повышением качества образования. Каковы причины: недостаточное привлечение студентов к работе на этом оборудовании? Использование его преимущественно в научных исследованиях научно-педагогических работников? По крайней мере, анализ позволяет выделить эту проблему для дальнейшего изучения: решение одних проблем (отсутствия, устарелости научного оборудования) в вузах порождает новые, и активное участие студентов в их эффективном использовании — одна из них.

Парадоксальность российского варианта модернизации высшего образования состоит в том, что она внешне нацелена на развитие, улучшение системы, повышение качества знаний, формируемых компетенций, научных результатов и т.д., что в сумме составляет «качество высшего образования», но фактически мероприятия модернизации ориентированы на оптимизацию негативных последствий проведенных в ее ходе реформ (таких, как «оптимизация» числа вузов в соответствии с «эффективностью» обучения вместо создания благоприятных условий для развития высшего образования «на местах»; бездумное внедрение дистантных и «ускоренных» форм обучения; распространение прикладного бакалавриата вместо совершенствования системы среднего профессионального образования

и др.). В этом одна из причин противоречивого развития образовательных общностей: с одной стороны, фиксируется снижение числа вузов и научно-педагогических работников, с другой — остаются на высоком уровне доступность и удовлетворенность образованием и профессией; растут отдельные показатели модернизации, но не растет удовлетворенность качеством образования и профессиональной подготовки студентов, а это центральные проблемы для студенческой молодежи, поскольку они определяют дальнейший вектор и успешность ее социализации, темпы и объемы формирования ее ресурсного потенциала.

Ресурсный подход, утвердившийся в социологии молодежи, пока не очень заметен в социологии образования при анализе проблем студенчества. Обращение к нему позволяет утверждать, что модернизация высшего образования остается «вещью в себе» — как бы для студентов, но на самом деле без них, что противоречит пониманию молодежи, в том числе студенческой, как важнейшего ресурса социального развития. К тому же российская модернизация высшего образования осуществляется преимущественно «сверху», даже преподавательская общность (и тем более — студенчество) рассматривается не как ее актор, а как исполнитель уже принятых управленческих решений, организационно-структурных изменений и содержательных инноваций.

Библиографический список

- [1] 12 решений для нового образования: экспертный доклад / рук. Я.И. Кузьминов, И.Д. Фрумин. М., 2018.
- [2] Банникова Л.Н., Боронина Л.Н., Вишневский Ю.Р. Новые явления в ценностных ориентациях уральского студенчества // Социологические исследования. 2013. № 2.
- [3] Вишневский Ю.Р., Рубина Л.Я. Социальный облик студенчества 90-х годов // Социологические исследования. 1997. № 10.
- [4] Вишневский Ю.Р., Шатко В.Т. Студент 90-х — социокультурная динамика // Социологические исследования. 2000. № 2.
- [5] Вишневский Ю.Р., Шатко В.Т., Трынов Д.В. Гражданская культура студентов. Тенденции и проблемы формирования // Социологические исследования. 2009. № 4.
- [6] Громов А.Д., Платонова Д.П., Семенов Д.С., Пырова Т.Л. Доступность высшего образования в регионах России. М., 2016.
- [7] Давыдов А.А. Модернизация России, полезный опыт Китая и теория сложных систем // http://socioline.ru/files/6/183/modernizaciya_rossii_poleznuu_opyt_kitaya.doc.
- [8] Заславская Т.И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации. М., 2004.
- [9] Иноземцев В.Л. Хорошее образование в России — миф // Ведомости от 3.10.2011.
- [10] Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года (Приложение к приказу Минобрнауки России от 11.02.2002 № 393).
- [11] Международный студенческий обмен // <https://urfu.ru/ru/international/mobility>.
- [12] Нархов Д.Ю. Преподаватели высшей школы как ресурс модернизации высшего профессионального образования: Автореферат дисс. К.с.н. Екатеринбург, 2015.
- [13] Об образовании в Российской Федерации. ФЗ РФ № 273 от 29.12.2012 г.
- [14] Рубина Л.Я. Российская магистратура: реальность, перспективы, риски // Социокультурное развитие большого Урала: тренды, проблемы, перспективы / Под общ. ред. Ю.Р. Вишневского. Екатеринбург, 2015.
- [15] Студент 1995—2016 гг.: динамика социокультурного развития студенчества Среднего Урала / под общ. ред. Ю.Р. Вишневского. Екатеринбург, 2017.
- [16] Томильцев А.В. Управление качеством образования. Екатеринбург, 2010.

- [17] *Тоценко Ж.Т.* Прекариат — новое явление на рынке труда // Ядовские чтения: перспективы социологии / под ред. О.Б. Божкова, С.С. Ярошенко, В.Ю. Бочарова. СПб., 2016.
- [18] *Фурсова В.В., Ха Ван Хоанг.* Доступность высшего образования. Казань, 2012.
- [19] *Perkin G.* The Third Revolution: Professional Elites in the Modern World. L., 1996.
- [20] *Perkin G.* The Third Revolution: Professional Society in International Perspective. L., 1996.

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-2-289-301

Paradoxes of the higher education modernization: Results of the 20-year monitoring in the Sverdlovsk Region*

Yu.R. Vishnevsky, D.Yu. Narkhov

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin
Mira St., 19, Ekaterinburg, Russia, 620002
(e-mai: soc_stu@e1.ru; d_narkhov@mail.ru)

Abstract. The article considers modernization of the Russian higher education based on the data of the regional monitoring (1995—2016). The methodology of the research consists of the multidimensional approach (combination of systemic, institutional, resource and other approaches) and interpretations of modernization of the higher education as an integral part of modernization of the social-economic system of Russia. Modernization of the higher education is defined as a continuous process of transformational changes focused on improving the quality and competitiveness of all subsystems of the higher education. The article aims at explaining how modernization affects the resource potential of students, at showing to what extent students see its results and can use the opportunities provided by it. The authors focus on the question whether modernization is implemented for students, with or without students: how the quality of education changes due to modernization, how it affects the students' satisfaction with the quality of education and professional training. The article reveals the paradoxes of modernization in terms of achieving its main goal — training of highly qualified professionals satisfying the needs of the economy in personnel; and points to the strengthening of material, technical and financial educational inequality of Russian regions and sectors of economy. The quality of the higher education is considered a way of social self-regulation. Its indicators include students' satisfaction with different aspects of education important for the development of professional knowledge. The article presents the students' estimates of the accessibility of the higher education in the Sverdlovsk Region by such basic indicators of modernization as academic mobility, informatization, relationship of education, science and production. Based on the results of the monitoring the authors prove the low impact of modernization changes on the students' satisfaction with the quality of education and professional training.

Key words: Sverdlovsk Region; student youth; quality of education; modernization; regional monitoring

References

- [1] 12 resheniy dlya novogo obrazovaniya: ekspertny doklad [12 decisions for the new education: An expert report]. Ya.I. Kuzminov, I.D. Frumin. Moscow; 2018 (In Russ.).
- [2] Bannikova L.N., Boronina L.N., Vishnevsky Yu.R. Novye yavleniya v tsennostnyh orientatsiyah uralskogo studenchestva [New phenomena in value orientations of the Ural students]. *Sociologicheskie Issledovaniya*. 2013; 2 (In Russ.).

* © Vishnevsky Yu.R., Narkhov D.Yu., 2019.
The article was submitted on 13.01.2019.

- [3] Vishnevsky Yu.R., Rubina L.Ya. Socialny oblik studenchestva 90-h godov [Social features of students of the 1990s]. *Sociologicheskie Issledovaniya*. 1997; 10 (In Russ.).
- [4] Vishnevsky Yu.R., Shapko V.T. Student 90-h — sociokulturnaya dinamika [The student of the 1990s — social-cultural dynamics]. *Sociologicheskie Issledovaniya*. 2000; 2 (In Russ.).
- [5] Vishnevsky Yu.R., Shapko V.T., Trynov D.V. Grazhdanskaya kultura studentov. Tendentsii i problemy formirovaniya [Civil culture of students. Tendencies and challenges of development]. *Sociologicheskie Issledovaniya*. 2009; 4 (In Russ.).
- [6] Gromov A.D., Platonova D.P., Semenov D.S., Pyrova T.L. *Dostupnost vysshego obrazovaniya v regionah Rossii*. [Accessibility of the Higher Education in Regions of Russia]. Moscow; 2016 (In Russ.).
- [7] Davydov A.A. *Modernizatsiya Rossii, poleznyy opyt Kitaya i teoriya slozhnykh sistem* [Modernization of Russia, useful Chinese experience, and theory of complex systems]. http://socioline.ru/files/6/183/modernizatsiya_rossii_poleznyy_opyt_kitaya.doc (In Russ.).
- [8] Zaslavskaya T.I. *Sovremennoe rossijskoe obshchestvo: socialny mekhanizm transformatsii* [Contemporary Russian Society: Social Mechanism of Transformation]. Moscow; 2004 (In Russ.).
- [9] Inozemtsev V.L. Khoroshee obrazovanie v Rossii — mif [Good education in Russia is a myth]. *Vedomosti*. 3.10.2011 (In Russ.).
- [10] *Konceptsiya modernizatsii rossijskogo obrazovaniya na period do 2010 goda (Prilozhenie k prikazu Minobrazovaniya Rossii ot 11.02.2002 No. 393)* [Concept of modernization of the Russian education until 2010 (Annex to the order of the Russian Ministry of Education of 2.11.2002 No. 393)] (In Russ.).
- [11] *Mezhdunarodny studenchesky obmen* [International student exchange]. <https://urfu.ru/ru/international/mobility>. (In Russ.).
- [12] Narkhov D.Yu. *Prepodavateli vysshej shkoly kak resurs modernizatsii vysshego professionalnogo obrazovaniya* [Teachers as a Resource of the Higher Education Modernization]. Avtoreferat diss. k.s.n. Ekaterinburg; 2015 (In Russ.).
- [13] *Ob obrazovanii v Rossijskoj Federatsii* [Federal Law ‘On Education in the Russian Federation’]. FZ No. 273 of 29.12.2012
- [14] Rubina L.Ya. *Rossijskaya magistratura: realnost', perspektivy, riski* [Russian Master’s Studies: realities, prospects, risks]. *Sociokulturnoe razvitie bolshogo Urala: trendy, problemy, perspektivy*. Ekaterinburg; 2016 (In Russ.).
- [15] *Student 1995—2016 gg.: dinamika sociokulturnogo razvitiya studenchestva Srednego Urala* [Student of 1995—2016: Dynamics of Social-Cultural Development in the Middle Urals]. Vishnevsky Yu.R. (Ed.). Ekaterinburg; 2017 (In Russ.).
- [16] Tomiltsev A.V. *Upravlenie kachestvom obrazovaniya* [Management of the Education Quality]. Ekaterinburg; 2010 (In Russ.).
- [17] Toshchenko Zh.T. *Prekariat — novoe yavlenie na rynke truda* [Prekariat — a new phenomenon in the labor market]. *Yadovskie chteniya: perspektivy sociologii*. O.B. Bozhkov, S.S. Yaroshenko, V.Yu. Bocharov (Eds.). Saint Petersburg; 2016 (In Russ.).
- [18] Fursova V.V., Ha Van Hoang. *Dostupnost vysshego obrazovaniya* [Accessibility of the Higher Education]. Kazan; 2012 (In Russ.).
- [19] Perkin G. *The Third Revolution: Professional Elites in the Modern World*. London; 1996.
- [20] Perkin G. *The Third Revolution: Professional Society in International Perspective*. London; 1996.

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-2-302-312

Межконфессиональное согласие и толерантность городских жителей Казахстана: результаты социологического исследования*

А.Б. Шабденова¹, Г.Т. Алимбекова²

¹Казахский национальный университет им. аль-Фараби
просп. аль-Фараби, 71, Алматы, Казахстан, 050040

²Центр изучения общественного мнения
ул. Жибек Жолы, 54, Алматы, Казахстан, 050002

(e-mail: aija2005@mail.ru; welcome@ciom.kz)

Исследователи отмечают, что в казахстанском обществе в последние десятилетия изменилась религиозная ситуация — увеличилась доля верующих, тех, кто следует религиозным заповедям и в соответствии с ними выстраивает свой образ жизни. Казахстан является полиэтническим государством, в стране проживают представители множества этнических, культурных и религиозных групп. Представляется актуальной оценка уровня толерантности и межконфессионального согласия между представителями разных групп. В статье представлены результаты социологического опроса по тематике толерантности и межконфессионального согласия, который был проведен среди населения крупного города Казахстана. Методом сбора данных стало индивидуальное стандартизированное интервью. Результаты исследования показали преобладание толерантных межконфессиональных взаимоотношений: доминирующее большинство респондентов отметили, что не испытывали каких-либо проблем или притеснений по причине их религиозной принадлежности. Вместе с тем непринятие человека другой религии или других религиозных взглядов шире распространено среди приверженцев ислама (казахов и узбеков), среди граждан с низким уровнем образования и тяжелым материальным положением в домохозяйстве. С одной стороны, среди опрошенных наблюдается стремление к межконфессиональному согласию; с другой стороны, очевидны трансформации религиозных практик, основанные не столько на феномене веры, сколько на национальном традиционализме. Результаты опроса свидетельствуют, что на уровень межконфессионального согласия оказывают влияние и социально-экономические условия.

Ключевые слова: религиозность; межконфессиональное согласие; толерантность; полиэтническое общество; религиозные взгляды; казахстанское общество

Социологическое изучение религиозности общества началось с работ О. Конта и нашло продолжение в трудах М. Вебера, Э. Дюркгейма, К. Маркса и др.: «Значение концепции религии Дюркгейма состоит, прежде всего, в теоретическом и эмпирическом обосновании наиболее значимой интегративной функции этого социального института. Отсюда вытекала необходимость не борьбы с ним, а его всесторонней (в том числе и государственной) поддержки. М. Вебер рассматривал

* © Шабденова А.Б., Алимбекова Г.Т., 2019.

Статья поступила в редакцию 11.02.2019 г.

религию как человеческий ответ на все без исключения вопросы бытия, включая жизнь, болезни, смерть. В этом смысле она играет чрезвычайно важную роль в жизни как общества, так и отдельных социальных групп и индивидов» [4. С. 419]. Эмпирические данные социологических исследований показывают, что люди, склонные доверять религиозным организациям (мечеть, церковь), чувствуют себя более счастливыми, хотя уровень религиозности, т.е. следование ценностям и традициям, предписанными религией, не оказывает влияния на уровень счастья — статистически значимой разницы в ощущении счастья между глубоко верующими и формально верующими не наблюдается [1. С. 48].

Понимание религиозных ценностей и, соответственно, их изучение на смысло-жизненном уровне различается в зависимости от специфики социальных групп — пола, возраста, социального положения, места проживания и др. [5. С. 482]. «Прежде всего нужно иметь в виду, что религия — одно из ряда равнозначных измерений стратификации, к числу которых относятся также престиж профессий; ранжирование по степени власти и могущества; доходы, богатство; образование или знание; ранжирование по родственным или этническим группам» [2. С. 156]. Также В.И. Гараджа отмечал, что религии в отдельных случаях могут оправдывать социальное неравенство, вплоть до оправдания шовинизма или расизма [2. С. 158].

Анализ социальной структуры может проводиться (и действительно проводился классиками социологии) с принципиально разными целями: определить природу господства одних групп над другими или же характер групп, различающихся образом жизни; выявить приоритеты социальной политики, необходимые для минимизации социального неравенства и т.д. [10. С. 3; 7; 8]. Таким образом, представляет интерес изучение разных религиозных групп и взаимодействия между представителями религиозных групп и этносами, проживающими на одной территории, но имеющих разные религиозные взгляды и традиции [9. С. 97].

Казахстан является самой крупной из Центрально-Азиатских стран с площадью суши, равной по размерам Европейскому Союзу. Страна имеет длинную северную границу с Россией (самая длинная сухопутная непрерывная граница в мире), граничит с Кыргызстаном, Узбекистаном и Туркменистаном на юге страны, Каспийское море и Россия находятся на западе, Китай — на востоке.

Несмотря на огромную территорию (девятое место в мире по площади) плотность населения — одна из самых низких в мире. Республика Казахстан является полиэтническим государством, казахстанцы — представители множества этнических и культурных групп, для страны характерно и разнообразие религий — от традиционных и наиболее распространенных в стране ислама и православия до менее распространенных, но не менее мирно сосуществующих. Более половины населения (57%) проживают в городах, 43% — в сельской местности. Самым крупным городом Казахстана является Алматы, бывшая столица, с населением в 1,8 млн человек (9% населения страны) [11. С. 2]. Страна имеет многообразные природные ресурсы, что способствовало восстановлению ее экономики в постсоветский период. «В международных рейтингах позиции Казахстана являются

достаточно устойчивыми. Тем не менее многие исследователи в Казахстане придерживаются точки зрения, что усредненные показатели по стране не отображают глубину и остроту региональных неравенств, что, по сути, является одним из наиболее важных ограничений в определении уровня социального неравенства в стране» [3. С. 59].

Казахстан, как и другие страны, входившие ранее в состав Советского Союза, до сих пор переживает непростой трансформационный период, что отражается на социальном самочувствии населения и жизни в целом. Для изучения постсоветского пространства, включая Среднюю Азию, в разных странах созданы исследовательские центры, но все еще не хватает знаний и информации из первых рук о различных аспектах жизни населения в данном регионе [17. С. 637]. Одной из таких малоизученных тем является уровень религиозности, межконфессиональное согласие и толерантность населения.

Для изучения религиозности жителей Алматы, их толерантности и межконфессионального согласия независимая исследовательская организация ЦИОМ (Центр изучения общественного мнения) провела социологическое исследование. Опрос проходил осенью 2018 года в Алматы: выборка составила 800 респондентов из горожан, проживающих в разных частях города, для обеспечения репрезентативности было опрошено по 100 респондентов в каждом административном районе (статистическая погрешность не превышает 3,5%). Метод опроса — индивидуальное стандартизированное интервью.

Отбор респондентов проходил по следующей схеме: по каждому району города были составлены списки улиц, далее с помощью генератора случайных чисел были отобраны по десять улиц (маршрутов), на каждом маршруте опрошено не более десяти человек; стартовый дом опроса отбирался случайным образом, далее отбор домов и квартир проходил согласно стандартной технологии отбора. Респонденты в домохозяйствах отбирались по принципу последнего дня рождения, т.е. опрашивались те, чей день рождения уже прошел и наиболее близок к дате опроса. Ниже представлена часть результатов опроса, касающаяся проблем толерантности и межконфессионального согласия горожан.

Социально-демографические характеристики участников опроса представлены в таблице 1. Выборка репрезентирует горожан с точки зрения пола (45% мужчин и 55% женщин), возраста (26% в возрасте 18—25 лет, 26% — 26—35 лет, 19% — 36—45 лет и т.д.), этнической принадлежности (54% — казахи, 32% — русские, 14% — иные национальности), вероисповедания (мусульмане — 65%, православные — 30%, 4% — атеисты и 2% — другие религии), уровня образования (среднее образование и ниже — 26%, среднее специальное — 41%, высшее — 33%), семейного положения (23% никогда не состояли в браке, 65% состоят в браке, 9% — разведены и 3% — вдовы), социально-профессионального статуса (76% — трудоустроенные, включая предпринимателей, 6% — пенсионеры, 9% — студенты, 5% — домохозяйки, 4% — безработные) и материального положения домохозяйства (затруднительное — 10%, среднее — 40% и хорошее — 50%).

Таблица 1

Социально-демографическая структура выборки

Характеристики		%
Гендер	Мужчины	45,1
	Женщины	54,9
Возраст	от 18 до 25 лет	26,4
	от 26 до 35 лет	25,9
	от 36 до 45 лет	19,3
	от 46 до 55 лет	16,1
	от 56 до 65 лет	9
	65 лет и старше	3,4
Этнос	Казахи	54,3
	Русские	31,5
	Другие национальности	14,3
Религия	Ислам	64,8
	Православные	29,9
	Неверующие	3,6
	Другие религии	1,8
Уровень образования	Среднее или ниже	26
	Среднее специальное	41,4
	Высшее	32,6

Участники опроса практически единогласно отметили, что полностью свободны в выборе религии (96%) и так же охарактеризовали вероисповедание жителей города: «они свободны в выборе религии и взаимодействии с религиозными объединениями» (92%). На вопрос о наиболее острых проблемах в религиозной жизни Алматы значительная часть респондентов (42%) ответили, что особых проблем нет, все спокойно, около трети (33%) отметили религиозную неграмотность населения, 20% обеспокоены появлением и активизацией деятельности религиозных сект, 10% упомянули напряженные отношения представителей разных конфессий. Вместе с тем 91% респондентов отметили, что лично они сами и члены их семей не сталкивались с проблемами в отношении их вероисповедания. По данным показателям не было выявлено значимых социально-демографических различий в ответах.

Респондентам был задан вопрос: «Как вы считаете, какая из характеристик наиболее соответствует состоянию межконфессиональных отношений в нашем городе?». Большинство (64%) разделяют мнение, что межконфессиональные отношения в городе характеризуются спокойствием, пониманием и согласием; 23% считают, что отношения внешне спокойны, но внутренне напряжены; 10% отметили, что наблюдают отчужденность в межконфессиональных отношениях; и только 1% назвал межэтнические отношения открыто напряженными. Здесь также не обнаружилось статистически значимых социально-демографических различий в ответах респондентов, т.е. большинство горожан, независимо от пола, возраста, этнической принадлежности, материального достатка, семейного положения и вероисповедания, считают межконфессиональные отношения в городе спокойными и отличающимися пониманием и согласием. Вместе с тем оценки, что межконфессиональные отношения внешне спокойны, но внутренне напряжены, чаще встречаются у представителей наименее распространенных в Казахстане религий (католицизма, буддизма и др.).

Межконфессиональное согласие и толерантность следует оценивать и через принятие человека другой религии. На рисунке 1 представлены результаты ответа на вопрос «Смогли бы вы принять человека другой религии или имеющего отличные от ваших религиозные взгляды, если он/она женится/выйдет замуж за вашего близкого родственника (сын, дочь, брат, сестра)?». Данные представлены в соотношении с вероисповеданием, поскольку по данному признаку наблюдаются статистически значимые различия. На близком социальном уровне толерантность к представителям других религий наблюдается у 63% алмаатинцев, чаще среди православных (73%) и неверующих (72%). Треть (36%) граждан, исповедующих ислам, ответили, что не смогут принять в свою семью человека другой религии. Также считает каждый пятый православный (22%), атеист и представитель другой религии (по 21%).

Ответы на вопрос «Смогли бы вы принять человека другой религии или имеющего другие религиозные взгляды, если он будет кандидатом в депутаты от вашего округа?» показали, что для большинства респондентов (80%) это приемлемая ситуация. Отрицательные ответы на этот вопрос чаще давали приверженцы ислама (21%), тогда как среди православных и атеистов таковых вдвое меньше (по 10%), а среди исповедующих другие религии около трети (29%) затруднились ответить на вопрос (рис. 2).

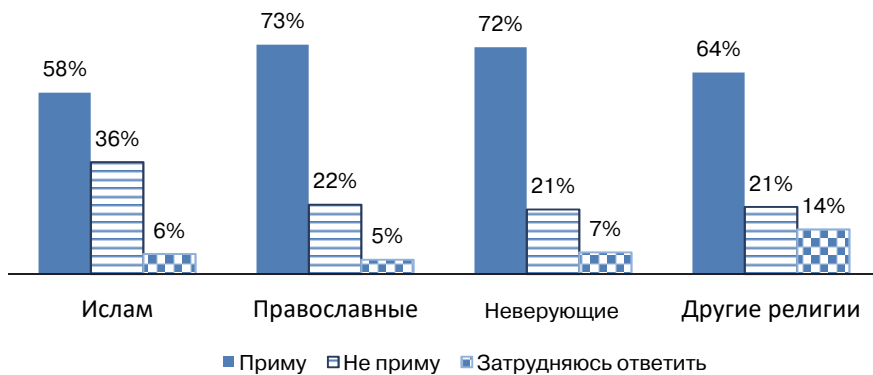

Рис. 1. Принятие человека другой религии в свою семью

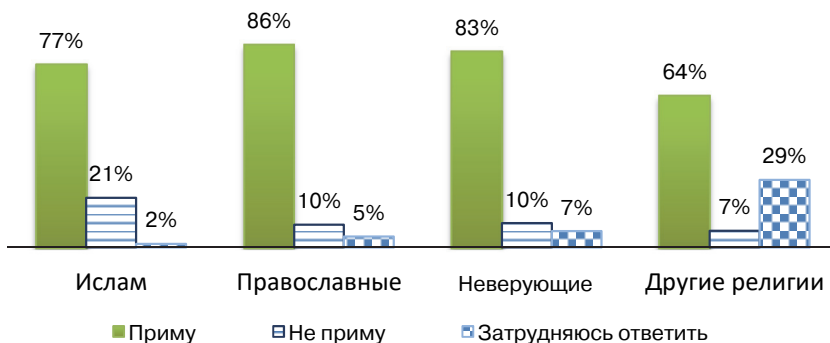

Рис. 2. Принятие человека другой религии в качестве депутата от своего округа

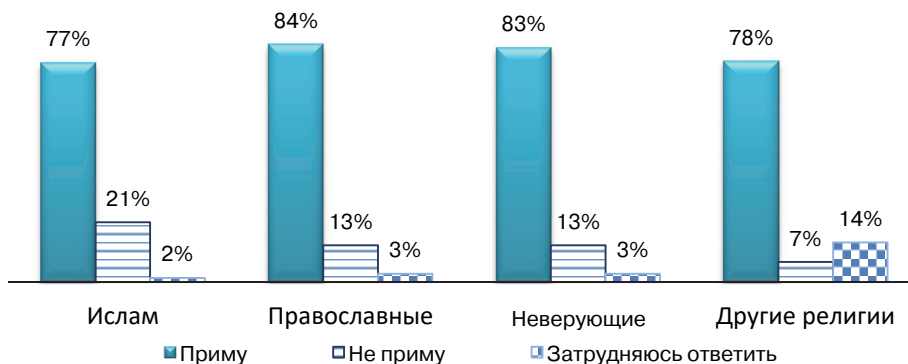

Рис. 3. Приемлемость человека другой религии в качестве учителя своего ребенка

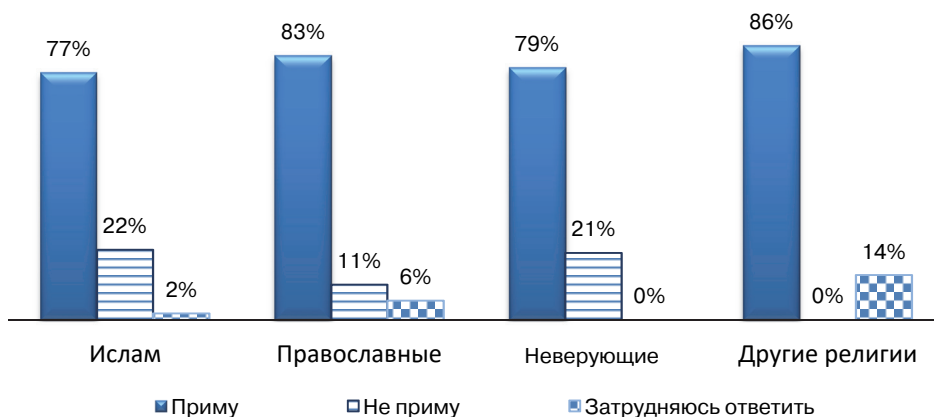

Рис. 4. Приемлемость человека другой религии в качестве руководителя

На рисунке 3 представлено распределение ответов на вопрос «Смогли бы вы принять человека другой религии или имеющего другие религиозные взгляды, если он будет учителем вашего ребенка?». Данная ситуация оказалась приемлема для большинства алмаатинцев всех конфессий (79%) и даже атеистов, однако среди мусульман выше доля тех, кто отказывается принять эту ситуацию (21%).

Также большинство жителей Алматы (79%) примут человека других религиозных взглядов в качестве руководителя/начальника, и доля отрицающих эту возможность выше среди мусульман и атеистов (рис. 4). В целом затруднившимся ответить на этот и другие вопросы оказалось больше среди приверженцев нетрадиционных для Казахстана религий (католиков, буддистов и др.).

На основе результатов опроса, представленных на рисунках 1—4, был подсчитан общий показатель толерантности — 57% жителей Алматы толерантны в отношении иных религий и религиозных взглядов, причем на всех уровнях социального взаимодействия: респонденты спокойно воспринимают тот факт, что человек иных религиозных взглядов станет членом их семьи, будет учителем их

ребенка, их руководителем или депутатом от их округа. Однако уровень толерантности ниже среди людей с низким уровнем образования и затруднительным материальным положением домохозяйства.

Казахстанские социологи, изучающие социальную структуру, отмечают проблему среднего класса в стране: несмотря на быстрый рост среднего класса, он не является фактором социальной стабильности и экономической основой общества в силу отсутствия тех ценностей и черт, которые необходимы для его существования в социальном пространстве. И казахстанская система образования только переживает трансформационные процессы, улучшая качество образовательных программ и пытаясь соответствовать международным стандартам, поэтому только начинает выполнять свою часть функций в формировании среднего класса [15. С. 146] по западному образцу [16. С. 235].

Среди ответов на вопрос «Какие факторы, на ваш взгляд, оказывают негативное, деструктивное влияние на отношения представителей разных религиозных убеждений?» чаще всего назывались безработица (40%), ухудшение экономического положения (28%), активность радикально настроенных религиозных групп (25%) и экстремистские проповеди (24%), реже — преступность (18%), межнациональные трения (14%), нарушение социальной справедливости (13%), деятельность иностранных проповедников (8%) и вмешательство иностранных государств во внутренние дела страны (8%). Вместе с тем респонденты отметили, что деструктивное влияние на взаимоотношения представителей разных религий оказывают низкий уровень образования и религиозная неграмотность. Большинство алмаатинцев (87%) считает, что государство должно обеспечивать согласие между разными религиями и пресекать деятельность нетрадиционных течений самыми жесткими мерами (70%) вплоть до применения силы, а также усиливать контроль над религиозной сферой в целом (74%).

Согласно данным прошлых исследований, большинство жителей Алматы (90%) считают себя верующими, и большинство (71%) не меняли свое отношение к религии за последние три года (напротив, 24% стали еще более религиозными). Однако на самом деле по-настоящему верующими, т.е. соблюдающими требования определенной религии, следует считать лишь 20% алмаатинцев. Значительная доля жителей Алматы (44%) — пассивно верующие, они верят в существование Высшей силы, посещают мечеть/церковь и стремятся жить по заповедям Божьим, но не придерживаются обязательных практик, предписанных религией. Наиболее распространенным фактором выбора религии являются традиции семьи и влияние родителей и родственников [12. С. 248].

В целом в казахстанском обществе в последние десятилетия изменилась религиозная ситуация, что проявилось в росте числа верующих (тех, кто следует религиозным заповедям и реализует их в своем образе жизни) и культовых сооружений, в дискуссиях о религиозном образовании и религиозоведческом просвещении, в изменении законодательства о религии [14. С. 5]. В Казахстане реализовано правовое равенство религиозных объединений в осуществлении своей деятельности, конституционно провозглашен принцип свободы совести и свободы вероис-

поведения, а равенство прав и свобод человека и гражданина обеспечивается независимо от принадлежности к религиозным или светским объединениям [14. С. 13].

В стране проживают представители более сорока вероисповеданий, поэтому межэтническое и межконфессиональное согласие является одним из приоритетных направлений государственной политики Казахстана. После долгого религиозного забвения в советский период в Казахстане вновь открываются культовые сооружения — мечети, церкви, синагоги и другие храмы. Кроме того, в стране свободно действуют зарегистрированные религиозные объединения и центры, нацеленные на духовное воспитание граждан в условиях мира и консолидации общества. Наиболее распространенными религиями являются ислам и христианство, поэтому такие праздники, как Курбан-айт и православное Рождество, являются выходными днями.

Важной инициативой главы государства стало проведение в Астане Съезда лидеров мировых и традиционных религий, ставшего глобальной межконфессиональной диалоговой площадкой [6]. Как отметила директор Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики З.К. Шаукенова, «сегодня мы переживаем очень важный и ответственный период в своей истории. Мы накопили большой ценностный капитал за 27 лет независимости. Он вбирает в себя стабильность, единство, общественное согласие, развитие экономики, подъем инфраструктуры. Вместе с тем мы переживали и очень сложный период духовно-нравственного становления, включая поиски своей идентичности, нахождение оптимальной гражданской практики. Ислам, духовность были элементом поисков нации, важным фактором формирования общественного сознания на новом этапе» [13].

Результаты социологического опроса представителей разных конфессий демонстрируют преобладание межконфессиональной толерантности — большинство респондентов отметили, что не испытывали каких-либо проблем или притеснений по причине своих религиозных взглядов. Большинство алматинцев не сталкиваются с проблемами, связанными с вероисповеданием, и считают, что особых проблем в этой сфере нет. Большинство жителей Алматы (90%) одобряют тот факт, что Казахстан является светским государством, и отмечают, что в стране соблюдается свобода вероисповедания, гарантированная Конституцией. В то же время неприемлемость человека другой религии или иных религиозных взглядов для своей семьи шире распространена среди мусульман (казахов и узбеков), людей с низким уровнем образования и низкими доходами. Однако практически все респонденты уверены, что государство должно обеспечивать межконфессиональное согласие.

Библиографический список

- [1] Абдирайымова Г.С., Алимбекова Г.Т., Вережкин А.В., Лифанова Т.Ю., Шабденова А.Б. Социальное самочувствие казахстанцев: социологическое измерение. Алматы, 2015.
- [2] Гараджа В.И. Социология религии. М., 1995.
- [3] Жусупова А.С. Динамика социального неравенства в Казахстане. Алматы, 2016.

- [4] *Зборовский Г.Е.* Общая социология. М., 2004.
- [5] *Ивлева М.Л., Курилов С.Н., Россман В.И.* Религиозные ценности глазами молодежи: опыт социологического исследования // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2018. Т. 18, № 3.
- [6] Межконфессиональные отношения // <http://personal.akorda.kz/ru/category/mezhkconfessionalnye-otnosheniya>.
- [7] *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): сравнительный анализ ценностных ориентаций (Часть 1) // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2018. Т. 18, № 1.
- [8] *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): сравнительный анализ страхов, надежд и опасений (часть 2) // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2018. Т. 18, № 2.
- [9] *Рысбекова Ш.С.* Деятельность Русской Православной Церкви в постсоветский период в Казахстане // *Вестник КазНУ. Серия: Религиоведение*. 2015. № 1.
- [10] *Тихонова Н.Е.* Социальная структура России: теории и реальность. М., 2014.
- [11] Численность населения Республики Казахстан по областям, городам и районам на 1 января 2018 года // *Демографическая статистика*. 2018. 21 серия.
- [12] *Шабденова А.Б., Алимбекова Г.Т.* Уровень религиозности семей с различным статусом: результаты социологического исследования // *Вестник КазНУ. Серия: Психология и социология*. 2016. № 4.
- [13] *Шаукенова З.К.* Акт человечности и милосердия // <http://kisi.kz/index.php/ru/publikatsii/25-shaukenova-zarema-kaukenovna/1553-akt-chelovechnosti-i-miloserdiya>.
- [14] *Шаукенова З.К., Бурова Е.Е., Бектенова М.К.* Феномен религиозности в современном Казахстане (социологический взгляд) // *Вестник КазНУ. Серия: Религиоведение*. 2015. № 1.
- [15] *Abdiraiymova G.S., Kenzhakimova G.A., Verevkin A.V., Lifanova T.Y., Burkhanova D.K.* Higher education in Kazakhstan: New opportunities and the problem of crystallization of middle strata status // *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. 2015. Vol. 177.
- [16] *Seguillon P.L.* Kazakhstan Pivot de l'Eurasie. Paris, 2010.
- [17] *Shabdenova A.B., Verevkin A.V.* Single parents in transformation: A social research // *Teorija in praksa*. 2018. No. 3.

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-2-302-312

Religious harmony and tolerance of the urban residents of Kazakhstan: Results of the sociological research*

A.B. Shabdenova¹, G.T. Alimbekova²

¹Al-Farabi Kazakh National University
Al-Farabi Ave., 71, Almaty, Kazakhstan, 050040

²Center for Study of Public Opinion
Zhibek Zholy St., 54, Almaty, Kazakhstan, 050002
(e-mail: aija2005@mail.ru; welcome@ciom.kz)

Researchers believe that in recent decades in Kazakhstan the religious situation has changed, which was manifested in an increase of the number of believers who follow religious precepts and build their lifestyle according to them. Kazakhstan is a multi-ethnic country, where representatives of different ethnic

* © A.B. Shabdenova, G.T. Alimbekova, 2019.

Статья поступила в редакцию 11.02.2019 г.

and religious groups live. It is important to study the level of tolerance and religious harmony between different social groups. The article presents the results of the sociological study of tolerance and religious views in Almaty — the most populated city of Kazakhstan — based on the method of individual standardized interview. The results of the survey show the prevalence of tolerant relations for the majority of respondents said that they had not experienced any problems or insult based on their religious views. At the same time, the refusal to accept a person of another religion or other religious views as a member of one's family is more typical for Moslems, namely of Kazakh and Uzbek ethnicity, and also for people with a low level of education and low incomes of the household. On the one hand, there is a clear desire for religious harmony; on the other hand, there are transformations of religious practices based not so much on the phenomenon of faith but on national traditionalism. The results of the survey prove that level of religious harmony is influenced to a certain extent by social-economic conditions.

Key words: religiosity; religious harmony; tolerance; polyethnic society; religious views; population of Kazakhstan

References

- [1] Abdirayymova G.S., Alimbekova G.T., Verevkin A.V., Lifanova T.Yu., Shabdenova A.B. *Sotsialnoe samochuvstvie kazakhstantsev: sotsiologicheskoe izmerenie* [Social Well-Being of Kazakhstan People: A Sociological Dimension]. Almaty; 2015 (In Russ.).
- [2] Garadzha V.I. *Sociologiya religii* [Sociology of Religion]. Moscow; 1995 (In Russ.).
- [3] Zhusupova A. *Dinamika sotsialnogo neravenstva v Kazakhstane* [Dynamics of Social Inequality in Kazakhstan]. Almaty; 2016 (In Russ.).
- [4] Zborovsky G.E. *Obshchaya sotsiologiya* [General Sociology]. Moscow; 2004 (In Russ.).
- [5] Ivleva M.L., Kurilov S.N., Rossman V.I. Religioznye tsennosti glazami molodezhi: opyt sotsiologicheskogo issledovaniya [The youth's perception of religious values: A sociological study]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (3) (In Russ.).
- [6] Mezhhkonnessionalnye otnosheniya [Interfaith relations]. <http://personal.akorda.kz/ru/category/mezhkonnessionalnye-otnosheniya> (In Russ.).
- [7] Narbut N.P., Trotsuk I.V. Sotsialnoe samochuvstvie molodezhi postsotsialisticheskikh stran (na primere Rossii, Kazakhstana i Chekhii): sravnitelny analiz tsennostnykh oriyentatsiy (Chast 1) [The social well-being of the post-socialist countries' youth (on the example of Russia, Kazakhstan and Czech Republic): Comparative analysis of value orientations (Part 1)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (1) (In Russ.).
- [8] Narbut N.P., Trotsuk I.V. Sotsialnoe samochuvstvie molodezhi postsotsialisticheskikh stran (na primere Rossii, Kazakhstana i Chekhii): sravnitelny analiz strakhov, nadezhd i opaseniya (Chast 2) [The social well-being of the post-socialist countries' youth (on the example of Russia, Kazakhstan and Czech Republic): Comparative analysis of fears and hopes (Part 2)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (2) (In Russ.).
- [9] Rysbekova Sh.S. Deyatelnost' Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi v postsovetitskiy period v Kazakhstane [Activities of the Russian Orthodox Church in the post-Soviet period in Kazakhstan]. *KazNU Bulletin. Religious Studies Series*. 2015; 1 (In Russ.).
- [10] Tikhonova N.E. *Sotsialnaya struktura Rossii: teorii i realnost* [Social Structure of Russia: Theories and Reality]. Moscow; 2014 (In Russ.).
- [11] Chislennost naseleniya Respubliki Kazakhstan po oblastyam, gorodam i rayonam na 1 yanvarya 2018 goda [Population of the Republic of Kazakhstan by regions, cities and districts as of January 1, 2018]. *Demograficheskaya statistika*. 2018; 21 Series (In Russ. and Kazakh).
- [12] Shabdenova A.B., Alimbekova G.T. Uroven religioznosti semey s razlichnym statusom: rezultaty sotsiologicheskogo issledovaniya [The level of religiosity of families with different status: Results of the sociological research]. *KazNU Bulletin. Psychology and Sociology Series*. 2016; 4 (In Russ.).
- [13] Shaukenova Z.K. Akt chelovechnosti i miloserdiya [Act of humanity and mercy]. <http://kisi.kz/index.php/ru/publikatsii/25-shaukenova-zarema-kaukenovna/1553-akt-chelovechnosti-i-miloserdiya>.

- [14] Shaukenova Z.K., Burova E.E., Bektenova M.K. Fenomen religioznosti v sovremennom Kazakhstane (sotsiologicheskiy vzglyad) [The phenomenon of religiosity in contemporary Kazakhstan: A sociological perspective]. *KazNU Bulletin. Religious Studies Series*. 2015; 1 (In Russ.).
- [15] Abdiraiymova G.S., Kenzhakimova G.A., Verevkin A.V., Lifanova T.Y., Burkhanova D.K. Higher education in Kazakhstan: New opportunities and the problem of crystallization of middle strata status. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. 2015. Vol. 177.
- [16] Seguillon P.L. *Kazakhstan Pivot de l'Eurasie*. Paris, 2010.
- [17] Shabdenova A.B., Verevkin A.V. Single parents in transformation: A social research. *Teorija in praksa*. 2018. No. 3.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЛЕКТОРИЙ

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-2-313-321

Социология культуры: пути научного становления (1968—2018)*

А.Л. Маршак

Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5, Москва, Россия, 117259
(e-mail: sociology@mail.ru)

В статье анализируется длительный путь развития социологии культуры как теории среднего уровня в системе отечественного социологического знания. Показано, как за пятидесятилетний период происходило эмпирическое обогащение социологии культуры, раскрываются основные направления исследований культурно-просветительской деятельности: изучение клубов, музеев, парков, коллективов художественного и технического творчества в условиях городской и сельской жизни. Дается обзор основных достижений в области социологического изучения театра, кино, средств массовой информации в 1970—1980-е годы. Именно в этот период в сфере социологического изучения культурной жизни оформились направления, которые консолидировали усилия социологов: планирование, прогнозирование и управление различных типов учреждений культуры; научное планирование культурного развития города, села, региона; прогноз развития искусства и его отдельных видов; социальные индикаторы развития и управления художественной культуры; экономика культуры — совершенствование ее материально-технической базы, ценообразование, эффективность; взаимодействие разных видов и форм художественной культуры, их связь с искусством; анализ культурной жизни разных социально-демографических групп; разработка теоретико-методологических основ социологии культуры, ее самоопределение как специальной социологической теории. Также в статье рассматриваются такие стороны духовной жизни, как музыкальная культура и особенности досуговой деятельности; раскрываются черты поликультурного состояния современного российского общества.

Ключевые слова: социология культуры; социология театра; социология кино; социология музыки; социология средств массовой информации; социокультурный процесс; типы культуры; художественная жизнь; цивилизация

Становление социологии культуры началось в 1960-е годы — когда культурологическая проблематика обрела злободневность и актуальность. Гуманизация общественной жизни, обусловленная «оттепелью», позволила пересмотреть ряд устоявшихся философских положений и мировоззренческих догм: «Объективными

* © Маршак А.Л., 2019.

Статья поступила в редакцию 11.01.2019 г.

факторами, благоприятными для возрождения социологии, было отпочкование политических наук от философии (социологии было тесно в философском лоне) и переход общества от тоталитаризма к загнивающему и разлагающемуся авторитаризму. Внутренний рост, созданный в начале 1960-х годов., привел к развитию социологии» [20. С. 132—133]. Появляются публикации культурологической проблематики известных философов. В Ленинграде, Киеве, Тбилиси, Ереване, Свердловске, Ростове-на-Дону возникают научные центры, разрабатывавшие проблемы теории культуры. Прошедшая в 1960—1970 годы дискуссия положила начало институционализации социологии культуры как самостоятельной социологической дисциплины — она изучает функциональное состояние и развитие различных видов и форм духовности, ее выражения через производство и распространение продуктов культуры, а также культурную инфраструктуру.

Все это способствовало широкому проведению эмпирических исследований. Наиболее серьезными из них были исследования клубной деятельности, которая рассматривалась как центр «агитационно-пропагандистской работы». В основе этих исследований лежал активно развивающийся комплексный подход — «целостное изучение» объекта с помощью специально разработанных методологии и методик (исследования НИИ культуры «Клубный работник сегодня и завтра. Профессионализм клубного работника», исследования Главного информационно-вычислительного центра Министерства культуры (ГИВЦ), работников Государственной библиотеки им. В.И. Ленина, Института искусствознания МК СССР) [21. С. 338—360]. Исследования показали, что, во-первых, там, где клубы вели разностороннюю работу среди молодых посетителей, формировались соответствующие социально-психологические типы, а там, где клубы предлагали только развлечения, формировался тип с преобладающими развлекательными запросами либо с неразвитыми интересами (более 16% на селе); во-вторых, наиболее важной является профессиональная подготовка культпросветработника.

Многие позиции, выявленные в исследованиях 1970—1980-х годов, в определенной мере сохранились и в современной культпросветработе.

Безусловно, кризисные явления в социально-политической и культурной жизни отразились на деятельности клубов и на культурной активности посетителей, о чем можно судить не только по низкой посещаемости клубов, театров, филармоний, выставочных залов и т.п. (90% вынуждены проводить свой досуг дома; во многих муниципальных районах 70—80% детей и подростков находятся вне организованной культурно-досуговой среды), но и по отсутствию целостной системы учреждений культуры, деятельность которых субсидировалась предприятиями, профсоюзными комитетами, отраслевыми центрами.

Было бы неверно все социологическое изучение культпросветработы сводить только к клубам. Специальное социологическое исследование музейной практики относится к 1970-м годам, когда НИИ культуры были проведены опросы по специальной методике в ряде регионов СССР (сборники под общим названием «Музей и посетитель»). Помимо общетеоретических проблем музееведения, форм и методов музейной экспозиции, вопросов музейного строительства изучались

потребности посетителей, их художественный вкус и предпочтения, особенности восприятия изобразительного искусства, влияние музея на эстетическое развитие; анализировалась система управления музеями, их материально-техническое оснащение, службы комплектации, экономика, коммуникативная роль музея, специфика городского и сельского музеев. В последнее время музейное дело переживает новый период, связанный с проникновением рыночных отношений и технических достижений в мир учреждений культуры.

Паркам как учреждениям культуры в отечественной социологии также уделялось внимание в территориально-ландшафтных исследованиях: парк в культурно-просветительском смысле рассматривался лишь как направление, а не самостоятельное учреждение, но и сегодня парки играют роль учреждений релаксации и активного отдыха, не утратила значения коммуникативная функция парков, в какой-то мере выполняется и роль эстетического воспитания через художественные мероприятия парков.

Существенное место в социологическом изучении культурно-просветительской деятельности отводится библиотеке. Поскольку книгоиздание не может покрыть дефицит читательских потребностей, сегодня стоит важная задача развития виртуальных фондов. Завершение работы по включению российской библиотечной сети, особенно сельской, в Интернет может стать одним из самых революционных событий в культуре России. Тематики социологии библиотек — изучение читательских потребностей, формы и методы библиотечного обслуживания, коммуникативная роль библиотек, возможности интернет-обслуживания, управление библиотеками.

К середине 1970-х годов в стране сложились научно-исследовательские центры с четко обозначенными направлениями изучения культурой жизни. Их плодотворной деятельности в немалой степени способствовал государственный заказ со стороны министерств культуры СССР и союзных республик. Однако значительный вклад в изучение культурной жизни внесли главным образом коллективы НИИ искусствоведения (Ю.У. Фохт-Бабушкин), НИИ культуры (С.Н. Плотников, В.М. Стриганов) и ученые Уральского отделения АН СССР (Л.Н. Коган). Так, пионерами проведения социологических опросов по выявлению культурных потребностей населения были Ю.В. Шаров и Ю.У. Фохт-Бабушкин, обобщившие процессы потребления искусства на примере театров, музеев, просмотра телепередач и посещения кино, приобретения знаний об искусстве, владения разными видами художественного творчества и т.д. Проводились исследования читательских интересов школьников, студентов, рабочей молодежи, изучались потребности посетителей кино (М.И. Жабский, С.Н. Плотников, И.П. Лукшин, А.Л. Вахематса и др.) [21. С. 51—52].

Эти исследования сыграли значительную роль в изучении художественной жизни, но носили во многом эпизодический характер и не давали целостной картины художественной жизни.

Первой попыткой комплексного социологического исследования стал проект «Культура в вашей жизни» НИИ культуры в Калачевском районе Воронежской

области [18]. Здесь наметились контуры теоретико-методологической модели исследования культурной жизни, которые были реализованы в другом комплексном проекте «Клубный работник сегодня и завтра» (1975—1980; С.Н. Плотников, В.М. Стриганов) [16; 18]: было опрошено 30 тысяч респондентов — жители села, работники сельских учреждений культуры, первокурсники, выпускники и преподаватели вузов.

В это время на региональном и общесоюзном уровнях разрабатывались комплексные программы по различным аспектам культурной жизни. В центре внимания находились не только планирование и программирование культуры, но и прогноз ее развития. Специально разрабатывались методики изучения функционирования учреждений искусства, особенно театра и телевидения. Широко использовались опросы работников театра, зрителей, представителей органов управления, анализировались статистика и документация. Стали разрабатываться вопросы экономики культуры в целом (И.Е. Дискин, В.Г. Зинин) и театра а частности (Г.Г. Дадамян) [11].

Социологическое изучение театра и кино складывается в 1970—1980-е годы, когда театр и кино становятся важнейшими инструментами социализации широких слоев населения [3; 4; 5]. Становится все более очевидным, что без государственной поддержки театр не может существовать, что финансовая зависимость означает зависимость духовную, эстетическую и политическую. И хотя сегодня кризис театра в целом миновал, множество проблем все еще не решены, в частности, коммерческие риски в театральном бизнесе. В этой связи особое значение приобретает экономика театра: материальное обеспечение деятельности театра, его менеджмент, развитие материально-технической базы, строительства современных технологически оборудованных зданий, преодоление разрыва между состоянием театрального дела в крупных культурных центрах и в периферийных районах.

Одним из ведущих направлений социологических исследований остается изучение аудитории, ее структуры, зрительских интересов, художественных потребностей и стабильности публики. Исследования показали, что театр привлекает наиболее духовно развитую часть публики по сравнению с концертами и кино, но в то же время театр не посещает 41% наиболее духовно развитых людей и 47% интеллигенции [12]. Также очевидна опасность утраты театром молодого зрителя, препятствующими обстоятельствами для посещения театра являются несовершенство репертуара, дороговизна билетов, неудобство расположения, криминальная обстановка в городах.

Несомненно, социология — действенный способ научного осмысления проблем кино и прогнозирования путей развития отечественного кинематографа. Российский кинематограф на рубеже веков оказалась в значительной зависимости от западной киноиндустрии: девять из десяти зрителей смотрели в столичных кинотеатрах фильмы западного производства; афиша кинотеатров ежегодно включает 23—25 фильмов иностранного производства (81% всех фильмов — американские). Подобная ситуация — во многом результат рыночного реформирования кинематографа.

Вместе с тем за последнее время происходят важные изменения в отечественном кинопроизводстве и кинопрокате — в пользу российского кино. Однако в целом следует признать, что кино стало индустрией: в нем изменилась схема партнерства — на смену творческим союзам, которые осуществляли связь с государством, пришли кинопромышленники и менеджеры, представляющие их интересы. Кинопроизводство становится уделом прокатчиков, продюсеров, владельцев киноконцернов и кинотеатров.

Еще в 1960-е годы советские социологи обратились к изучению роли свободного времени в жизни людей и в функционировании общества и провели специальные опросы, которые, наряду с материалами изучения бюджетов времени, обеспечили эмпирическую базу анализа свободного времени [13; 14]. В тот период был выявлен ряд проблем, не потерявших свою актуальность по сей день: недостаточные объемы времени, остающегося для досуга (причины — слишком продолжительные занятия, в том числе связанные с ведением домашнего хозяйства); противоречивая и диспропорциональная структура тех примерно трех часов времени для досуга, которым располагает в среднем каждый взрослый горожанин [15. С. 436—469].

В последние десятилетия тематики социологии досуга меняются — очевиден интерес к анализу процессов, свидетельствующих о наступлении эпохи постиндустриализма и постматериалистических ценностей. Сегодня досуг — порождение массового потребления и современной техники, который нередко рассматривается как одно из средств эксплуатации духовных сил населения. В досуге человек ищет то, чего не находит на работе и в других сферах деятельности, — самореализацию, отдых, физическое развитие, творчество, тесные социальные контакты, общение с семьей и природой, уход от толпы, навязчивых благ цивилизации, одиночества и служебной рутины, однако постиндустриальное общество оставляет человеку все меньше возможностей оставаться самим собой. Культурная революция досуга выражается, в первую очередь, в доминировании информационного потребления и частной сферы. Например, свободное время стало более «телевизионным», что определяет формирование новых социокультурных общностей и коренным образом меняет все общество. Кроме того, среди причин отказа от посещения культурно-досуговых учреждений у всех возрастов лидируют отсутствие времени, дороговизна и другие интересы; немаловажно отсутствие информации, трудности ее поиска; для респондентов старших возрастов важно местонахождение учреждений культуры и стоимость билетов — все это влияет на структуру досуга.

Культурный процесс более глубок и фундаментален, чем политический и экономический, и культура обретает особенно важный характер в переходные периоды, поскольку не только хранит и передает исторически накапливаемый социальный опыт, но и генерирует новые программы деятельности, причем наиболее активно — на своей периферии (в низких жанрах, в наименее значимых видах деятельности), определяя новые социокультурные типы.

На исходе советского периода были предприняты первые попытки отследить расслоение общества в культурном отношении. Исследования позволили выделить

типологические группы, существенно отличающиеся по направленности и содержанию их культурной деятельности:

— группа, ориентированная на «высокую» классическую и современную культуру, на чтение, серьезную музыку, регулярное посещение театров, библиотек, художественных выставок, филармонических концертов (в основном гуманитарная интеллигенция, включая и часть естественно-научных специалистов);

— группа, ориентированная на медиакультуру — популярные развлекательные жанры, постоянная аудитория мастеров эстрады, любители «легкой музыки», телешоу, кино и клубов, читатели в основном детективно-приключенческой литературы (часть учащейся молодежи, служащие-неспециалисты, часть рабочих);

— группа, ориентированная на традиционную народную культуру, чаще всего в сочетании с официальной медиакulturой (основная форма досуга и источник информации — телевизионные передачи; значительная часть сельского населения);

— группа, ориентированная на «массовую культуру» западного образца — постоянные зрители зарубежных фильмов, аудитории бесчисленных музыкальных групп, нередко самого низкого качества, в театры и на выставки практически не ходят (учащиеся среднего профтехобразования, часть учащихся средних школ).

Безусловно, деление на эти группы было условным, еще более условна их привязка к социальным слоям общества, однако некоторую ориентировку в анализе культурной жизни они все же давали. Исследования последних лет показали, что в целом эта типология остается верной для постсоветского общества. Впрочем, работники культурно-досуговой сферы и ученые, ее изучающие, сходятся во мнении, что действенная государственная политика способна преодолеть диспропорции в использовании свободного времени разными социальными группами и сгладить негативные последствия социальной поляризации населения.

И, наконец, последнее направление в рамках социологии культуры, получившее значительное развитие в 1980-е годы, — социология образования. В этот период социологи стали изучать новейшие тенденции в развитии средней и высшей школы (В.Н. Шубкин, И.С. Кон, Л.Н. Коган, С.Н. Иконникова, В.Т. Лисовский, Ф.Р. Филиппов, М.Н. Руткевич, И.В. Бестужев-Лада и др.), и социология образования становится отраслью знания, которая изучает вопросы профессиональной ориентации и мобильности, преемственности знаний и определения трудовых предпочтений, специфики подготовки к городскому и сельскому труду, социально-психологических стимулов обучения молодежи, формирования социального облика молодежи и ее роли в воспроизводстве социальной структуры общества (Н.А. Аитов, М.Х. Титма, О.И. Шкаратан, В.А. Ядов и др.), перестройки высшего образования (А.А. Овсянников, Т.Э. Петрова), становления духовной культуры молодежи (И.А. Шендрик, Ю.А. Зубок, В.К. Сергеев, В.Н. Иванов, М.К. Горшков, Ф. Шереги). Сегодня, по данным социологических исследований, происходят динамические изменения в ценностных ориентациях молодежи: возрастает стремление к получению фундаментальных знаний (а не просто диплома), знания занимают все более приоритетное место в числе жизненных потребностей молодых людей, поэтому их интересует высокое качество образования.

Таковы основные направления социологического изучения культуры, сложившиеся еще в советский период и развивающиеся до сих пор.

Чтобы полнее представить размах социологических исследований культуры и духовной жизни в доперестроечный период нужно назвать еще ряд направлений: социологию религии (Ю.А. Левада, В.И. Гараджа), социологию общественного мнения (Б.А. Грушин, М.К. Горшков), изучение культурной инфраструктуры (Ж.Т. Тощенко), художественной жизни (Л.Н. Коган), неформальных объединений (Л.Ф. Левичева), культурной политики (С.Н. Плотников, В.С. Жуков, К.Б. Соколов), моды (А.Б. Гофман), чтения (С.Н. Плотников) и др.

Перестройка и развал Советского Союза вместе с коммерциализацией и рыночными отношениями резко сузили культурологическую проблематику исследований: по сути, социология была сведена к трем направлениям — изучение электорального поведения, исследование элиты, пиар и реклама. Только с начала 2000-х годов возобновились серьезные исследования социальных процессов и особенностей нового этапа в развитии российского общества (ИСПИ РАН — Г.В. Осипов Г.В., В.К. Левашов; ИС РАН — М.К. Горшков), в частности, становления гражданского общества, социального расслоения, миграционных потоков, но также досуговых предпочтений социальных групп и их культурных потребностей, посещаемости учреждений культуры и т.д., однако в целом сегодня социологическое изучение культуры и духовной жизни находится на периферии социологического знания.

Представляется, что дальнейшее изучение культуры будет связано с поликультурным состоянием российского общества, в котором можно выделить множество разнообразных групп: приверженцы традиционализма, ностальгирующие по культуре советского периода (результат пробуждения культурного самосознания российского народа и ответ на возрождение культурно-исторической памяти); приверженцы либерализма как идейно-культурного течения [2. С. 214—416], поддерживающие идею коммерциализации духовной жизни и культуры (монетизация и экономическая выгода как регуляторы и результат культуры; разнообразный состав группы — от эрудированных и талантливых людей из числа писателей и театральных деятелей до бездарных номенклатурщиков, развращающих массового зрителя); приверженцы консерватизма как способа противостояния социокультурной модернизации в современной ее интерпретации посредством сохранения традиционно-архаической компоненты российского культурного самосознания, включая религиозную культуру. Несомненно, это очень условная типология, соответственно, необходимо помнить о том, что на границах и внутри названных типов существуют субкультуры, которые чрезвычайно подвижны [10].

Библиографический список

- [1] Бедность и бедные в современной России / Под ред. М.К. Горшкова, И.Е. Тихоновой. М., 2014.
- [2] Горбачев М.С. После Кремля. М., 2014.
- [3] Дадамян Г.Г. Социологические исследования зрителей драматических театров. Л., 1975.
- [4] Дадамян Г.Г. Социально-экономические проблемы театрального искусства. М., 1982.

- [5] Кино и зритель. Опыт социологического исследования. М., 1968.
- [6] Человек в мире художественной культуры. Приобщение к искусству: процесс и управление. М., 1982.
- [7] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. М., 1970.
- [8] *Маршак А.Л.* Социология духовно-культурной сферы. М., 2007.
- [9] *Маршак А.Л.* Становление и развитие социологии культуры в отечественной социологической науке // Социологические исследования. 2014. № 7.
- [10] *Маршак А.Л.* Культура: социологические смыслы и социальные реалии. М., 2013.
- [11] *Новотный О., Фишер Я.* Экономика культуры. М., 1987.
- [12] Резервы зрительской активности // Экономические основы культурной деятельности. Индивидуальные предпочтения и общественный интерес. Т. 1 / Отв. ред. А.Я. Рубинштейн, Ю.У. Фохт-Бабушкин. СПб., 2002.
- [13] *Свинников В.М.* Твое и наше богатство. Об актуальных проблемах свободного времени молодежи. М., 1976.
- [14] *Пишулин Н.П.* Производственный коллектив, человек и свободное время. М., 1976.
- [15] Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. М., 1998.
- [16] Социология культуры. М., 1980.
- [17] Социология культуры. Вып. 3. М., 1976.
- [18] Социальные проблемы культуры современного села. Вып. I—III. М., 1974—1976.
- [19] Театр и художественная культура. М., 1980
- [20] *Фирсов Б.* История советской социологии. 1950—1980-е годы. СПб., 2012.
- [21] *Фохт-Бабушкин Ю.У.* Искусство в жизни людей. СПб., 2001.

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-2-313-321

Sociology of culture: Paths of scientific development (1968—2018)*

A.L. Marshak

Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences
Krzhizhanovskogo St., 24/35, bld. 5, Moscow, 117259, Russia
(e-mail: sociology@mail.ru)

Abstract. The article considers the long path of the development of sociology of culture as a special sociological theory within the system of Russian sociological knowledge. The author describes the fifty-year period of the empirical enrichment of sociology of culture; identifies main research issues within cultural and educational activities (clubs, museums, parks, groups of artistic and technical creativity in cities and villages); provides an overview of key achievements in the sociological study of theater, cinema and the media in the 1970—1980s. It was during this period that the basic directions of the sociological study of cultural life were formed and consolidated the efforts of sociologists: planning, forecasting and managing various types of cultural institutions; scientific planning of cultural development of the city, village, and region; forecasting the development of art and its different types; social indicators of the development and management of artistic culture; economy of culture — improvement of its material and technical base, pricing, efficiency; interaction of different types and forms of artistic culture, their relationship with art;

* © A.L. Marshak, 2019.

The article was submitted on 11.01.2019.

analysis of the cultural life of different social-demographic groups; development of the theoretical-methodological foundations of sociology of culture, its self-determination as a special sociological theory. The author also considers such aspects of the spiritual life as musical culture and features of leisure activities and describes the multicultural state of the contemporary Russian society.

Key words: sociology of culture; sociology of theater; sociology of cinema; sociology of music; sociology of media; social-cultural process; types of culture; artistic life; civilization

References

- [1] *Bednost i bednye v sovremennoy Rossii* [Poverty and the Poor in Contemporary Russia]. Pod red. M.K. Gorshkova, I.E. Tikhonovoy. Moscow; 2014 (In Russ.).
- [2] Gorbachev M.S. *Posle Kremlya* [After the Kremlin]. Moscow; 2014 (In Russ.).
- [3] Dadamyán G.G. *Sotsiologicheskie issledovaniya zriteley dramaticheskikh teatrov* [Sociological Studies of the Drama Theaters' Audience]. Leningrad; 1975 (In Russ.).
- [4] Dadamyán G.G. *Sotsialno-ekonomicheskie problemy teatralnogo iskusstva* [Social-Economic Problems of the Theatre]. Moscow; 1982 (In Russ.).
- [5] *Kino i zritel. Opyt sotsiologicheskogo issledovaniya* [Cinema and the Audience. A Sociological Study]. Moscow; 1968 (In Russ.).
- [6] *Chelovek v mire khudozhestvennoy kultury. Priobshchenie k iskusstvu: protsess i upravlenie* [Man in the World of Artistic Culture. Introduction to Art: Process and Management]. Moscow; 1982 (In Russ.).
- [7] *KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'ezdov, konferentsiy i plenumov TsK* [CPSU in Resolutions and Decisions of Meetings, Conferences and Plenary Meetings of the CC]. Vol. 2. Moscow; 1970 (In Russ.).
- [8] Marshak A.L. *Sotsiologiya dukhovno-kulturnoy sfery* [Sociology of Spiritual-Cultural Sphere]. Moscow; 2007 (In Russ.).
- [9] Marshak A.L. Stanovlenie i razvitie sotsiologii kultury v otechestvennoy sotsiologicheskoy nauke [Formation and development of sociology of culture in Russian sociology]. *Sotsiologicheskiye Issledovaniya*. 2014; 7 (In Russ.).
- [10] Marshak A.L. *Kultura: sotsiologicheskie smysly i sotsialne realii* [Culture: Sociological Meanings and Social Realities]. Moscow; 2013 (In Russ.).
- [11] Novotny O., Fisher Ya. *Ekonomika kultury* [Economy of Culture]. Moscow; 1987 (In Russ.).
- [12] Rezervy zritelskoy aktivnosti [Reserves of spectator activities]. *Ekonomicheskie osnovy kulturnoy deyatel'nosti. Individualnye predpochteniya i obshchestvenny interes*. Vol. 1. Otv. red. A.Ya. Rubinshtein, Yu.U. Fokht-Babushkin. Saint Petersburg; 2002 (In Russ.).
- [13] Svinnikov V.M. *Tvoe i nashe bogatstvo. Ob aktualnykh problemakh svobodnogo vremeni molodezhi* [Your and Our Wealth. On Actual Problems of the Youth's Free Time]. Moscow; 1976 (In Russ.).
- [14] Pishulin N.P. *Proizvodstvennyy kollektiv, chelovek i svobodnoe vremya* [Production Team, Man and Free Time]. Moscow; 1976 (In Russ.).
- [15] *Sotsiologiya v Rossii* [Sociology in Russia]. Pod red. V.A. Yadova. Moscow; 1998 (In Russ.).
- [16] *Sotsiologiya kultury* [Sociology of Culture]. Moscow; 1980 (In Russ.).
- [17] *Sotsiologiya kultury* [Sociology of Culture]. Vyp. 3. Moscow; 1976 (In Russ.).
- [18] *Sotsialnye problemy kultury sovremennogo sela* [Social Problems of the Contemporary Rural Culture]. Vyp. I—III. Moscow; 1974—1976.
- [19] *Teatr i khudozhestvennaya kultura* [Theatre and Art Culture]. Moscow; 1980 (In Russ.).
- [20] Firsov B. *Istoriya sovetskoy sotsiologii. 1950—1980-ye gody* [History of Soviet Sociology. 1950—1980s]. Saint Petersburg; 2012 (In Russ.).
- [21] Fokht-Babushkin Yu.U. *Iskusstvo v zhizni lyudey* [Art in Human Life]. Saint Petersburg; 2001 (In Russ.).

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-2-322-336

Тренды политической коммуникации в контексте социальной модернизации*

А.Г. Киселев, П.Н. Киричѐк

Информационный бюллетень «Президентский контроль»

Ягодная ул., 8-1, Москва, Россия, 115598

Государственный университет «Дубна» Московской области

Университетская ул., 19-1, Дубна, Россия, 141982

(e-mail: alexandr.profession@yandex.ru; kpn54@yandex.ru)

В статье рассматриваются тренды политической коммуникации в социокультурной динамике постиндустриального общества; фиксируется максимизация политико-коммуникативного фактора в ускорении социального прогресса; оцениваются роль и значение политико-коммуникативных систем в причинно-следственном комплексе общественных трансформаций; анализируются ресурсы политической коммуникации для решения проблем организации и самоорганизации общественной жизни; рассматриваются конструктивные возможности политико-коммуникативных систем для оптимизации отношений между государством и обществом на демократической основе; определяется место политической коммуникации в развитии гражданского общества. В политической коммуникации выделены два мегаэлемента — механика (форма) и соционика (содержание); дается обновленная и расширенная характеристика предмета и субъекта политической коммуникации в связи с ее структурно-функциональным арсеналом — деятельностным, смысловым, нормативным и системным; обосновывается оптимальный режим информационного обмена между гражданами по каналам политической коммуникации — политический дискурс, и его жанры в публичной сфере с акцентом на анализе телевизионных ток-шоу; оценивается значение морально-этического аспекта для политического сектора общественной жизни; сравниваются одинаковые по сути и различные по специфике «лики власти» в связи с ее функциями. Обозначены политико-коммуникативные условия согласия (компромисса) между властью и народом по общественно значимым вопросам; уточняются идеологические и технологические особенности современной политической коммуникации; определяется «золотое сечение» коммуникации в политической сфере — управленческое решение, приводятся позитивные и негативные образцы управленческих решений в рамках политико-коммуникативного трансфера; акцентируется необходимость конструирования политико-коммуникативного процесса в модусе диалога элиты (власти) и массы (народа).

Ключевые слова: коммуникация; политика; информация; тренд; общество; государство; дискурс; ресурс

Сегодня в социально-гуманитарном знании входят в моду резонные в гипотезах и убедительные в аргументах концепции, согласно которым человечество поднимается по лестнице общественного прогресса по мере роста значимости информации и коммуникации. Этот отход в теории от считавшегося прежде каноническим конфликта производительных сил и производственных отношений как источника общественных противоречий, для снятия которых требовался

* © Киселев А.Г., Киричѐк П.Н., 2019.

Статья поступила в редакцию 17.10.2018 г.

радикальный инструмент социальной хирургии в виде революций, войн и восстаний, обусловлен метаморфозами на практике: доминантой сегодняшней общественной жизни становится информационно-коммуникативный фактор. У данного фактора имеется много составляющих — структурных и функциональных, идеологических и технологических. К числу структурных компонентов относится источник необходимых для общественной жизни фактов и сведений, например, политическая коммуникация как «процесс передачи политической информации, который структурирует политическую деятельность и придает ей новое значение, формирует общественное мнение и политическую социализацию граждан с учетом их потребностей и интересов» [8. С. 183]. К числу функциональных компонентов относится универсальный духовно-практический инструмент социального прогресса — сформированное с помощью публичной сферы общественное мнение, которое в рациональном варианте консолидирует социум и контролирует власть.

В социальной практике есть одна константа: на переходе от одного модуса общественного жизнеустройства к другому на передний план обычно выдвигается политическая коммуникация с неперенной экспансией публичной сферы, которую образуют печать, радио, телевидение и интернет-издания. Благодаря широко распространенным массовым средствам производства и передачи социально значимой информации самыми узнаваемыми персонажами, вслед за артистами и футболистами, становятся индивидуальные и коллективные субъекты политической жизни, например, часто появляющиеся в прессе лидеры депутатских фракций «Единая Россия», «Коммунистическая партия Российской Федерации», «Либерально-демократическая партия России» и «Справедливая Россия» в Государственной Думе.

В политической коммуникации, находящейся в состоянии перманентной социокультурной динамики, выделяют два традиционных мегаэлемента — механику (форму) и соционику (содержание). С точки зрения механики политическая коммуникация состоит из постоянного обмена значимой информацией между управляющими и управляемыми, властвующими и подвластными, который осуществляется в формах прямой и обратной связи, причем первая обычно доминирует над второй по экстенсивному показателю. Что касается соционики политической коммуникации, то ее содержание выходит на контрапункт управленческих отношений «государство—общество» и фиксируется в достаточно распространенном: «политическая коммуникация есть смысловой аспект взаимодействия субъектов политики путем обмена информацией в процессе борьбы за власть или ее осуществление» [7. С. 124].

Весь масштабный набор социальных явлений, или идеолого-технологических операций, уместяющийся в пространстве политической коммуникации (производство, распространение, усвоение, утверждение или отрицание идей, мнений, оценок, прогнозов, формул, проектов духовно-практического свойства), всегда помечается маркером власти и ее сакральным магнетизмом. Власть как главный управленческий центр общественной жизни можно завоевать, властью можно распоряжаться и удерживать. Демократический подход к феномену власти с тщательным учетом и умелым использованием ее организационно-административных

ресурсов обычно служит равновесным инструментом в налаживании долгосрочных конструктивных отношений между государством и обществом, как это случилось в 2014 году в ситуации воссоединения Крыма с Россией, когда известная в прошлом и ставшая трафаретной формула «народ и партия — едины!» осуществилась в полной мере.

В повседневной жизни идеальное и реальное редко совпадают. Гораздо чаще в отечественной политике встречается иная практика, когда для пришедшего к власти выборным путем лидера и его команды демократия в дальнейшем становится обузой в духе поговорки «власть выходит из народа, а потом от него уходит». Это показал первый Президент Российской Федерации: своим указом он запретил деятельность оппозиционной ему Коммунистической партии РСФСР, не согласный с ним Верховный Совет (парламент) изолировал и затем «распустил» с помощью танковых пушек, а настроенный против него сектор политической коммуникации («левые» газеты, журналы и телерадиоканалы) закрыл приказами соответствующих министерств и ведомств.

Оставив в стороне тоталитаризм и автократизм как рудименты политического прошлого, нужно сказать, что главной целью политической коммуникации в демократическом обществе выступает сохранение целостности системы «власть—народ», чтобы не подвергать государственное устройство риску неуправляемости, грозящему переходом в хаотическое состояние, как это произошло в Советском Союзе на стыке 1980—1990 годов. Во избежание аналогичных рисков и угроз следует структурно-функциональным базисом установить принципы и механизмы достижения информационного консенсуса между властными структурами и социальными группами по коренным вопросам общественного развития. При таком консенсусе априори исключаются любые проявления информационного неравенства, которые были регулярны в ходе трехмесячного навязывания населению правительством (вопреки общественному мнению) пенсионной реформы, когда сторонники повышения возраста выхода на пенсию не имели ограничений для появления на общедоступных каналах телевидения, а его противники, фактически отлученные от федеральной прессы, были вынуждены митинговать на городских площадях.

Известный в гуманитарной науке диалектический метод, приложенный к комплексному анализу политической коммуникации как фактора гармонизации отношений общества и государства, позволяет выделить, во-первых, предмет политической коммуникации — это федеральная, региональная, муниципальная власть во всех структурно-функциональных и социально-институциональных модификациях; правовые, материальные, интеллектуальные, административные, организационные, силовые, утилитарные, территориальные, демографические и иные ресурсы власти; базовые политические ценности системы общественного жизнеустройства, гражданские права и свободы человека в их теоретическом провозглашении и практическом воплощении; реальное состояние и векторы развития публичной сферы, уровень гласности и открытости общественной жизни, особенности функционирования массмедийного рынка; свод идей и проектов полити-

ческого характера [12], который вбрасывается в публичную сферу для «обкатки» общественным мнением с последующим утверждением или отторжением в массовых настроениях и коллективных поступках.

Особый интерес у массового потребителя политической информации вызывает конструктивный/неконструктивный модус поведения власти, или истинный показатель ее эффективности в жизненно важных для граждан сферах, например, в области экономики, обеспечивающей человеку надлежащий уровень материального благосостояния и в целом качества жизни. В свое время Ф. Энгельс, прекрасно знавший реальную экономику не только как теоретик, но и как работавший на отцовской фабрике успешный практик, вполне аргументированно утверждал: «Действие государственной власти на экономическое развитие может быть тройкого рода. Она может действовать в том же направлении — тогда развитие идет быстрее; она может действовать против экономического развития — тогда в настоящее время у каждого крупного народа она терпит крах через известный промежуток времени; она может ставить экономическому развитию в определенных направлениях преграды и толкать его в других направлениях» [14. С. 418].

Показательно, что это суждение, высказанное 125 лет назад, подтверждается сегодняшней либерально-монетаристской практикой российского правительства, которое ничего существенного не делает для развития реального сектора экономики, в частности высокотехнологичного машиностроения (за исключением оборонного сектора), и экономит расходную часть бюджета на капитальных вложениях в материальное производство. В то же время правительство с каждым годом неуклонно совершенствуется в проведении фискальной политики с помощью постоянно обновляющегося не в пользу большинства населения налогообложения и стихийно ужесточающегося ценообразования: сюда относится недавно заявленное властью введение обязательной для граждан социальной нормы энергопотребления.

В парадигме столь неконструктивного управления национальной экономикой доминантной сферой давно стала не материально-производственная, а денежно-финансовая — как в народной поговорке про телегу, которая стоит впереди лошади.

Во все исторические времена для граждан России, в силу их патерналистских настроений, тема власти была абсолютно значимой и массово востребованной. Так сложилось, что в нашей стране все хорошее, ожидаемое и реализуемое — от обороны против внешнего врага до обеспечения работой и хлебом насущным — граждане связывали с политикой верховной власти и деятельностью государевых людей. И массовая коммуникация в России появилась в результате инициативного шага со стороны государства — известного указа императора Петра I от 16 декабря 1702 года о создании первой русской печатной газеты «Ведомости» о военных и иных делах, достойных знания и памяти, случившихся в Московском государстве и иных окрестных странах. В предрасположенном к эмпатичному восприятию государства народном менталитете сакральное значение приобретают утвердив-

шиеся в массовом сознании «лики власти», которые нельзя уравнивать с ее имиджем как внешним содержанием традиционных для нее намерений и действий, — они определяются диверсифицированным набором апробированных социальной практикой способностей ее воздействия на повседневное поведение граждан, постепенно поддающихся информационно-коммуникативному воздействию хорошо известными позитивными и негативными методами — убеждения, внушения, манипуляции.

Обычно легко узнаваемые в общественной жизни «лики власти» А.И. Соловьев классифицирует следующим образом: «„Первое лицо“ означает ее способность побуждать людей к определенным действиям, заставляя их совершать поступки в русле тех интересов и целей, которые исходят от господствующего субъекта... „Второе лицо“ власти характеризует ее умение предотвращать нежелательные действия людей... „Третье лицо“ обозначает ее возможность осуществлять господство определенных сил при отсутствии видимого и даже смыслового контакта властвующих и подвластных... „Четвертое лицо“ власти демонстрирует ее тотальность, или способность существовать в виде повсеместного принуждения, исходящего отовсюду и не сводящегося к действиям какого-либо конкретного лица» [9. С. 89—90].

Во-вторых, диалектический метод, приложенный к комплексному анализу политической коммуникации, позволяет выделить субъекта политической коммуникации — это прямые участники политической деятельности, непосредственно связанные с процессом управления, в лице законодательных и исполнительных органов власти (депутаты, государственные и муниципальные служащие), и косвенные — избиратели (электорат) в индивидуальном, групповом, классовом измерении; активно действующие структуры гражданского общества, подающие заявки на обладание властью — партии, движения, объединения людей с разными убеждениями и целевыми установками; формирующие публичную сферу и обслуживающие потребности медийного рынка представители средств массовой информации и служб по связям с общественностью, за которыми стоят политизированные (в хорошем смысле) творческие коллективы и ассоциации граждан, заявляющие о своих социальных интересах.

В сложении двух мегасоставляющих «предмет плюс субъект» образуется такая разновидность коммуникации, которая подходит под определение «политическая»: это особый вид социальной коммуникации, представляющий собой информационное воздействие политических акторов друг на друга и окружающую среду (общество) по поводу власти и властно-управленческих отношений. Данный вид коммуникации является атрибутом политической деятельности, без которого последняя в современных условиях не может не только осуществляться, но даже помыслиться. При этом, несмотря на постоянные заверения в том, что в политике морали нет, а есть лишь интересы, есть и другое, более объективное мнение: «Апелляция к общечеловеческим ценностям как регуляторам внутри- и межгосударственных отношений становится типичным приемом для политического дискурса» [13. С. 119].

В настоящее время жанровый арсенал политической коммуникации отличается разнообразием: политические дебаты; политический диспут; политические выступления (как устные, так и печатные); политические заявления; обращения к власти; политические скандалы; политическая брань; политический юмор; ложь, обман и демагогия в политике. К сожалению, последние негативные явления в отечественной публичной сфере становятся множественными и фактически непреодолимыми — в соответствии с социолингвистическим законом равновесия семантики и стилистики, действующего в вербальном общении: для высоких мыслей требуются высокие слова и, наоборот, для низких мыслей — низкие. Каждый актер, даже обладающий властью и, соответственно, большей ответственностью за публично сказанное, может озвучить по телевизионному каналу надуманную историческую небылицу, например, что В. Ленин, оказывается, не собрал воедино осколки развалившейся в 1917 году империи в новую Россию в лице СССР, как считается в научном мире (даже на Западе), а подложил под нее бомбу, которая потом, в начале 1990-х годов, якобы взорвала страну изнутри, — и при этом ничем не рисковать, даже сиюминутным опровержением со стороны ведущего программы. Сюда же относятся антиисторические пассажи известного депутата — политика либерального толка о том, что прервавшая «бурный прогресс» самодержавной страны Октябрьская революция нанесла России непоправимый вред и помешала русским разделить вместе с англичанами, французами и американцами выгоду от победы над Германией и Австро-Венгрией в Первой мировой войне, и что если бы не пришедшая к управлению государством советская власть, то и Второй мировой войны бы не было да и Юрий Гагарин полетел бы в космос не в 1961 году, а на двадцать лет раньше.

По степени сложности, с точки зрения идеологического содержания и коммуникативной формы, на первом месте стоят политические дебаты, а также родственный им политический диспут. По сути, это публичные прения, представляющие собой аргументированный обмен суждениями и оценками субъектов политики, связанный с открытым выражением позиций по общественно значимым вопросам с целью обретения сторонников. Наиболее подходящей здесь считается устная коммуникация, где в развернутом виде происходит демонстрация взглядов и аргументов сторон. К сожалению, эта коммуникация не всегда предполагает достижение хотя бы частичного согласия с оппонентом, а наоборот, допускает стратегию снижения его имиджа (деимиджмейкинг). Бывают и случаи, когда оппонент в телевизионной студии в прямом эфире прибегает к кулачным доказательствам или выплескивает в лицо другому стакан сока, показывая многомиллионной аудитории пример бескультурья.

Максимально часто политические дебаты/диспуты используются на отечественном телевидении, где популярны интересные творческие проекты, которые задумывают и реализуют известные журналисты — В. Соловьев, А. Норкин, А. Прохорова, Е. Попов, О. Скабеева, А. Шейнин, О. Белова: в частности, на НТВ — «К барьеру!» и «Место встречи», на «России-1» — «60 минут», на Первом канале — «Пусть говорят» и «Время покажет», на ТВЦ — «В центре событий» и «Красный проект», на ОТР — «Прав? Да!».

Цель «ток-шоу» для участника дебатов — убедительно показать преимущество своей позиции и аргументации по обсуждаемому вопросу и в результате голосования получить как можно больше голосов очных (сидящих в студии) и заочных телезрителей. По традиции самые интенсивные дебаты на политические темы проходят в течение трех месяцев очередных парламентских и президентских выборов, хотя из этого правила бывают исключения: например, в избирательной кампании 2000 года «основные претенденты отказались от участия в теледебатах, а некоторые и от личного присутствия на телевизионном экране. В. Путин заявил, что не будет ни участвовать в теледебатах, ни унижать себя подготовкой рекламных роликов, поскольку считает, что новый президент должен вплотную заняться строительством сильного государства, от участия в дебатах также отказались Г. Зюганов и Г. Явлинский» [1. С. 27].

Другой популярный политико-коммуникативный модус — парламентские презентации: они позволяют гражданам в период выборов в муниципальные, региональные, федеральные советы депутатов познакомиться с будущими народными избранниками. В свою очередь, кандидатам в депутаты этот коммуникационный «жанр» дает возможность представить свои программы и призвать стать их сторонниками. В ходе дебатов/диспутов широко используются уже апробированные политические ходы, часто популистского характера: простое отрицание реальной проблемы; предложение легкого решения сложного вопроса; признание проблемы как важной, но сокрытие способа ее решения; демонстрация откровенной лжи, домысла и демагогии.

Оптимальную устойчивость политической коммуникации придает исходный принцип ее конструирования — равенство участвующих акторов независимо от их социального статуса и административного ресурса. Но этот принцип нередко нарушается в пользу официальных кандидатов от действующей власти на всех этапах избирательных кампаний (не только при подсчете голосов) и особенно в публичной сфере: «согласно исследованию, проведенному Европейским институтом СМИ в марте 2000 года, освещение деятельности В. Путина на общенациональных (частных и государственных) телеканалах втрое превышало время, предоставленное его оппонентам» [5. С. 10].

Для успеха политического маркетинга требуется обязательное условие — диалоговый или полилоговый модус коммуникации. В демократическом социуме граждане имеют право на собственное, в том числе критическое, мнение о деятельности органов государственного и муниципального управления и даже на сопротивление решениям и действиям неэффективной власти. Это социальное качество проистекает из сути политической коммуникации, связанной с завоеванием, использованием и удержанием власти, т.е. из ее конфликтной природы, на которую, в свою очередь, влияют ценностные, мировоззренческие и психологические особенности субъектов общения со свойственными им интересами. Из этой посылки следует, что политическая коммуникация имеет двухполюсное строение «вес—противовес»: на одном полюсе находится власть, на другом — оппозиция. Чтобы политическое равновесие не нарушалось, оппозиция должна

иметь возможность вести с властью постоянный дискурс от имени тех социальных групп, чьи интересы она защищает. Миссия политической коммуникации в том и состоит, что она «подразумевает не одностороннюю направленность сигналов от элит к массам, а весь диапазон неформальных коммуникационных процессов в обществе, которые оказывают самое разное влияние на политику, формируют общественное мнение и политическую социализацию граждан, мобилизуя интересы» [6. С. 14].

В условиях реальной, а не формальной демократии модель политической коммуникации, как правило, балансируется с помощью симметричного общения и конструктивного взаимодействия власти и оппозиции, что достигается, в первую очередь, через обмен разнопрофильной информацией в ходе политической коммуникации, которая имеет различные аспекты — деятельностный, смысловой, нормативный, системный. Этот функциональный набор позволяет власти и оппозиции в ходе равноправной дискуссии формировать общественное мнение по социально значимым вопросам и преодолевать конфликтные ситуации на основе коллективных решений. Именно этого и не наблюдалось в июне—сентябре 2018 года, когда федеральная власть фактически в одностороннем административно-правовом порядке, не приняв во внимание десятки миллионов протестных голосов, повысила возраст выхода россиян на пенсию с одновременной санацией основных телевизионных каналов от всяких контраргументов.

Путь гармонизации общества и развивающихся социальных структур видится в плюрализме отношений гражданских и властных институтов и включении их в информационный обмен в рамках дискурса в гражданском обществе.

Дискурс — такой вид политической коммуникации, который содержит именно свод статусно-ролевых правил, определяющих оптимальный режим взаимодействия вступающих в диалог или полилог акторов. Участвовать в политическом дискурсе может любой гражданин или группа лиц, имеющих равные права со всеми остальными партнерами. При этом исключается какое-либо принуждение для достижения консенсуса, кроме достигнутого в обмене аргументами согласия. Демократично-деловитый характер политической коммуникации в современных условиях является, по Ю. Хабермасу, обязательной основой консенсуса по социально значимому вопросу: «Процессы взаимопонимания нацелены на достижение согласия, которое зависит от рационально мотивированного одобрения содержания того или иного высказывания. Согласие невозможно навязать другой стороне, к нему нельзя обязать соперника, манипулируя его сознанием и поведением: то, что явным образом производится путем внешнего воздействия, нельзя считать согласием. Последнее всегда покоится на общих убеждениях» [11. С. 200]. Неслучайно в науке и практике выделяют истинный и ложный дискурс: первый — это возможность выработки консенсусного решения конфликтной ситуации, второй — феномен показного согласия, порождение систематического нарушения одного или нескольких правил цивилизованного интеллектуально-эмоционального общения.

Научно выстроенная политическая коммуникация, которая эволюционирует вместе с демократически прогрессирующей социальной системой, позволяет

вооружить последнюю потенциалом осмысленно информирующих и постоянно тематизируемых сообщений политического свойства. Соединяясь вместе, эти сообщения могут обеспечивать надежную связь государственных структур и общественных институтов. Вкладываемый в распространяемые в публичной сфере сообщения политический смысл формирует, упорядочивает и сохраняет культурно-специфическое содержание коммуникативных систем, а различная их тематика, которая меняется в соответствии с повесткой дня, раздвигает границы политического дискурса вплоть до появления «нового смысла» в развитии общественного жизнеустройства.

Постоянно действующая в цивилизованном обществе система «производство — распространение — потребление информации», снабжающая политическими сведениями властные структуры и гражданские институты, не обходится без проблем, которые особенно рельефно проявляются в сфере управления. На одну из них указывают Ж.Т. Тощенко и С.В. Харченко — на информацию как «наиболее уязвимую точку совершенствования стиля работы управленцев... замалчивание («открытой информации»), а еще хуже — ее искажение — может серьезно подорвать политические, экономические устои государства, лишить веры людей» [10. С. 140].

В системном виде политическую коммуникацию следует представлять как единый идеологический и технологический процесс создания, отправления, получения, обработки, декодирования сообщений, оказывающих целенаправленное воздействие на властную (управленческую) сферу. Подобное воздействие совершается в прямом или косвенном виде, его результаты могут проявляться как незамедлительно, так и по прошествии времени. Используемые приемы и способы политической пропаганды и агитации (призыв к участию в выборах и референдумах, обращение за поддержкой того или иного политического курса или субъекта политики) создаются представителями органов власти, коллективов масс-медиа, структур связей с общественностью, отдельными группами для оказания информационного давления на получателей сообщений и привлечения их на свою сторону. Как правило, политические сообщения распространяются с помощью средств массовой информации и коммуникации и могут становиться значимым фактором, обуславливающим политическое поведение больших масс и даже всего населения. При этом циркулирующая в печати, радио, телевидении, интернет-изданиях политическая информация способна породить в обществе устойчивые представления о тех или иных социальных структурах, органах государственного управления, отдельных харизматических персонах, что позволяет им медиакоммуникативным образом формировать себе нужный имидж и вербовать надежных сторонников.

Главный адрес бытования политической информации в демократическом обществе — публичная сфера, которая отличается бесконечным множеством заявленных субъектами духовно-практических потребностей и интересов. В этой связи неизбежностью для политической информации является многообразие жанров и способов ее подачи массовой аудитории. Это способствует ускоренному

принятию верных политических решений по социально важным вопросам, представляющим интерес как для управляющих, так и для управляемых. Как утверждал К. Ясперс, «информация и коммуникация заменили общественный договор» [16. С. 37]. Главное условие эффективности взаимодействия элиты и массы — объективность и достоверность циркулирующих в политической коммуникации фактов, сведений, суждений о намерениях и действиях органов власти. Однако публичная сфера с данной функцией явно не справляется, поскольку заполняется либо обтекаемой, либо комплементарной информацией о деятельности управленцев государственного и муниципального уровня. В целом в обществе наблюдается негативная тенденция падения уровня доверия граждан к прессе — в отличие от прошлых лет, когда большинство считало, что в газетах пишут, по радио говорят и по телевизору показывают только правду. Неслучайно в советский период число обращений граждан в средства массовой информации с жалобами и просьбами, замечаниями и предложениями в 3—4 раза превосходило аналогичное число обращений в партийные и советские органы. Сам факт отторжения людьми политической коммуникации в публичной сфере следует трактовать как отлучение прессы от важнейшей ее функции — социального контроля за государственной и муниципальной властью, что неизбежно негативно сказывается на ее открытости и доступности для граждан.

Осуществление политической коммуникации в публичной сфере — общественная операция, затрагивающая характер отношений элиты и масс и изменяющая статус-кво. Посредством политической коммуникации с ее сущностным «наполнителем» (информацией) обеспечиваются трансформации социальной среды и изменения ментальности. Сам процесс глобализации современного мира демонстрирует, как с изменением коммуникативных систем происходит эволюция социальных общностей, в том числе с политическим уклоном: по Н. Луману, глобализация является лишь «глобальной» коммуникацией, или коммуникацией на новом техническом и социальном уровне [4], позволяющей проводить общественные изменения с большим позитивным эффектом.

При этом следует помнить, что действенный потенциал новейших информационно-коммуникативных технологий (ИКТ), подобно свойствам атомной энергии, можно использовать в процессе общественного реформирования как во благо, так и во зло. С одной стороны, благодаря появлению в каждом доме Интернета, человек получает возможность общаться одновременно с десятками, сотнями и тысячами людей, включая представителей разных языков, культур и социального положения. Столь высокие возможности «электронной эпохи» раздвигают границы прежних интерактивных каналов и помогают человеку стать непосредственно включенным в мировое гражданское сообщество субъектом. С другой стороны, человек нередко утрачивает идентичность в результате слишком частого и не регулируемого контакта с иными социальностями и постоянного пребывания в виртуальном мире.

Таким образом, мы приходим к вопросу об особом информационном «наполнителе» политической коммуникации, который обладает наибольшими проника-

ющими в массовое сознание свойствами, а, значит, сильнейшими регуляционными эффектами. Своеобразным «золотым сечением» политической коммуникации является запущенное по ее каналам управленческое решение — когда предмет этой коммуникации находит своего субъекта и понуждает того реагировать на проблему и создавать алгоритм действий. Тем не менее, это ноу-хау в сегодняшних условиях может резко поднять качество управленческой информации и, соответственно, повысить социально-практическую эффективность управленческих решений. Там, управленческое решение в констатирующей и постановляющей своих частях должно отличаться полнотой информации, относящейся как к предварительному анализу и итоговой оценке состояния объекта, так и к последующему его изменению и развитию.

В качестве идеального информационно-управленческого образца, сочетающего в тексте решения аспекты прошлого, настоящего и будущего крупномасштабной проблемы, можно процитировать дословно небольшой документ, подготовленный, кстати, без использования продвинутых технических устройств, но созданный на основе глубокого анализа собранных и обобщенных сведений: «В ходе наступательных действий частей Красной Армии захвачены у противника десятки тысяч вагонов и сотни паровозов. Ставка Верховного Главнокомандования расценивает захват вагонов и паровозов противника как дело большого и самого серьезного значения. Между тем фронты и армии этому важному вопросу не уделяют достаточного внимания и порой недооценивают его. Ставка приказывает: 1. Командующим фронтами и армиями в процессе наступательных операций принять все необходимые меры по перехвату паровозов и вагонов противника. 2. Захваченный подвижной железнодорожный состав (паровозы и вагоны) немедленно отводить в тыл на 30—40 км с целью сохранения его от воздушных бомбардировок и артиллерийского обстрела. 3. Всемерно поощрять решительные действия бойцов и командиров по захвату железнодорожных парков. Отличившихся при захвате бойцов и командиров награждать орденами и медалями. Верховное Главнокомандование рассматривает захват подвижного состава как равноценный захвату артиллерии и другого вооружения противника, так как такой захват приводит к потере маневренности, подвижности и понижению боеспособности врага» [2. С. 12—13].

Про такой документ, прошедший по каналам политической коммуникации, специалисты обычно говорят в позитивно-аналитическом ключе. В тексте наблюдается идеальное соотношение двух частей — осведомляющей (констатирующей) и директивной (постановляющей), что обеспечивает внутреннюю согласованность управленческой информации. По всем основным параметрам — содержанию, интонации, акцентам, остроте постановке вопроса — обе части документа соответствуют друг другу, причем и в пропорции объемов, которая в основах делопроизводства считается оптимальной в соотношении 1 : 3 или 1 : 4. Другое достоинство этого образца управленческой информации — экономность изложения вопроса и проекта его решения, в документе нет фразеологической «воды» — лишь 142 слова, и каждое точно на своем месте. Нельзя также не отметить пра-

вильность употребления слов, логичное построение предложений, адекватность используемых понятий, ясность и емкость формулировок, обоснованность и четкость адресных требований с арсеналом стимулов. Кроме того, текст решения отличается и другими качествами — плотностью и чистотой информации, или ее объемом на единицу площади письменного управленческого документа. Чистота информации означает, что в тексте решения содержатся лишь те сведения, нормы и алгоритмы, которые имеют прямой управленческий смысл. Соответственно, отраженный в директиве механизм перевода управленческой ситуации из одного состояния в другое ясен и понятен и для тех, кто принимал решение, и для тех, кто будет его исполнять.

Главный результат в работе с управленческой информацией — ее превращение в ходе политической коммуникации в средство взаимодействия, связи, согласования социальных и информационных технологий, которые реализуются совместными усилиями политических коммуникаторов (управленцев) и реципиентов (граждан). Управленцы узнают о потребностях граждан и заявляют о своих намерениях, а граждане узнают о намерениях управленцев и заявляют о своих потребностях — вместе они находят консенсус в рамках общественно полезного дела. Наглядным образцом успешной политической коммуникации по модусу прямой и обратной связи «власть ↔ народ» стала организация работы Портала Правительства Московской области «Добродел», которая в июне—июле 2018 года проходила под девизом «Благоустройство и ремонт дорог в Подмосковье — внесите предложение!» с расчетом на активное участие граждан многомиллионного региона: «Здравствуйтесь! Более 19 000 жителей уже внесли предложения по ремонту и благоустройству региональных и муниципальных дорог на портале „Добродел“. Оставить предложение стало еще проще! Если у Вас еще нет учетной записи Госуслуг, авторизуйтесь удобным для Вас способом, включая социальные сети. Самые активные муниципальные образования: Павловский Посад — 5749 предложений; Шатура — 4696; Клин — 3370; Подольск — 3272; Зарайск — 3089; Домодедово — 1980; Кашира — 1695; Егорьевск — 1633; Луховицы — 1348; микрорайон Дмитровский — 1308. Какие дороги будут включены в план ремонта, где необходимо установить освещение, создать парковку или ликвидировать пробку, построить тротуар или пешеходный переход — выбирать жителям Подмосковья! Оставляйте свои предложения, именно они будут вынесены на голосование! Чтобы оставить свое предложение: 1) найдите на карте свой муниципалитет или воспользуетесь строкой поиска; 2) выберите на карте дорогу; 3) выберите предлагаемые мероприятия из списка; 4) отметьте точкой на дороге, где нужно провести каждый тип работ; 5) по желанию оставьте комментарий и приложите фотографию; 6) авторизуйтесь удобным для Вас способом — и Ваше предложение принято! Вы можете оставить предложение к каждой дороге и выбрать варианты мероприятий. Также Вы можете следить за ходом выполнения и оценивать качество ремонта дорог, включенных в план на 2018 год» [15].

Пространный комментарий здесь не требуется: это искомый вариант государственного управления посредством политической коммуникации на демократической основе, активно продвигающий сообщество региона к гражданскому обще-

ству. Сам факт открытого пересечения намерений элиты и потребностей массы означает реальное хождение власти в народ, хотя бы в заочной форме. Прямая связь получает гораздо больший, чем прежде, шанс получить обратную связь без предварительных записей граждан к большим начальникам в специально назначенные дни и часы приема и, тем более, без долгих утомительных хождений по чиновничьим кабинетам. Сегодняшнему процессу политической коммуникации способствует технически упрощенный обмен сведениями о насущных нуждах населения и адекватных мерах власти. Здесь он приобретает самую удобную для коммуникатора и реципиента форму — через служебный и домашний компьютеры, с помощью электронной почты.

Обычно перспективная управленческая идея, удачно сформулированная толковыми инициаторами, своевременно вброшенная в массовое сознание, закрепленная в «повестке дня» общественным мнением и, наконец, умело переведенная в одну из форм социальной практики (в данном случае — в организационную кампанию с постоянным контролем за ее проведением), обязательно даст эффект, причем многоаспектный: «За неделю с 7 по 13 июля в Дубне через портал „Добродел“ подано 83 сообщения о проблемах. Основные темы для жалоб: парковка на газонах и зеленых насаждениях — 17 жалоб; ненадлежащее состояние деревьев и кустарников — 5; ремонт дороги — 4; разрушение тротуаров и пешеходных дорожек — 3; подтопление территории — 3. При этом на прошлой неделе успешно решены 18 проблем. Из них улучшено содержание зеленых насаждений (газонов) — по 3 жалобам; убраны свалки мусора во дворах — по 2; построен тротуар/пешеходная дорожка — по 1; выполнен ремонт дороги — по 1; устранены нарушения графика движения автомобильного транспорта — по 1. Заходите на портал „Добродел“ и сообщайте о проблемах! Только вместе мы сделаем Подмосковьѐ лучше!» [3].

Многоаспектный эффект общественно полезной кампании, достигаемый с помощью политической коммуникации, проглядывает даже в первом приближении: экономический эффект — средства на улучшение городского кампуса вкладываются оперативно и точно, с наибольшей отдачей; социальный эффект — происходит быстрое облагораживание городской среды и повышается комфортность жизни; психологический эффект — улучшается социальное самочувствие граждан и растет авторитет власти. И все же главный эффект — социально-политический: граждане и чиновники уравниваются в управленческих правах и возможностях, и в рамках кампании они становятся под один стандарт — «решателей» общественных проблем. Не следует только принижать, тем более в средствах массовой информации, высокий гражданский смысл взаимодействия власти с народом подменой терминов, например, называя предложения граждан жалобами. Понятно, что предложения и жалобы вместе входят в общий регламентный набор под названием обращений граждан в органы власти, однако квалификация политико-коммуникативных действий граждан на портале «Добродел» как всего лишь жалоб, этого исторически обветшавшего, хотя и необходимого способа связи населения с чиновниками, сразу переводит участников кампании из разряда активных «решателей» в число заурядных «просителей».

Библиографический список

- [1] *Гринберг Т.Э.* Политические технологии: ПР и реклама. М., 2006.
- [2] Директива Ставки ВГК № 30053 командующим войсками фронтов и армий / *Сталин И.В.* Собр. соч. в 18 т. М., 2009. Т. 15. Ч. 2.
- [3] Добродел // Вести Дубны от 18.07.2018.
- [4] *Луман Н.* Медиа коммуникации. М., 2005.
- [5] Мониторинг освещения СМИ президентских выборов в России. М., 2000.
- [6] Политическая коммуникация. М., 2004.
- [7] Политическая коммуникация в постсоветской России: проблемы формирования и парадигмы развития. М., 2003.
- [8] Политологический словарь. М., 1994.
- [9] *Соловьев А.И.* Политология: Политическая теория, политические технологии. М., 2005.
- [10] *Тоценко Ж.Т., Харченко С.В.* Социальное настроение. М., 1996.
- [11] *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2001.
- [12] *Шалыганов Ю.В.* Проект Россия. М., 2013.
- [13] *Шилина С.А.* Политический дискурс как разновидность управленческого дискурса: подходы к определению и интерпретации // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2017. № 17.
- [14] *Энгельс Ф.* Конраду Шмидту // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 37.
- [15] <https://dobrodel.mosreg.ru/dorogi2018/>.
- [16] *Jaspers K.* Die Ideeder Universitat. Berlin, 1923.

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-2-322-336

The trends of political communication under social modernization*

A.G. Kiselev, P.N. Kirichek

Presidential Herald News Bulletin

Yagodnaya St., 8-1, Moscow, Russia, 115598

Dubna State University of the Moscow Region

Universitetskaya St., 19-1, Dubna, Russia, 141982

(e-mail: alexandr.profession@yandex.ru; kpn54@yandex.ru)

Abstract. The article considers the trends of political communication under the social-cultural dynamics of post-industrial society; emphasizes the maximization of the political-communicative factor in accelerating social progress; assesses the role of political communicative systems in the causal complex of social transformations; describes the resources of political communication to solve the problems of organization and self-organization of public life; considers the constructive possibilities of political-communicative systems to optimize relations between the state and society on the democratic basis; identifies the role of political communication in the development of civil society. The authors describe two mega-elements in the political communication — mechanics (form) and socionics (content); provide an updated and expanded description of the object and subject of political communication in connection with its structural-functional arsenal (activity, semantic, normative and systemic); explain the optimal mode of information exchange between citizens through the channels of political communication — political discourse

* © A.G. Kiselev, P.N. Kirichek, 2019.

The article was submitted on 17.10.2018.

and its genres in the public sphere with an emphasis on television talk shows; assess the importance of the moral-ethical aspect for the political sector of public life; compare the same in essence and different in specifics ‘faces of power’ in connection with its functions. The article also identifies political-communicative conditions for the agreement (compromise) between the government and the people on socially significant issues; clarifies the ideological-technological features of the contemporary political communication; defines the “golden ratio” of communication in the political sphere — a managerial decision, and provides positive and negative examples of managerial decisions within the political-communicative transfer; emphasizes the need to construct a political-communicative process as a dialogue between the elite (government) and the masses (people).

Key words: communication; policy; information; trend; society; state; discourse; resource

References

- [1] Grinberg T.E. *Politicheskie tekhnologii: PR i reklama* [Political Technologies: PR and Advertising]. Moscow; 2006 [In Russ.].
- [2] Direktiva Stavki VGK No. 30053 komanduyushchim voyskami frontov i army [General Headquarters Directive No. 30053 to the Army Group and Army Commanders]. Stalin I.V. *Sobr. soch. v 18 t.* Vol. 15. Ch. 2. Moscow; 2009 (In Russ.).
- [3] Dobrodel. *Vesti Dubny* ot 18.07.2018 (In Russ.).
- [4] Luhmann N. *Media kommunikatsii* [Media Communications]. Moscow; 2005 (In Russ.).
- [5] *Monitoring oshcheneiya SMI prezidentskikh vyborov v Rossii* [Monitoring of the Media Coverage of the Presidential Election in Russia]. Moscow; 2000 (In Russ.).
- [6] *Politicheskaya kommunikatsiya* [Political Communication]. Moscow; 2004 (In Russ.).
- [7] *Politicheskaya kommunikatsiya v postsovetskoj Rossii: problemy formirovaniya i paradigmy razvitiya* [Political Communication in Post-Soviet Russia: Challenges and Paradigms of Development]. Moscow; 2003 (In Russ.).
- [8] *Politologicheskij slovar* [Political Science Dictionary]. Moscow; 1994 (In Russ.).
- [9] Soloviev A.I. *Politologiya: Politicheskaya teoriya, politicheskie tekhnologii* [Political Science: Political Theory, Political Technologies]. Moscow; 2005 (In Russ.).
- [10] Toshchenko Zh.T., Kharchenko S.V. *Sotsialnoe nastroyenie* [Social Well-Being]. Moscow; 1996 (In Russ.).
- [11] Habermas J. *Moralnoe soznanie i kommunikativnoe deystvie* [Moral Consciousness and Communicative Action]. Saint Petersburg; 2001 (In Russ.).
- [12] Shalyganov Yu.V. *Proekt Rossiya* [Russia Project]. Moscow; 2013 (In Russ.).
- [13] Shilina S.A. *Politicheskij diskurs kak raznovidnost upravlencheskogo diskursa: podkhody k opredeleniyu i interpretatsii* [Political discourse as a managerial discourse: Approaches to definition and interpretation]. *RUDN Journal of Sociology*. 2017; 17 (In Russ.).
- [14] Engels F. To Conrad Schmidt. Marx K., Engels F. *Soch.* 2-e izd. Vol. 37 (In Russ.).
- [15] <https://dobrodel.mosreg.ru/dorogi2018>.
- [16] Jaspers K. *Die Idee der Universität*. Berlin; 1923.

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-2-337-351

Методические подходы к оценке контрольно-надзорной деятельности с позиции граждан как конечных бенефициаров*

В.Н. Южаков¹, Е.И. Добролюбова¹, А.А. Спиридонов^{2,3}

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
просп. Вернадского, 82, Москва, Россия, 119571

²Тульский педагогический государственный университет им. Л.Н. Толстого
просп. Ленина, 125, Тула, Россия, 300026

³Аппарат Правительства Российской Федерации
Краснопресненская наб., 2, Москва, Россия, 103274
(e-mail: yuzhakov-vn@ranepa.ru; dobrolyubova-ei@ranepa.ru;
9691043@gmail.com)

Успешность реформирования контрольно-надзорной деятельности в значительной степени зависит от учета позиций всех сторон: бизнеса, государства и граждан как конечных бенефициаров контрольно-надзорной деятельности — при планировании, мониторинге и оценке достигаемых результатов. В рамках приоритетного проекта «Реформирование контрольно-надзорной деятельности в Российской Федерации» интересы граждан как бенефициаров реформы учитываются на основе статистических показателей, отражающих характер, частоту и масштаб причинения вреда в подконтрольных сферах и зачастую рассчитываемых самими контрольно-надзорными органами. Авторы предлагают дополнить данную систему показателями, характеризующими контрольно-надзорную деятельность с позиции граждан как конечных бенефициаров государственного контроля (надзора) и его реформы. Такие показатели могут рассчитываться на основе проведения репрезентативных социологических опросов, что позволит сбалансировать используемую систему оценки. В статье приведены результаты анализа зарубежной и российской практики проведения социологических опросов для оценки результативности контрольно-надзорной деятельности и на основе проведенного анализа сформулированы методические подходы к проведению таких исследований. По мнению авторов, респондентами в подобных опросах могут быть все совершеннолетние граждане независимо от факта обращения в контрольно-надзорный орган. В статье обоснованы виды оцениваемых гражданами охраняемых законом ценностей и группы рисков (угроз), данные по которым могут быть получены социологическими методами. В качестве основных показателей результативности контрольно-надзорной деятельности с позиции граждан как конечных бенефициаров предлагается рассматривать частоту столкновений с необходимостью защиты охраняемых законом ценностей (ниже частота — выше результативность); общую оценку уровня защищенности охраняемых законом ценностей по видам рисков (угроз); а также результаты рассмотрения обращений граждан в контрольно-надзорные органы с целью защиты охраняемых законом ценностей, в том числе в части возмещения причиненного вреда.

Ключевые слова: бенефициары; государственное управление; контрольно-надзорная деятельность; охраняемые законом ценности; результативность; социологический опрос; эффективность

* © Южаков В.Н., Добролюбова Е.И., Спиридонов А.А., 2019.
Статья поступила в редакцию 19.10.2018 г.

В современном мире, предполагающем все более активное участие граждан в выработке, мониторинге и оценке реализации государственной политики, необходимо создание действенных систем учета позиций всех бенефициаров (выгодополучателей) на этапе правоприменительной практики, в том числе при оценке результативности и эффективности контрольно-надзорной деятельности.

Поскольку конечным результатом государственного контроля/надзора является обеспечение надлежащего уровня безопасности в той или иной сфере, бенефициарами общественного блага являются все граждане, жизнь, здоровье, имущество, права и интересы которых подвергаются рискам/угрозам и на минимизацию которых направлена контрольно-надзорная деятельность. Так, бенефициарами контрольно-надзорной деятельности в сфере защиты прав потребителей являются все потребители товаров и услуг; бенефициарами контрольно-надзорной деятельности в сфере транспортной безопасности — все граждане, пользующиеся личным и общественным транспортом; бенефициарами контроля в сфере лекарственной безопасности — все потребители лекарств и т.д. Таким образом, все граждане являются бенефициарами государственного контроля, но не все граждане являются бенефициарами всех видов контрольно-надзорной деятельности (например, пенсионеры и домохозяйки — в сфере обеспечения безопасности на рабочем месте).

Учет мнения граждан как бенефициаров контрольно-надзорной деятельности значим и потому, что, как правило, позиция граждан менее организована и очевидна, а зачастую противоположна позиции бизнеса, традиционно являющегося более организованным стейкхолдером государственного контроля, способным эффективно защищать свои интересы. Поскольку оценка гражданами тех или иных общественных благ и ценностей зависит от многих параметров [12], она не может быть измерена исключительно статистическими методами.

В приоритетной программе «Реформирование контрольно-надзорной деятельности в Российской Федерации» предусмотрены показатели, отражающие интересы разных заинтересованных сторон и рассчитываемые с использованием социологических методов. Так, для оценки показателя «уровень административной нагрузки на организации и граждан, осуществляющих предпринимательскую деятельность», проводятся социологические исследования бизнеса. При расчете «индекса качества администрирования контрольно-надзорных функций» проводятся социологические опросы государственных служащих в органах государственного контроля. В «Базовой модели определения показателей результативности и эффективности контрольно-надзорной деятельности» предусмотрена возможность установления «показателей, характеризующих восприятие обществом контрольно-надзорной деятельности в подконтрольной сфере», однако данный показатель отнесен к индикативным, требования по его формированию, в том числе по расчету на основе независимых исследований, не установлены.

Де факто интересы граждан в отношении контрольно-надзорной деятельности, связанные со снижением рисков причинения вреда охраняемым законом ценностям, оцениваются только на основе статистических показателей, большинство из которых формируется органами власти, чья деятельность подлежит оценке. При таком подходе сохраняются риски манипулирования данными и искажения отчетности [10].

Зарубежный опыт учета позиции граждан в оценке контрольно-надзорной деятельности

В последнее десятилетие в зарубежных странах практика проведения социологических опросов для оценки регуляторных реформ, в том числе контрольно-надзорной деятельности, становится все более распространенной. В 2012 году ОЭСР разработала практическое руководство по проведению социологических опросов, направленных на оценку качества регулирования [15], которое можно использовать и для оценки реформы контрольно-надзорной деятельности. В рамках опросов выявляется оценка выгодополучателями (гражданами, бизнесом) успешности преобразований, определяются наиболее проблемные вопросы в рассматриваемых сферах регулирования, выясняется степень информированности о целях и задачах реформ, а также заинтересованность бенефициаров в запланированных или реализуемых изменениях.

Выборка социологических опросов чаще всего включает представителей бизнеса (в том числе субъектов малого и среднего предпринимательства), однако в случаях, когда регулирование направлено на действия физических лиц, социологические опросы проводятся и среди населения [14].

Примечательно, что и в сфере контрольно-надзорной деятельности адресаты регулирования рассматриваются как клиенты органов государственной власти [22]. В этом смысле социологические опросы, направленные на оценку деятельности контрольно-надзорных органов, с методической точки зрения мало отличаются от опросов, посвященных качеству государственных услуг.

Примером является опрос Службы по совершенствованию регулирования (Великобритания), посвященный оценке регулирования гражданами. Предметом опроса были сферы, представляющие непосредственный интерес для граждан: обеспечение безопасности на рабочем месте и профилактика профессиональных заболеваний, экологические стандарты, безопасность продуктов питания и ограничение курения табака. Репрезентативная выборка состояла из 1000 граждан, опрос проводился методом формализованного интервью. По каждой сфере регулирования граждане высказывали оценку влияния мер регулирования на решение проблем, а также соотношение выгод от мер регулирования и связанных с ним затрат [9]. Опросы граждан, направленные на оценку регуляторных реформ, проводились также в Корее, Франции и Бельгии.

В ряде стран социологические опросы включались в комплексные исследования, направленные на оценку результативности государственного регулирования и/или контрольно-надзорной деятельности в определенной сфере. Так, в Дании было проведено социологическое исследование, направленное на оценку риска заражения мяса птицы потребителями, фермерами и ветеринарами. Было опрошено 2259 граждан, 100 представителей производителей и 41 ветеринар. Исследование показало, что оценка рисков потребителями и производителями существенно различается, что свидетельствует о недостаточном внимании к рискам со стороны производителей [23]. Во Франции в рамках оценки качества государственного

регулируемого раз в два года проводится социологическое исследование «Упрощаем вместе», направленное на оценку информированности и поддержки основных мер административной и бюджетной реформы. В выборку включаются как представители бизнеса, так и граждане (3000 респондентов) [15].

Опросы граждан, направленные на оценку результативности контрольно-надзорной деятельности (либо отдельных направлений такой деятельности), могут проводиться и в составе социологических опросов, нацеленных на оценку качества государственных услуг. Например, компания МакКинзи в изучении удовлетворенности граждан качеством государственных услуг в 15 американских штатах включила в состав оценки сферы, где государство предоставляет не услуги, а общественные блага посредством осуществления контрольно-надзорных функций (общественная и экологическая безопасность) и разрешительных функций (лицензирование профессиональной деятельности); отдельно оценивалось регулирование бизнеса [8].

Социологические опросы широко используются для учета позиции граждан в сфере общественной безопасности; такие исследования проводятся в Канаде, США (на уровне штатов), Хорватии, Сальвадоре и др. При этом используются разные социологические методы — анкетирование и интервью, дистанционное и очное. Так, в Канаде в городе Барнаби в 2009 году было проведено социологическое исследование восприятия гражданами уровня собственной безопасности и опыта обращения в полицию методом анкетирования. В рамках опроса было обработано 248 анкет, или 21,5% общего числа разосланных анкет — 1200. Исследование показало улучшение восприятия безопасности гражданами за последние пять лет и в целом высокий уровень безопасности. В то же время по отдельным аспектам (например, достаточность присутствия полиции на улицах города) оценки оказались существенно ниже. Была выявлена зависимость оценок безопасности от того, были ли респонденты жертвами преступлений в прошлом [18].

В США чаще используется метод интервью в общественных местах. В частности, подобные исследования проводились в Индиане [19] и в округе Колумбия [11]. В первом случае было опрошено 6400 домохозяйств; во втором — 909 респондентов. Проведенный в 2015 году опрос в округе Колумбия показал, что большинство респондентов чувствовали себя в безопасности как дома, так и в общественных местах, в том числе в ночное время; при этом более 20% респондентов за последний год становились свидетелями преступлений. Для снижения уровня преступности большинство респондентов считало необходимым увеличить численность полицейских.

Если в США подобные опросы проводятся на уровне штатов, реже на муниципальном уровне, то в Сальвадоре было проведено национальное исследование восприятия безопасности и доверия к государственным институтам (2013). Была использована многоступенчатая квотная выборка (2400 респондентов). Целью опроса была оценка гражданами уровня общественной безопасности и доверия к государственным институтам. Примечательно, что по итогам исследования был

рассчитан показатель, отражающий уровень удовлетворенности деятельностью государственных институтов, призванных обеспечивать безопасность (полиции, судов и т.д.) [7].

Другой пример учета позиции граждан в оценке контрольно-надзорной деятельности — национальный опрос общественного мнения по вопросам безопасности в Хорватии (2009) [16]. Одной из задач исследования была оценка уровня защищенности граждан от преступности и страха перед преступностью как субъективных показателей личной и общественной безопасности. Были использованы разные методы сбора информации, выборка составила 4500 респондентов: 2000 — телефонные интервью, 2500 — личные интервью.

Анализ зарубежной практики социологических опросов граждан для оценки качества государственного регулирования и контрольно-надзорной деятельности позволяет определить ряд факторов, влияющих на результаты подобных исследований [15].

Во-первых, процесс адаптации к новым мерам регулирования может влиять на оценку их приемлемости больше, чем фактические затраты бизнеса и граждан, связанные с реализацией новых требований. Негативное восприятие новых (дополнительных, измененных) требований, в том числе связанных с предоставлением отчетности, может быть более значимым, чем восприятие выгод от вводимого регулирования для минимизации рисков вреда [21].

Во-вторых, качество государственных услуг, связанных с реализацией мер регулирования, в том числе профессионализм и вежливость персонала, задействованного во взаимодействии с гражданами, влияет на общее восприятие мер регулирования и контрольно-надзорной деятельности. Иными словами, на оценку результативности деятельности государственных органов в сфере контроля может влиять оценка качества предоставления государственных и муниципальных услуг.

В-третьих, сложный язык нормативных актов может негативно влиять на восприятие мер регулирования. В целом уровень информированности о контрольно-надзорной деятельности и ее результатах, о целях и задачах ее реформирования влияет на восприятие граждан. Эксперты ОЭСР отмечают, что, как правило, информированность о менее эффективных мерах регулирования (проблемных сферах) среди граждан и бизнеса выше, тогда как эффективные меры «воспринимаются как должное», что влияет на общее восприятие и оценку гражданами мер регулирования и их реформирования [15].

В-четвертых, публикации в СМИ могут влиять на восприятие гражданами мер государственного регулирования и контрольно-надзорной деятельности, и в отсутствие личного опыта влияние СМИ на мнение респондентов выше [9].

Перечисленные факторы не являются основанием для отказа от использования социологических методов в оценке государственного контроля: без данных о позиции граждан как конечных бенефициаров контрольно-надзорной деятельности реформа в данной сфере может привести к ухудшению, а не улучшению положения. Однако наличие широкого круга факторов, влияющих на восприятие

респондентами результативности контрольно-надзорной деятельности, требует использования для принятия решений разных данных [17], например, результатов фокус-групп [14], статистики и т.д. В этом отношении представляет интерес пример комплексных оценок территорий в Великобритании — результативности местных органов власти, организаций здравоохранения, полиции и пожарной службы. Для проведения оценки был организован сбор данных, включая опросы служащих муниципальных органов, организаций и инспекций, жителей, а также фокус-группы и полуформализованные интервью для формирования 12 кейсов.

В результате исследования было выявлено, что проведение комплексных оценок территорий стимулировало развитие партнерства между органами управления, однако оценки были недостаточны для сопоставления результативности деятельности конкретных служащих. Хотя первоначально предполагалось, что инструмент комплексных оценок территорий будет использован для развития подотчетности органов власти, фактически данная практика не вызвала интереса граждан и СМИ.

Таким образом, хотя совместная (комплексная) оценка результативности взаимодействия органов власти на местах выглядит привлекательной, на практике сложно обеспечить требуемый уровень взаимодействия, в том числе в связи с различиями подходов к бюджетированию и планированию деятельности на национальном уровне [13].

Российский опыт учета позиции граждан в оценке государственного контроля

В российской практике, как и за рубежом, для оценки деятельности государственного контроля чаще используются опросы представителей бизнеса, например, это исследование «Оценка уровня административной нагрузки на бизнес», проведенное Аналитическим центром при Правительстве РФ в 2017 году в рамках мониторинга реализации приоритетного проекта по реформе контрольно-надзорной деятельности; исследование Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей «Мнение собственников и руководителей высшего звена средних и малых компаний об административной среде в Российской Федерации»; социологические опросы в рамках мониторинга реализации Федерального закона от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» [1; 6].

Проведенная в 2017 году РАНХиГС оценка результативности и эффективности контрольно-надзорной деятельности (на примере наиболее массовых видов государственного контроля) также основывалась на результатах социологического исследования, респондентами которого были представители хозяйствующих субъектов [4]. При этом косвенно выявлялось и влияние контрольно-надзорной деятельности на защиту интересов граждан как конечных выгодополучателей государственного контроля — через оценку представителями бизнеса наличия/отсут-

ствия влияния контрольно-надзорной деятельности в целом и отдельных проверок на безопасность и качество продукции, а также на безопасность производственных процессов.

Однако есть и отдельные примеры опросов граждан как бенефициаров государственного надзора, в том числе на региональном уровне [5]. Так, в рамках всероссийского исследования правовой грамотности, проведенного Аналитическим центром НАФИ в 2017 году, рассматривались в том числе распространенность нарушений прав россиян в повседневной жизни и действия граждан по защите своих прав. Было опрошено 1600 человек в 140 населенных пунктах в 42 регионах России. Результаты исследования показали, что за последние перед проведением опроса полгода около трети россиян столкнулись с нарушениями своих прав, при этом лишь каждый пятый из них обращался куда-либо для их защиты. В исследовании граждане рассматривались как потребители, а нарушения группировались по видам услуг (например, медицинские, образовательные услуги, услуги ЖКХ и т.д.).

Для общественной оценки качества и эффективности деятельности Роструда в 2015 и 2016 годы также проводились социологические исследования — опрашивались несколько групп: работники, обращавшиеся в государственные инспекции труда в субъектах РФ, работодатели, у которых проводились проверки, представители объединений работников и работодателей и члены экспертного сообщества, взаимодействующие с региональными инспекциями Роструда, в 13 субъектах РФ с применением методов телефонного интервью и интернет-опроса. Изучались следующие группы вопросов: информированность групп (т.е. открытость Роструда), отношение работников к деятельности инспекции в 2016 году (по итогам обращений), отношение работодателей к деятельности инспекции в 2016 году (по итогам проверок), доверие к инспекции труда региона, сравнение работы инспекции труда с другими органами и мнение о трудовом законодательстве.

Для оценки результативности деятельности ФНС России используются опросы налогоплательщиков — оценки качества налогового администрирования. Подобное исследование проводилось, в частности, в 2008 году Социологическим центром РАНХиГС: использовалась многоступенчатая квотная выборка в четыре тысячи респондентов — физических лиц; опрос проводился на основе личного интервью.

Примечательно, что, как и в ряде зарубежных исследований, опрос проводился как компонент комплексного исследования налогоплательщиков и был дополнен опросом представителей хозяйствующих субъектов (предприятий и индивидуальных предпринимателей) [2]. На региональном уровне опросы проводятся для изучения вопросов защиты прав потребителей и оценки соблюдения законодательства в сфере трудовых отношений.

Проведенный анализ позволяет выявить общие черты и особенности российских и зарубежных социологических опросов граждан по оценке контрольно-надзорной деятельности. Их общая характеристика — рост интереса к использованию социологических методов в сфере оценки государственного регулирования в целом и контрольно-надзорной деятельности в частности. Данная тенденция отражает

необходимость формирования систем «обратной связи» при оценке государственной политики и результативности деятельности государственных органов. При этом практика использования социологических методов для оценки гражданами результативности контрольно-надзорной деятельности только формируется; и в зарубежных странах, и в России пока не выработано единых методических подходов к проведению такой оценки. Среди общих характеристик российского и зарубежного опыта следует отметить более частое обращение к гражданам, представляющим интересы бизнеса (хозяйствующим субъектам), по сравнению с массовыми опросами населения. Как в России, так и за рубежом для оценки контрольно-надзорной деятельности используются различные социологические методы (личное интервью, телефонные и интернет-опросы) на национальном и на региональном (местном) уровне.

Среди особенностей зарубежного опыта следует отметить использование опросов граждан как бенефициаров контрольно-надзорной деятельности в качестве компонента комплексной оценки результативности деятельности государственных органов в той или иной сфере. Такие опросы часто проводятся в рамках исследований, предусматривающих использование и других источников данных (например, опросы представителей бизнеса). Есть и отраслевые различия исследований: в зарубежной практике чаще проводятся опросы граждан по вопросам общественного порядка и безопасности; для российской практики более характерна оценка деятельности налоговых органов и органов по охране труда. Кроме того, в России не используются почтовые опросы домохозяйств и чаще применяются очные варианты опросов.

Методические подходы к проведению социологических опросов граждан по оценке контрольно-надзорной деятельности

Хотя в последние годы интерес к социологическим данным растет, значительная часть социологических опросов в разных странах — это опросы представителей бизнеса, направленные на оценку взаимодействия с органами государственного надзора, административных издержек и т.д. В то же время формируется практика проведения исследований, направленных на оценку уровня безопасности гражданами, и в некоторых случаях они выступают как один из показателей результативности деятельности соответствующих государственных органов [3]. Такой подход позволяет сбалансировать оценку результативности контрольно-надзорных органов и рекомендуется к использованию в рамках мониторинга и оценки реформы контрольно-надзорной деятельности.

Проведенный анализ позволяет сформулировать основные методические подходы к проведению социологических опросов граждан как конечных бенефициаров контрольно-надзорной деятельности с учетом зарубежной практики и специфики российских условий реализации реформы государственного контроля.

1. С учетом значимости реформы контрольно-надзорной деятельности целесообразна разработка, апробация и последующее внедрение оценки результа-

тивности контрольно-надзорной деятельности с позиции граждан как конечных бенефициаров государственного надзора и «потребителей безопасности» как общественного блага. Сроки и периодичность социологических опросов граждан должны учитывать мероприятия по совершенствованию государственного контроля. Международная практика показывает, что проведение подобных исследований с периодичностью один раз в два года или ежегодно является оптимальным. Поскольку в российской практике в рамках реализации реформы государственного надзора предусмотрено проведение ежегодного мониторинга, представляется целесообразным установить аналогичную периодичность и для социологических опросов граждан.

2. Результаты таких опросов должны использоваться для оценки результативности реформы государственного контроля вместе с информацией из других источников (данными государственной и ведомственной статистики, опросов представителей хозяйствующих субъектов, инспекторского состава органов государственного контроля и т.д.). Оценки граждан как конечных бенефициаров реформы отражают восприятие ими предпринимаемых мер, а на него влияют разные факторы (информированность, наличие/отсутствие личного опыта защиты охраняемых законом ценностей и взаимодействия с органами надзора и т.д.). Хотя при формировании инструментов исследования и интерпретации результатов искажения могут быть минимизированы, использование результатов опроса граждан как единственного источника данных для оценки результативности деятельности органов государственного контроля не представляется возможным (проблемы репрезентативности) и целесообразным (объективные ограничения возможности оценки гражданами тех или иных аспектов государственного контроля).

3. В отличие от подходов, используемых при оценке качества предоставления государственных услуг, где респондентами, как правило, выступают только получатели услуг, при оценке государственного надзора факт взаимодействия с контрольно-надзорным органом не является индикатором получения выгоды от общественного блага (сохранения общественно значимой ценности — жизни, здоровья, имущества и т.д.; обеспечения надлежащего уровня безопасности), поэтому все граждане в той или иной степени являются бенефициарами в сфере обеспечения продовольственной безопасности, безопасности непродовольственных товаров и на транспорте, обеспечения соблюдения регулирования в сфере охраны персональных данных, оказания финансовых услуг, соблюдения экологических требований и стандартов. Соответственно, выборка опроса для выявления оценки гражданами результативности контрольно-надзорной деятельности должна включать всех совершеннолетних граждан, а не только граждан, сталкивавшихся с фактами причинения вреда или обращавшихся в органы государственного контроля. Разные группы респондентов могут оценить разные аспекты контрольно-надзорной деятельности: граждане, сталкивавшиеся с теми или иными угрозами, могут оценить личный опыт защиты общественно значимых ценностей и обращения в органы государственного контроля, уровень собственной защищенности в той или иной сфере безопасности, а граждане, не сталкивавшиеся с какими-либо рисками, могут оценить только уровень своей защищенности (рис. 1).

Рис. 1. Респонденты в опросе граждан как бенефициаров контрольно-надзорной деятельности и ее реформы

4. При выборе оптимального метода опроса необходимо учитывать как затраты на проведение исследования, так и надежность получаемых данных. Зарубежная практика показывает, что анкетирование по почте и опросы на веб-сайтах органов государственного контроля не обеспечивают необходимого уровня репрезентативности и не позволяют выявить причины отказа от участия в опросе. Более надежные данные дают личные интервью, однако данный метод исследования является более дорогостоящим. При использовании методов, не обеспечивающих достаточный уровень репрезентативности, рекомендуется дополнять массовый опрос (предпочтительно методом личного интервью) экспертными интервью и/или фокус-группами.

5. Для обеспечения надежности опросных данных целесообразно включать в инструментарий вопросы, позволяющие выявить влияние тех или иных факторов на оценку респондентами результативности контрольно-надзорной деятельности, в частности: уровня информированности о реформе; наличия/отсутствия личного опыта защиты охраняемых законом ценностей (жизни, здоровья, имущества и т.д.), обращения в органы государственного контроля и итогов такого обращения; наличия/отсутствия и расходов граждан на обеспечение защиты своих законных прав и свобод.

6. При проведении исследования под охраняемыми законом ценностями, конечными бенефициарами которых являются граждане, целесообразно рассматривать следующие: жизнь и здоровье; сохранность имущества; права, свободы и законные интересы граждан; сохранность животных, растений, иных объектов окружающей среды; сохранность объектов, имеющих историческое, научное, культурное значение.

7. При разработке инструментария опроса необходимо определить сферы безопасности, в отношении которых граждане могут оценить свой уровень защи-

ценности и результативность деятельности органов государственного контроля. При определении сфер безопасности необходимо учитывать наличие и уровень риска от нарушений в данных сферах и избегать слишком узких и мало значимых для граждан сфер. Исходя из Рекомендаций ОЭСР, принятых в 2014 году [20], можно выделить десять сфер безопасности, по которым следует проводить оценку рисков. Для каждой из этих сфер целесообразно сформулировать группу угроз, в отношении которых граждане могут оценить уровень своей защищенности, частоту столкновения с рисками причинения вреда (себе и близким), а также результативность действий органов государственного контроля в случаях, если граждане в них обращаются (табл. 1).

Таблица 1

**Сферы безопасности и характеристики групп рисков
при оценке гражданами государственного контроля (надзора)**

Сфера безопасности	Характеристика групп риска (угроз)
1. Личная (физическая) безопасность (безопасность от действий преступников по месту проживания, в общественных местах, на улицах)	Риск (угроза) жизни, здоровью, имуществу от действий преступников по месту проживания, в общественных местах, на улицах (кража, грабёж, мошенничество, хулиганство и др.)
2. Продовольственная безопасность (безопасность продуктов питания, приобретаемых в розничной торговле, потребляемых в качестве услуг предприятий общественного питания)	Риск (угроза) жизни и здоровью от некачественных, небезопасных продуктов питания и услуг общественного питания
3. Безопасность непродовольственных товаров и услуг (безопасность товаров и услуг, за исключением продуктов питания)	Риск (угроза) жизни и здоровью, имуществу от некачественных непродовольственных товаров и услуг (за исключением финансовых)
4. Техническая безопасность (безопасность объектов инфраструктуры и строительства, в том числе зданий и сооружений производственного и жилого назначения, коммунальной инфраструктуры), пожарная безопасность	Риск (угроза) жизни и здоровью, имуществу, в том числе памятникам истории и культуры, от пожаров и иных аварий в жилых и производственных зданиях, сооружениях, на объектах инфраструктуры
5. Экологическая безопасность (безопасное состояние объектов окружающей среды, отсутствие угроз животным и растениям)	Риск (угроза) жизни и здоровью, имуществу, растениям, животным, природным комплексам от ухудшения состояния (в том числе загрязнения) окружающей среды, браконьерства
6. Безопасность в сфере здравоохранения (безопасность государственных и частных услуг в сфере здравоохранения, лекарственная безопасность)	Риск (угроза) жизни и здоровью от некачественного предоставления медицинских услуг, некачественных (в том числе испорченных) лекарств
7. Безопасность на рабочем месте	Риск (угроза) жизни и здоровью от неблагоприятных (опасных) условий труда, производственного травматизма и профессиональных заболеваний
8. Транспортная безопасность (безопасность при использовании общественного городского и междугороднего транспорта)	Риск (угроза) жизни, здоровью, имуществу от неисправности транспортных средств, ДТП
9. Безопасность в сфере финансовых услуг (при использовании услуг банков, страховых организаций, иных финансовых институтов)	Риск (угроза) имуществу от нарушений в сфере предоставления услуг банков, страховых компаний, иных финансовых услуг
10. Информационная безопасность и защита персональных данных	Риск (угроза) неприкосновенности личной жизни, имуществу в связи с несанкционированным распространением и использованием персональных данных

8. Граждане как конечные бенефициары государственного контроля заинтересованы в высоком уровне защищенности, минимизации частоты столкновения с фактами и рисками причинения вреда в подконтрольных сферах, а в случае возникновения факта причинения вреда — в скорейшем его возмещении. Исходя из этого, для оценки результативности контрольно-надзорной деятельности с позиции граждан могут быть использованы следующие показатели: частота столкновений с необходимостью защиты охраняемых законом ценностей (ниже частота — выше результативность); результативность рассмотрения обращений граждан в контрольно-надзорные органы для защиты охраняемых законом ценностей (в том числе уровень возмещения причиненного вреда); общая оценка уровня защищенности охраняемых законом ценностей по видам рисков, приведенных в таблице 1. В опросах граждан могут быть оценены и отдельные аспекты эффективности контрольно-надзорной деятельности: наличие (отсутствие) и уровень материальных издержек, которые несут граждане в связи с защитой охраняемых законом ценностей; оперативность рассмотрения обращений контрольно-надзорными органами. Следует отметить, что эффективность контрольно-надзорной деятельности может быть оценена только респондентами, сталкивавшимися со случаями причинения вреда и обращавшимися в органы государственного надзора.

9. При разработке вопросов анкеты об общем уровне защищенности целесообразно использовать шкалу оценки, не предполагающую «среднего» ответа: такой подход используется во многих зарубежных исследованиях, поскольку позиция каждого респондента может быть оценена как однозначно положительная или отрицательная, исключается искажение результатов анкетирования выбором нейтрального варианта.

10. Зарубежные исследования выявили зависимость результатов опроса от дизайна инструментария. Например, общий уровень удовлетворенности качеством государственных услуг выше, если общий вопрос задается до оценки личного опыта обращения за государственной услугой. Если, напротив, вопрос, на основе которого оценивается общая удовлетворенность, идет после оценки конкретных услуг, негативный личный опыт может отрицательно сказаться на оценке [15].

В целом проведение регулярных социологических опросов граждан как конечных бенефициаров контрольно-надзорной деятельности и ее реформы является важным условием учета позиций всех заинтересованных сторон при планировании, мониторинге и оценке результативности мероприятий реформы. Эти опросы необходимы для обеспечения соответствия реализуемых мер ожиданиям и потребностям не только контрольно-надзорных органов и бизнеса, но и главных бенефициаров реформы — граждан.

Библиографический список / References

- [1] *Бойков В.Э.* Защита прав предпринимателей (краткие итоги выборочного социологического опроса) // *Социология власти*. 2010. № 8 / *Boikov V.E.* Zashchita prav predprinimateley (kratkie itogi vyborochnogo sotsiologicheskogo oprosa) [Legal protection of entrepreneurs' rights (summary of the sample survey)]. *Sotsiologiya Vlasti*. 2010: 8 (In Russ.).

- [2] Бойков В.Э. Налоговые отношения в социологическом измерении // Социология власти. 2008. № 5 / Boikov V.E. Nalogovye otnosheniya v sotsiologicheskom izmerenii [Taxation relations in the sociological dimension]. *Sotsiologiya Vlasti*. 2008: 5 (In Russ.).
- [3] Добролюбова Е.И. Международный опыт оценки результативности и эффективности государственного контроля в сфере охраны труда и обеспечения безопасности на рабочем месте // Вопросы государственного и муниципального управления. 2016. № 2 / Dobrolyubova E.I. Mezhdunarodny opyt otsenki rezultativnosti i effektivnosti gosudarstvennogo kontrolya v sfere okhrany truda i obespecheniya bezopasnosti na rabochem meste [International experience of assessing the efficiency of public control in occupational safety]. *Voprosy Gosudarstvennogo i Munitsipalnogo Upravleniya*. 2016: 2 (In Russ.).
- [4] Добролюбова Е.И., Зыбуновская Н.В., Покида А.Н., Южаков В.Н. Оценка влияния государственного контроля (надзора) на деятельность хозяйствующих субъектов // Вопросы государственного и муниципального управления. 2017. № 2 / Dobrolyubova E.I., Zybunovskaya N.V., Pokida A.N., Yuzhakov V.N. Otsenka vliyaniya gosudarstvennogo kontrolya (nadzora) na deyatelnost khozyaystvuyushchikh sub'ektov [Estimates of the impact of state control and inspections on business activities]. *Voprosy Gosudarstvennogo i Munitsipalnogo Upravleniya*. 2017: 2 (In Russ.).
- [5] Троцук И.В., Никулин А.М., Веерен С. Трактовки и способы измерения продовольственной безопасности в современной России: дискурсивные и реальные противоречия // Мир России. 2018. Т. 27. № 1 / Trotsuk I.V., Nikulin A.M., Wegren S. Traktovki i sposoby izmereniya prodovol'stvennoy bezopasnosti v sovremennoy Rossii: diskursivnyye i realnye protivorechiya [Interpretations and dimensions of food security in contemporary Russia: Discursive and real contradictions]. *Mir Rossii*. 2018: 27 (1) (In Russ.).
- [6] Южаков В.Н., Добролюбова Е.И. Итоги комплексного мониторинга практики применения Федерального закона «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» от 26.12.2008 № 294-ФЗ в 2011 г. // Вопросы государственного и муниципального управления. 2012. № 1 / Yuzhakov V.N., Dobrolyubova E.I. Itogi kompleksnogo monitoringa praktiki primeneniya Federalnogo zakona "O zashchite prav yuridicheskikh lits i individualnykh predprinimateley pri osushchestvlenii gosudarstvennogo kontrolya (nadzora) i munitsipalnogo kontrolya" ot 26.12.2008 No. 294-FZ v 2011 g. [Results of the complex monitoring of the implementation of the Federal Law 'On Protection of Rights of Legal Entities and Individual Entrepreneurs when Exercising State Control (Supervision) and Municipal Control' of December 26, 2008 No. 294-FZ in 2011]. *Voprosy Gosudarstvennogo i Munitsipalnogo Upravleniya*. 2012: 1 (In Russ.).
- [7] Aguilar J. The perception of security and confidence in public institutions. 2013. <https://photos.state.gov/libraries/elsavador/92891/Mayo2013/Perception%20Survey%20Baseline%202012%20English.pdf>.
- [8] Baig A., Dua A., Riefberg V. Putting citizens first: How to improve citizens' experience and satisfaction with government services. 2014. www.mckinsey.com/mcg.
- [9] Better regulation, better benefits: Getting the balance right. 2009. <http://webarchive.nationalarchives.gov.uk/20100106160005/http://www.berr.gov.uk/whatwedo/bre>.
- [10] Blanc F. Inspection Reforms: Why, How, and with What Results. Paris; 2012.
- [11] Community Preservation and Development Corporation. Perceptions of Public Safety. 2016. http://www.courtexcellence.org/uploads/publications/Perceptions_of_Public_Safety_FullReport.pdf.
- [12] Jørgensen T.B., Bozeman B. Public values: An inventory. *Administration & Society*. 2007; 39 (3).
- [13] Martin S., Downe J. Performance measurement of local public service networks. *Studies in Public and Non-Profit Governance*. 2014: 3.
- [14] *Measuring Reform Success: Business Surveys, "Client Satisfaction" and Administrative Burden. The Challenges of Obtaining Reliable Data*. Washington; 2012.

- [15] *Measuring Regulatory Performance: A Practitioner's Guide to Perception Surveys*. Paris; 2012.
- [16] National public opinion survey on citizen perception of safety and security in the Republic of Croatia. 2009. http://www.hr.undp.org/content/croatia/en/home/library/crisis_prevention_and_recovery/Safety_and_security.html.
- [17] Perception Surveys in Fragile and Conflict-Affected States. 2013. <http://gsdrc.org/docs/open/hdq910.pdf>.
- [18] Public Safety Survey. 2009. https://www.ufv.ca/media/assets/ccjr/reports-and-publications/Public_Safety_Burnaby.pdf.
- [19] Quinet K., Bird A. Perceptions of public safety issues in Central Indiana. 2000. https://policyinstitute.iu.edu/Uploads/PublicationFiles/81_01-C28.pdf.
- [20] *Regulatory Enforcement and Inspections. OECD Best Practice Principles for Regulatory Policy*. Paris; 2014.
- [21] Russo H. The benefits of regulation: A public and business perceptions survey. 2010. <http://www.oecd.org/regreform/regulatory-policy/45604735.pdf>.
- [22] Thijs N. Measure to improve. Improving public sector performance by using citizen-user satisfaction information. 2011. http://www.eupan.eu/files/repository/20111230120429_Measure_to_Improve.pdf.
- [23] Van Asselt M., Poortvliet P.M., Ekkel E.D., Kemp B., Stassen E.N. Risk perceptions of public health and food safety hazards in poultry husbandry by citizens, poultry farmers and poultry veterinarians. *Poultry Science*. 2018; 97 (2).

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-2-337-351

Methodological approaches to the assessment of state control and inspection system by the citizens as its beneficiaries*

V.N. Yuzhakov¹, E.I. Dobrolyubova¹, A.A. Spiridonov^{2,3}

¹Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration
Vernadskogo Prosp., 82, Moscow, Russia, 119571

²Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
Prosp. Lenina, 125, Tula, Russia, 300026

³Office of the Government of the Russian Federation
Krasnopresnenskaya nab., 2, Moscow, Russia, 103274

(e-mail: yuzhakov-vn@ranepa.ru; dobrolyubova-ei@ranepa.ru;
9691043@gmail.com)

Abstract. The success of the reform of the state control and inspection system depends significantly on taking into account the estimates of all stakeholders, i.e. business, government, and citizens as beneficiaries of the state control and inspection activities; and such estimates should be considered at the stages of planning, monitoring, and evaluating the achieved results. The priority project ‘Reforming State Control

* © V.N. Yuzhakov, E.I. Dobrolyubova, A.A. Spiridonov, 2019.

The article was submitted on 19.10.2018.

and Inspection System in the Russian Federation' considers citizens' estimates only if presented by statistical indicators that reflect the nature, frequency, and scale of harm often measured by the control bodies themselves, i.e. such data are prone to distortion. The authors suggest to supplement this system by indicators allowing the citizens to assess the state control and inspection activities and reform. These indicators can be measured in representative surveys, which would allow to balance the existing system of monitoring the state control and inspection activities. The article presents both international and Russian approaches to the sociological study of the efficiency of the state control and inspection system. The authors identify methodological rules of such surveys, such as that all adult citizens should be questioned regardless of their experience of interaction with control bodies. The article also describes the types of public legally protected values and the types of risks that should be part of sociological questionnaires; and suggests some key indicators for the assessment of the state control activities by the citizens: the frequency of facing the need to protect public values (the lower the frequency, the higher the effectiveness); the general estimate of the public values safety (by groups of risks); and the results of citizens' interaction with the control bodies to protect public values including damage compensation.

Key words: beneficiaries; public administration; state control and inspection; legally protected values; effectiveness; sociological survey; efficiency

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-2-352-363

«Малая социальность» в мире большой социологии: размышляя об идеях Р. Коллинза (к 30-летию городского социологического семинара в СПбГУ)*

П.П. Дерюгин, Л.А. Лебединцева

Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская наб., 7-9, Санкт-Петербург, 199034, Россия
(e-mail: ppd1@rambler.ru; llebedintseva879@gmail.com)

В 2019 году исполняется тридцать лет со дня основания факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета. В течение всего этого времени работал и продолжает работать городской социологический семинар. Как правило, заседания проводятся несколько раз в учебный семестр, и на них обсуждаются наиболее актуальные, остро дискуссионные вопросы, касающиеся как теоретических вопросов социологии (особенно новых теорий и подходов), так и проблемы социальной жизни российского общества. Изначально в формат семинара была заложена идея непосредственного общения ученых и исследователей, создание поля для интеллектуальной деятельности, площадки для обмена идеями и объединения социологов города. Впоследствии обсуждаемая проблематика вышла за рамки городской, стала охватывать внутрироссийскую и даже зарубежную тематику. Непосредственные участники-докладчики приезжают из разных российских городов и стран. Несмотря на такой изменившийся формат, было решено сохранить прежнее название — городской социологический семинар — как известный и узнаваемый социологической общественностью бренд. За прошедший период оформилось несколько форматов заседаний: методологические семинары, семинары-презентации, семинары-знакомства и семинары-школы. Как малая организационная форма семинар обладает многими преимуществами, на которые обратил внимание Р. Коллинз. В частности, на примере анализа «сетевых карт» межличностных знакомств он показал, что «малые группы непосредственного контакта» (семинары) — это такое социальное пространство, где зарождаются и накапливаются прорывные идеи, формируются интеллектуальные ритуалы, «соперничество за пространство внимания» и другие базовые элементы развития научной мысли [2]. Пройдя непростой путь за тридцать лет, учитывая изменившуюся социальную и технологическую реальность (информационные и цифровые технологии), городской социологический семинар доказывает свою востребованность на пороге третьего десятилетия XXI века.

Ключевые слова: малая социальность; информационное общество; социальные сетевые связи; социологи; городской социологический семинар; формы семинаров; Санкт-Петербург

* © Дерюгин П.П., Лебединцева Л.А., 2019.
Статья поступила в редакцию 12.12.2018 г.

Научное сообщество социологов Санкт-Петербурга — пожалуй, одно из самых крупных по численности в России и представляет особый кейс консолидации разнообразных малых организаций профессионалов-социологов как в содержательном смысле, так и с точки зрения множества пересекающихся и развивающихся горизонтальных связей. В городе существует несколько постоянно действующих обществ социологов, постоянно проходят конференции и симпозиумы — большие и не очень, все новые клубы, школы и кружки социологов заявляют о своих научных амбициях. Но прежде всего следует упомянуть о Ковалевских и Санкт-Петербургских социологических чтениях, проведение которых преследует цели формирования и развития новых связей между социологами.

Ковалевские чтения проводятся на факультете социологии СПбГУ. Социологические чтения из года в год организуются на площадках разных университетов города. Такое сочетание мест проведения и встреч социологов позволяет поддерживать межличностные связи между учеными и знакомиться с достижениями социологических кафедр каждого университета.

Очевидно, что без непосредственного контакта ученого с коллегами и учениками наука не может развиваться. Социологическому сообществу хорошо известны многочисленные примеры, когда на масштабные конференции, симпозиумы и форумы записывается большое количество желающих выступить, но фактически эти мероприятия проходят в полупустых залах. Зато какими интересными бывают кулуары! Для многих из нас кулуары часто становятся важнее самой конференции, когда в неформальной обстановке разгораются дискуссии — это и есть основной путь поиска истины. Немаловажно, что кулуарно интеллектуальная «черновая» работа и новые идеи могут быть оперативно обсуждены без строгой научной цензуры.

Помимо конференций только на факультете социологии СПбГУ действует около десятка малых сообществ социологов. Вот уже скоро как пятнадцать лет на факультете функционирует Общество им. М. Ковалевского, которое располагает базой данных о социологах города. Помимо Общества Ковалевского на факультете сложилось около десятка малых обществ: Научные среды, Общество молодых ученых, Студенческое научное общество, Студенческая лаборатория прикладных исследований, Социальная клиника, Общество социальных исследований современного Китая и пр.

Как появились эти малые социальности социологов — стихийно, случайно или благодаря совпадению социальных и иных факторов? На наш взгляд, в реалиях жизни петербургских социологов происходит то, о чем давно пишет Р. Коллинз, размышляя об интерактивных ритуалах в науке, раскрывая социальную концепцию творчества и формирования долговременных репутаций, рассуждая о моделях динамики пространства интеллектуального внимания и роли эмоциональной составляющей в рациональном научном познании, — о важной роли малой социальности в жизни научных сообществ.

Кажется, что цифровое общество беспощадно и глубоко трансформирует мир коммуникаций в целом и внутри научного сообщества социологов в частности. Очевидно, что непосредственных отношений «лицом к лицу» между социологами

становится все меньше. Кто-то даже склонен считать, что горизонтальные коммуникации в виде научных конференций и симпозиумов, а также и другие традиционные для институционализации современной социологической науки формы могут окончательно потерять смысл.

Но возможна ли современная социология без объединения социологов, только как деятельность гениальных одиночек-отшельников, которые формулируют нестандартные гипотезы, не испытывая потребности общения с коллегами? В принципе возможно ли становление ученого-социолога без межличностного контакта с другими учеными? Выигрывает ли наука от разрушения непосредственной контактной среды ученых — их малой социальности? Это те вопросы, которые затрагивают базовые основания институционализации социологии во времена информационного общества. Цель нашей статьи в том, чтобы, во-первых, предложить к обсуждению некоторые актуальные идеи Р. Коллинза, касающиеся развития науки в информационном обществе, и, во-вторых, показать опыт формирования и воспроизводства социальных связей внутри профессионального сообщества, которые складываются в Санкт-Петербурге. Вторая задача — обобщение опыта практической работы — кажется нам весьма важной: можно сколько угодно полемизировать о современных проблемах развития социологической науки, но, если мы не будем обмениваться информацией, наши результаты будут половинчатыми.

Коллинз, размышляя над перспективами современной науки, очерчивает две наиболее очевидные тенденции: *фракционирования* и *синтеза*. Фракционирование отделяет ученого от его коллег, сводится к стремлению работать в одиночку, «замыкаться» в пространстве собственного мира идей, противопоставить себя другим, «максимизировать» свои отличительные черты, работая в одиночку. Напротив, стратегия *синтеза* объединяет ученых и оказывается спасительной, когда «интеллектуалы составляют альянсы из ослабевающих позиций или пытаются снизить эффект парализующей перегрузки от умножения фракций сверх предела, заданного законом малых чисел» [5. С. 203].

Главный вывод Коллинза заключается в признании роли синтеза интеллектуальных усилий исследователей как ведущего тренда развития науки. Во всяком случае «грандиозные философские системы являются высшими точками в динамике синтеза» [5. С. 203].

Очевидно, что ведущий тренд развития науки состоит в объединении исследователей. История науки подтверждает бесперспективность ученых-одиночек, склонных в силу ограниченности мотиваций и стимулов к «свободе творчества». Оставаясь один на один с собственными идеями, ученый изобретает окружающий мир из мира своих представлений. Коллинз настаивает на вынужденном характере творчества как результате противоречивых взаимодействий в сообществе интеллектуалов: «Творчество вынужденно возникает под действием изменений в структуре интеллектуальных сообществ, подобно раствору, который выдавливается через щели при выравнивании кирпичей» [5. С. 203]. Что касается фракционистов, то они появляются с той же неизбежностью, что и почитатели синтеза, но их

творчество «является более полемичным и экстремистским», они «преисполнены противоположным духом, относятся к своим оппонентам только негативно» [5. С. 203]. Поэтому для тех ученых, кто не нашел себя в малых социальностях нового типа, наступает период деперсонализации и асоциализации. Это касается в полной мере тех ученых, кто замыкается в кругу своих идей и не пытается выходить за пределы интернет-общения. Кто-то из них полагает, что возможности современной информационной техники вполне могут заменить интеллектуальное общение. Но уже есть многочисленные примеры таких ситуаций, когда талантливые, одаренные и умудренные опытом профессора или исследователи, потеряв связь с научным сообществом, становятся заложниками своих «накатанных» тем и собственных «открытий по кругу».

Опасность тренда фракционности для личного творчества очевидна и по причинам психологического свойства: общение, эмоции, соревнование идей и пр. — порождение межличностного контакта. По словам Коллинза, «идеи являются общением (коммуникацией), что означает взаимодействие между людьми... идеи обнаруживаются в процессе общения между одним мыслящим человеком и другим ... Мыслители не предшествуют общению, но сам коммуникативный процесс создает мыслителей в качестве своих узлов» [5. С. 46]. Мышление ученого «заряжено динамикой рынка социального членства», а эмоции, побуждающие интеллект, — «эмоциональной энергией» познания [5. С. 82—87]. Но если мышление ученого зависит от его коммуникаций и общения с другим мыслящим человеком, то интеллект социолога — вдвойне.

Стремление к фракционированию существовало и раньше, но будет ли так всегда? Обсуждение проблемы тем более актуально сегодня, когда в условиях больших возможностей для поддержания общения ученых только половина представителей науки позитивно воспринимает межличностное общение [7]. Это странное обстоятельство объяснимо с позиций информационного общества. Один из авторов теории информационного общества — Э. Тоффлер — предсказывал подобные последствия общества «третьей волны» как общества демассификации — распада массового общества под влиянием информационных потоков: «демассификация цивилизации, которую средства связи и отражают, и усиливают, несет с собой огромный скачок в повышении значения информации, которой мы обмениваемся друг с другом» [11. Р. 183]. «Демассификация цивилизации» проявляется многолико, сначала она разрушительна для глобальных сообществ, а в конечном итоге способна привести к самоизоляции людей разных профессий, но, в первую очередь, тех, кто профессионально связан с информацией. «Живя и работая в так называемых „электронных коттеджах“, в которых трудовые процессы и культурные потребности реализовываются кнопчным путем благодаря „демассифицированной“ технике связи и информации, каждый пользователь может транслировать свой собственный образ в электронную среду» [5. С. 2]. Такое общество грозит ученым полным одиночеством, оно «похищало и похищает нас у нас самих» [6. С. 145]. К счастью, такой пессимистичный прогноз выражает только крайнюю точку зрения и справедлив лишь отчасти.

Согласно Тоффлеру рефлексия мира науки способна к воспроизводству путей самосохранения. Общество третьей волны, как общество рушащихся цивилизаций и массового появления одиночек, стимулирует возникновение многочисленных малых групп на почве новых ценностей, групп самоорганизации, в которые объединяются люди с едиными или похожими установками и ценностными ориентациями, отражающими новые порядки складывающегося нового мира: «Во все большей степени люди осознают, что вокруг нас формируется новая культура. И дело не только в компьютерах... Это новые установки по отношению к труду, полу, нации, досугу, авторитетам и т.д.» [9. С. 286]. Тоффлер приводит примеры таких новых форм социальных организаций: ситуационных — на производстве это временные группы специалистов, или «адхократии», а в других сферах социальной жизни увеличивается число «добровольных сообществ» [11. С. 267]. Характерной особенностью таких малых групп становится стремление заявлять о себе, фиксировать свое появление и предъявлять обществу свои ценности, такие группы стремятся к «признанию их уникальности вместо ассимиляции» [8. С. 223].

Этот процесс затрагивает и ученых: во все исторические времена ученые представляют такую социальную группу, которая в известном смысле противопоставляет себя обществу, раскрывая его пороки и потенциалы, снимая ширму устоявшихся традиций и предрассудков, поэтому «интеллектуальная жизнь — это в первую очередь конфликт и несогласие» [5. С. 45]. И если это было характерно для науки во все времена, то тем более такие противостояния будут сопровождать развитие социологии в информационно-цифровом социальном пространстве.

Социологи могут оказаться в мире демассификации, как врачи в период эпидемии: знаем многое, а сделать что можем? Мир социологической науки — мир «длинных идей», мир, который противостоит миру клипового сознания, ратифицированного в обществе «третьей волны». По мере продвижения в «общество демассификации» мир «длинных идей» науки будет все больше вступать в противоречие с миром «клипов» с их короткими сообщениями, объявлениями, командами, заголовками новостей, отрывками из песен и стихов, коллажами и т.д., которые не согласуются со схемами и не поддаются классификации — отчасти потому, что они не укладываются в прежние категории, а отчасти потому, что имеют странную, текучую, бессвязную форму [11. С. 99]. Однако клиповое мышление может стать универсальным, что исключает саму возможность для ученого быть понятным в новом обществе.

Как показывает Коллинз, эмпирический поиск путей воспроизводства науки во все времена предполагал межличностное общение ученых в небольших группах. Его убедительные выводы базируются на моделировании межличностных связей самых ярких представителей науки с древних времен. Коллинз построил «сетевые карты» межличностных знакомств крупных мыслителей в мировой истории (охват — около трех тысяч человек) и показал, что создание малых групп — это социальное ядро или котел, где зарождаются и накапливаются прорывные идеи, формируются «интеллектуальные ритуалы», «культурный капитал» науки, «соперничество за пространство внимания» и другие базовые элементы,

стимулирующие эволюцию научной мысли [5. С. 33—37]. Известно, что многие выдающиеся ученые проводили семинары со своими учениками, в частности можно сослаться на опыт лауреатов Нобелевской премии. Нечто похожее мы видим сегодня и на факультете социологии СПбГУ, и особая роль в налаживании многочисленных связей между социологами Санкт-Петербурга принадлежит А.О. Бороньеву, почетному профессору, первому декану факультета социологии СПбГУ. Вокруг факультета за тридцать лет сформировалось множество ближних и дальних кругов общения — учеников, последователей, коллег и знакомых. Социальный механизм неформальной солидарности вокруг «ученого с именем» — отправной момент возникновения всей большой сети солидарности социологов города, без чего реальное формирование межличностной среды невозможно. Далее срабатывает «цепная реакция» — механизм, основанный на личностных характеристиках конкретных людей. В частности, развитие горизонтальных связей с выпускниками факультета — социальная технология, позволяющая на формальных и неформальных основаниях поддержки университетских традиций.

Вероятно, следует говорить о семинарах и других формах малой социальности ученых как о закономерной локализации круга общения социологов и естественном следствии эпохи постмодерна и демассификации. В этом отношении семинарам отведена особая роль. Но почему семинарам, а не лекциям или конференциям? Ответ на этот вопрос прост: на семинаре возможна свобода мнений и апробация идей среди коллег без оглядки на чрезмерный контроль или жесткую цензуру. В этом и заключается достоинство семинаров как одного из стимулов развития социологической науки. Само понятие семинара — однокоренное со словом «семена», т.е. из чего появляется и развивается что-то новое: «семинар» — от латинского *seminarium* — теплица, рассадник. В данном случае — место, где ученые могут свободно обмениваться идеями, дискутировать, находить поддержку или дружескую критику своим исследованиям. В академической среде, особенно в университетах, таких семинаров-рассадников складывается много, и они бывают очень разными. Понимая важность непосредственного общения и создания площадки для обмена идеями и сплочения социологов города, на факультете социологии СПбГУ с первых дней его существования работает городской социологический семинар. На сегодняшний день история его заседаний охватывает почти тридцать лет, что позволяет обобщить некоторые результаты и показать практику работы, которая составляет важный момент реализации возможностей семинаров как средства формирования малой социальности.

Сначала семинар проводился активно и регулярно, затем наступил длительный период, когда заседания стали проходить нерегулярно, интерес к семинару пропал. В 2011 году Ученый совет факультета принял решение о возобновлении работы семинара: его «задачей стало обсуждение актуальных проблем теории и методологии социологии, результатов исследований и через это — объединение социологического сообщества города. Было решено привлекать ученых из других регионов. При обсуждении концепции деятельности семинара было высказано пожелание, чтобы она носила междисциплинарный характер, что является важным

трендом современной науки. Целью является также привлечение к его работе молодых ученых и студентов» [3. С. 185]. С этого времени семинар проводится на постоянной основе, его работу планирует проектное бюро, состоящее из пяти авторитетных ученых и преподавателей факультета, а практическую работу осуществляет организационная группа, в которую входят руководитель, модератор и секретарь семинара. Все материалы семинаров фиксируются фото- и видеосъемкой и могут быть изучены самостоятельно любым заинтересовавшимся.

Отличительной особенностью городского социологического семинара является свобода выбора тематик выступлений. Во-первых, так повышается интерес докладчика, а, во-вторых, обеспечивается активность присутствующих. Только за последние три года с докладами по результатам исследований на семинаре выступило более двадцати ученых. Важно, что на таких подчас немногочисленных мероприятиях у каждого есть возможность предложить собравшимся свой взгляд на проблему. Следует подчеркнуть и еще одну важную особенность семинара: докладчик выступает сразу в трех ипостасях — как исследователь, как педагог и как лектор-пропагандист своих научных позиций.

Обобщить круг рассмотренных тем на семинаре сложно, но можно выделить его специфические формы: *методологические* семинары, *семинары-презентации*, *семинары-знакомства* и *семинары-школы*. Методологические семинары затрагивают основополагающие принципы и направления развития социологической науки. Чаще всего здесь собираются авторитетные исследователи, для которых важно обсуждение классических оснований социологии и специфики этих оснований в условиях современности. В частности, на заседаниях городского социологического семинара с обстоятельными научными докладами по фундаментальным теоретико-методологическим проблемам социологии выступал профессор П.И. Смирнов. Первый его доклад касался ценностных оснований международного права и необходимости его изменений, второй — современного понимания позитивизма в теоретической социологии, новых возможностей реализации этого концептуального похода. Другой методологический аспект современной российской социологии рассматривался в докладе «Социология в поисках своей идентичности и закономерностей» профессора В.Я. Фетисова, актуальные проблемы методологии социологических исследований в цифровом обществе — в докладе «От конструирования вопросов к поиску следов: как социологи могут использовать преимущества цифровых данных» В.И. Дудиной, заведующей кафедрой прикладной и отраслевой социологии СПбГУ. На семинар приглашался профессор А.Г. Щелкин, сделавший доклад о посмодернизме в социологии, а профессор Н.Н. Шевченко рассказал о «Когнитивной социологии о принципах связи когнитивных и социальных феноменов», и т.д.

Даже простое перечисление проблематики методологических семинаров показывает фундаментальную глубину востребованных тем по теории и истории социологической науки. Внешне это может выглядеть как разрозненные аспекты — бессвязный калейдоскоп концепций теоретической социологии. Однако с точки зрения формирования когнитивного пространства и сети актуальных научных

позиций социологов такой широкий охват проблем обоснованно привлекателен. В этой пестроте есть познавательный позитив — как проявление свободы выбора.

Конечно, не следует забывать, что речь идет об ученых, которые достигли значимых вершин в мире отечественной (и не только) социологии, поэтому оценивать эффект методологических семинаров «высокой науки» не так просто. По этому поводу академик П.Л. Капица говорил: «Чтобы ученый своими работами мог влиять на коллективную работу, необходимо личное общение, необходим живой обмен мнениями, необходима дискуссия, всего этого не может заменить ни печатная работа, ни переписка. Почему это происходит — не так легко объяснить. Я думаю, что большинство из нас по своему опыту знает, как необходим личный контакт между людьми при согласовании творческой деятельности» [4. С. 123].

Как показывает практика, проведение теоретических семинаров влияет на формирование сети научных отношений между учеными с разными интересами, представителями различных научных школ и направлений, дает повод для критического самоанализа собственных разработок и достижений. На последующих конференциях участники теоретико-методологических семинаров ссылаются друг на друга и используют концептуальные идеи своих коллег.

На *семинарах-презентациях* докладчики доносят до научной общественности результаты своих исследований, в которых обобщаются данные об острых проблемах современного российского общества, тенденции развития России в XXI веке.

Спектр обсуждаемых противоречий отражает пестроту жизни россиян. Презентация новых, только складывающихся или остро проявляющихся явлений в социальной жизни россиян обогащает участников знаниями о разнообразных сторонах жизни современного общества. Например, активно участвует в работе семинара профессор И.А. Григорьева: на большом теоретическом и эмпирическом материале она показала непростое положение женщин в современном мире, где государство заявляет заботу о женщине, однако социологические данные указывают на проблемы стимулирования рождаемости, поддержания здоровья женщин, укрепления семьи, справедливой оплаты труда и обеспечения отдыха. Интересным и насыщенным актуальными обобщениями был доклад заведующей кафедрой социологии и политологии СПбГЭТУ Е.В. Строгетской «Организационная культура как ресурс развития современного университета», где были обобщены теоретические подходы к организационной культуре университетов, представлена классификация этих подходов и дана их характеристика. В докладе «Новые тенденции в мире труда» профессор И.Л. Сизова показала, что современные работодатели озабочены поисками новых рынков рабочей силы, готовы на минимальные расходы, но при этом ожидают большую отдачу. Перспективы и трудности развития социологии спорта обобщались в докладе профессора М.В. Синютина, подчеркнувшего отличия социологии спорта по проблематике от социологии физической культуры, атлетики, и оздоровительных практик. Доцент С.С. Ярошенко показала остроту проблем пауперизма в России, раскрыла некоторые пути решения проблемы бедности: материальная необеспеченность ведет к консервации

и воспроизводству особого образа жизни, а иногда и факторов, их порождающих. Доцент А.Е. Кутейников выступил с докладом «Организация Объединенных Наций в теоретических и эмпирических исследованиях социологов», показав изменения в соотношения потенциалов и влияния государственных и негосударственных акторов на систему ООН. Проблемы российского казачества освещались в выступлении профессора С.А. Нежелченко, отметившего многочисленные точки зрения на появление казачества, его историю и идентификационные признаки.

Очевидное достоинство семинаров-презентаций заключается в том, что они отражают реальную жизнь во всей ее противоречивости и сложности, т.е. какова действительность — таковы и темы обсуждения: перекосы в трудовой жизни женщин и бездеятельность ООН в решении взрывоопасных вопросов миропорядка, элитный спорт и неясности с историей происхождения казачества, организационная культура университетов и изменчивость рынка труда — эти и другие темы отражают многочисленные неравенства и противоречия социальной жизни россиян. На таких семинарах возникают самые острые дискуссии, но затем их участники активно используют полученную информацию и социологические данные в своих публикациях и научных работах.

Что касается семинаров-знакомств, то их название говорит само за себя: на заседания приходят докладчики, которые мало известны социологам города — приезжающие из других городов и зарубежья. Так, активное обсуждение вызвал доклад «Региональные проблемы Крыма и общероссийской солидарности (проекты сотрудничества СПбГУ и СевГУ)» представителя Севастопольского государственного университета О.В. Ярмак: докладчик на основе данных эмпирического исследования показал ценности молодежи полуострова. В докладе «Исследование координат детской мобильности в городском пространстве посредством технологий новых медиа» доцент Волгоградского государственного университета Е.Г. Лактюхина показала новые возможности формирования коммуникационной среды подростков и использования для этого научно-технических достижений. Важно, что на семинарах-презентациях выступают не только российские ученые, но и социологи из других стран. Так, в работе семинаров принимал участие профессор М. Стахура (Германия), охарактеризовавший социологический подход к изучению соотношения общественных и личных ценностей; декан факультета социологии Университета Мумбаи Балкришна Витхал Босле и аспирант Прасенжит Хариш Кандерао поделились результатами анализа рынка неформального труда в Индии [10]; профессора факультета социологии Пекинского университета Цю Цзеци, Чжоу Фэйчжоу, Лю Нэн, Тун Син и Фан Вэн рассказали о многочисленных социальных и экономических преобразованиях в КНР, о методологических основаниях пространственной социологии, дилемме «верующий—гражданин» в Китае и т.д.

Следует выделить две важные особенности семинаров-знакомств: во-первых, это известная робость докладчиков, которые впервые встречаются с университетской аудиторией СПбГУ; во-вторых, повышенное внимание к новым лицам со стороны собравшихся и ожидание нетривиальной постановки вопросов пред-

ложенной темы, что требует от организаторов дополнительных усилий по налаживанию коммуникации между докладчиками и аудиторией. Как правило, после семинаров между докладчиками и участниками складываются новые связи, которые перерастают в общие проекты, совместные исследования и статьи.

На заседания семинара-школы приглашается молодежь и студенты, и таких семинаров до последнего времени было немного. В частности, в молодежной аудитории обсуждались вопросы теории и практики молодежного предпринимательства. Докладчиками выступили аспиранты А. Шиляева (Россия), Цзинь Цзюнькая (КНР) и Швун Беннет (ФРГ), которые изучали состояние молодежного предпринимательства в своих странах, что позволило собравшимся провести сравнительный анализ принципов молодежного предпринимательства в Германии, Китае и России. О результатах эмпирического исследования, проведенного среди студентов Санкт-Петербургского и Севастопольского университетов «Солидарность в ценностном потенциале молодежи: сетевые исследования», рассказала студентка В.Е. Архипенко.

В целом малая форма социальности — городской социологический семинар — находит поддержку у специалистов, хотя иногда в отношении его заседаний звучит скепсис, недопонимание и полемические нарекания. Тем не менее, городской социологический семинар в СПбГУ стал площадкой, где ученые-социологи обсуждают важные теоретические концепции и актуальные проблемы современности. Этот опыт подтверждает, что в современном информационном обществе «учебно-научные учреждения не могут существовать без площадок, где проходят презентации результатов исследований, обмен мнениями, дискуссии» [3. С. 185]. В целом, рассматривая историю становления социологического сообщества Санкт-Петербурга с позиций идей Коллинза, понимаешь, что в городе сложилась ситуация, которая является убедительным подтверждением его взглядов: солидарность социологов города в значительной степени является результатом множества горизонтальных отношений, источником которых выступают профессионалы, преданные социологии и испытывающие интерес к общению в профессиональной среде, рассматривая его как необходимое условие развития социологии в современном обществе.

Библиографический список

- [1] Алтатова Э.С. Свободные экономические зоны: теоретические аспекты исследования // Актуальные проблемы экономики и права. 2008. № 3.
- [2] Амкуаб (Микваба) Г.А. Интенции «Демассификации культуры» в современном обществе // Известия ИГЭ. 2014. № 2.
- [3] Бороноев А.О., Негрова М.С., Шаров А.В. Городской социологический семинар: результаты работы // Вестник СПбГУ. Серия 12: Психология. Социология. Педагогика. 2015. № 3.
- [4] Капица П.Л. Эксперимент, теория, практика. М., 1974.
- [5] Коллинз Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск, 2002.
- [6] Кувакин В.А. Твой ад и рай: человечность и бесчеловечность в человеке. М., 2008.

- [7] *Мирская Е.З.* Новые информационно-коммуникационные технологии в российской академической науке: история и результаты // *Социология науки и технологий*. 2010. № 1.
- [8] *Смолкина Д.В.* Концепт демассификации в современном культурологическом знании: медиа-дискурс // *Омский научный вестник*. 2010. № 4.
- [9] *Тоффлер Э.* Будущее труда // *Новая технократическая волна на Западе*. М., 1986.
- [10] *Bhosale B.* History of Matheran Hill Station in India // *Общество. Среда. Развитие*. 2018. № 3.
- [11] *Toffler A.* *The Third Wave*. New York, 1989.

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-2-352-363

‘Small sociality’ in the world of large sociology: Reflections on the ideas of R. Collins (to the 30th anniversary of the City Sociological Workshop in the SPSU)*

P.P. Deriugin, L.A. Lebedintseva

Saint-Petersburg State University
University nab., 7-9, Saint Petersburg, 199034, Russia
(e-mail: ppd1@rambler.ru; llebedintseva879@gmail.com)

Abstract. The year 2019 marks the thirtieth anniversary of the Sociology Department of the Saint-Petersburg State University. During all this period, there was the City Sociological Workshop with the meetings held several times in the academic semester to discuss the most relevant controversial issues related to both theoretical sociology (especially new approaches) and the Russian society social life. The initial idea of the Workshop was to ensure communication between scientists and researchers, and the development of intellectual activity, exchange of ideas and solidarity of sociologists of Saint Petersburg. Then the scope of discussions widened and covered a broader Russian context and even international topics. Thus, speakers of the Workshop today are from different Russian cities and other countries. Despite the changed format, the Workshop kept its name — City Sociological Workshop — as a well-known and recognizable brand for the sociological community. Today, there are several forms of its activities: methodological workshops, presentations, meetings and schools. As a small organizational form the Workshop has many advantages described by R. Collins. In particular, the analysis of the ‘network maps’ of interpersonal relationship allowed Collins to argue that the creation of ‘small groups of direct contact’ ensures a social space in which new ideas are developed and accumulated, and intellectual rituals, ‘rivalry for the space of attention’ and other basic elements of the evolution of the scientific thought are formed [1]. Despite different difficulties of thirty years under the changing social and technological realities of the information society, the City Sociological Workshop proves its necessity and importance at the beginning of the third decade of the twenty-first century.

Key words: small sociality; information society; social networking; sociologists; City Sociological Workshop; forms of workshops; Saint Petersburg

References

- [1] Alpatova E.S. Svobodnye ekonomicheskie zony: teoreticheskie aspekty issledovaniy [Free economic zones: Theoretical aspects of the research]. *Aktualnye Problemy Ekonomiki i Prava*. 2008; 3 (In Russ.).

* © P.P. Deriugin, L.A. Lebedintseva, 2019.
The article was submitted on 12.12.2018.

- [2] Amkuab (Mikvabia) G.A. Intentsii ‘demassifikatsii kultury’ v sovremennom obshche [Intentions of the ‘demassification of culture’ in the contemporary society]. *Izvestiya IGE*. 2014; 2 (In Russ.).
- [3] Boronoev A.O., Negrova M.S., Sharov A.V. Gorodskoy sotsiologichesky seminar: rezultaty raboty [City Sociological Workshop: The results of work]. *Vestnik SPbGU. Seriya 12: Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika*. 2015; 3 (In Russ.).
- [4] Kapitsa P.L. *Ekspirement, teoriya, praktika* [Experiment, Theory, Practice]. Moscow; 1974 (In Russ.).
- [5] Collins R. *Sotsiologiya filosofiy: globalnaya teoriya intellektualnykh izmeneny* [The Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change]. Novosibirsk; 2002 (In Russ.).
- [6] Kuvakin V.A. *Tvoy ad i ray: chelovechnost i beschelovechnost v cheloveke* [Your Hell and Paradise: Humanity and Inhumanity in Man]. Moscow; 2008 (In Russ.).
- [7] Mirskaya E.Z. *Novye informatsionno-kommunikatsionnye tekhnologii v Rossii: istoriya i rezultaty* [New information and communication technologies in Russia: History and results]. *Sotsiologiya Nauki i Tekhnology*. 2010; 1 (In Russ.).
- [8] Smolkina D.V. *Kontseptsii demassifikatsii v sovremennom kulturologicheskom znanii: media-diskurs* [The concept of demassification in the contemporary cultural studies: The media discourse]. *Omsky Nauchny Vestnik*. 2010; 4 (In Russ.).
- [9] Toffler A. *Budushchee truda* [The future of labor]. *Novaya tekhnokraticeskaya volna na Zapade*. Moscow; 1986 (In Russ.).
- [10] Bhosale B. *History of Matheran Hill Station in India*. *Obshchestvo. Sreda. Razvitiye*. 2018; 3.
- [11] Toffler A. *The Third Wave*. New York; 1989.

РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-2-364-372

**Исцелить травму:
Рецензия на книгу: Тощенко Ж.Т. Прекариат:
от протокласса к новому классу.
М.: Наука, 2018. — 350 с.***

Притязание социологической науки на владение исчерпывающим и достоверным, эмпирически верифицированным знанием о социальной реальности к концу XX века было поставлено под вопрос самой этой реальностью, на глазах изумленного наблюдателя ставшей терять определенность. Возможно, что понимание неопределенности, поливариантности течения социальных процессов стало результатом достигнутого социологами более глубокого понимания природы социального, но, как бы то ни было, градус неопределенности повысился так, что, характеризуя принципиальную специфику современной социологии, И. Валлерстайн указал на необходимость работы с неопределенностью, а З. Бауман снабдил социальное эпитетом «текущее».

Одним из проявлений победного шествия неопределенности в социологии стала эволюция понимания социального: от ригидного, предметного образования, жестко ограничивающего проявления спонтанности индивидов, описанного Э. Дюркгеймом, к поистине текучему, размытому, изменяющемуся вместе с субъектом процессу структуриации у Э. Гидденса, а в акторно-сетевой теории Б. Латура от социального не осталось ничего, кроме трудноуловимых и мгновенно испаряющихся социальных связей, по следам которых обречен бродить социолог: «Социальное — не та вещь, которую можно видеть или постулировать. Оно видимо только по следам, которые оставляет (при испытаниях), когда возникает новая ассоциация между элементами, не являющимися никоим образом „социальными“» [2. С. 20—21]. Естественно, что между неопределенностью знания о социальном и неопределенностью самих социальных процессов имеет место корреляция: социологическая рефлексия конструирует теоретический образ усложняющейся реальности.

В новой книге Ж.Т. Тощенко, посвященной анализу процессов, идущих в современном обществе, неопределенность занимает центральное место. Отмечая нарастание неопределенности в теоретико-социологических интерпретациях

* © Волков Ю.Г., 2019.

Статья поступила в редакцию 28.02.2019 г.

общества, Тощенко констатирует утрату актуальности, постигшую в начале XXI века ведущие макросоциологические концепции: «В настоящее время поставлено под сомнение использование для объяснения происходящих в мире трансформаций не только таких теорий, как буржуазное и социалистическое общества, но и постиндустриальное и информационное, постмодернистские концепции и даже общество знания, которые до конца XX века задавали тон в социологической трактовке социально-экономических и социально-политических процессов, происходящих в мире» (с. 12).

Если основные макросоциологические объяснения социальной реальности перестали работать или обнаружили свою неполноту применительно к реалиям сегодняшнего дня, то возможны два типа отношения к этому факту. Первый тип характеризуется готовностью признать неопределенность, связанную с кризисом макросоциологических конструкций, как неизбежность развития и усложнения общества и социального знания, которое к настоящему времени оказалось неспособным прийти к единой модели объяснения тонкой, текучей и едва отслеживаемой социальной реальности. Латур, в частности, предлагает осуществить критическое переосмысление социологии, аналогичное кантовской критике философии, направленное на устранение объяснительных концепций как таковых и переход к описанию отслеживаемых социальных связей. С помощью такой обновленной социологии — «социологии ассоциаций» — он предлагает преодолеть неопределенность и перейти к построению реалистического эмпирически верифицированного социального знания.

Другой тип отношения к неопределенности, более традиционный, но от этого не теряющий привлекательности, заключается в поиске новой макросоциологической концепции, адекватной современности. В книге Тощенко предпринята попытка разработки такой концепции на базе введенного П. Штомпкой понятия социальной и культурной травмы, где она рассматривается как ключевая характеристика не только социальных структур и отношений, но и самоощущения включенных в эти отношения людей. В совокупности то и другое определяются Тощенко как «общество травмы» — вслед за известной концепцией Штомпки, определяющего травму «социальную трансформацию», в основе которой лежат «длительные, непредвиденные, отчасти неопределяемые, имеющие непредсказуемый финал процессы, приводимые в движение коллективным агентством (agency) и возникающие в поле структурных опций (ограниченных возможностей действия), унаследованных в результате ранних фаз указанных процессов» [8. С. 6—7]. Исходя из этого определения, социальная и культурная травма — продукт и следствие социальных процессов, запущенных неким коллективным агентом, но в дальнейшем развивающихся спонтанно, причем так, что результаты ранних фаз их реализации на более зрелых фазах выступают как ограничения дальнейшего развития.

Термин «травма», приобретший популярность в современной социологии и активно используемый российскими исследователями в самых разных контекстах, позволяет, по мнению Тощенко, описывать негативные последствия системной трансформации общества. Анализируя проблемы и противоречия, возникшие в результате стратегически непродуманного сценария системных преобразований,

ставшего основным фактором множества разнообразных деформаций, автор обосновывает вводимый им новый термин «общество травмы»: «Трактовки происходящих деформаций... можно расширить до понятия „общество травмы“, если иметь в виду противоречивый, турбулентный и деформированный характер общественных процессов, когда анализ происходящих изменений в мире и в конкретных обществах имеет огромный смысл с точки зрения объяснения и понимания сущности реальных преобразований (катастроф)» (с. 12).

К обществам травмы относятся все восточноевропейские общества, развивавшиеся по социалистическому сценарию, но подвергшиеся радикальным преобразованиям со стороны сил и групп, декларируемые цели которых не были обеспечены стратегическим мышлением и пониманием специфики своих стран. Под понятие «общество травмы» подпадают и все социальные образования, ввергнутые в состояние неопределенности и дезорганизации внутренними и внешними силами, носителями националистических или религиозно-экстремистских идеологий, и все общества, жизнедеятельность которых не организована на основе стратегических принципов управления, а «пущена на самотек».

Можно заключить, что критерием отнесения к обществу травмы является не специфика факторов, приведших к травме, а скорее возникшее в результате их действия состояние, характеризующееся высокой степенью дезорганизации, воспроизводством устойчивых деформаций, неопределенностью и непрогнозируемостью. Это состояние сопровождается нисходящим развитием, что не свойственно обществам, изменяющимся ни эволюционным, ни революционным путем: «К родовым чертам всех обществ травмы следует, прежде всего, отнести дезорганизацию экономической и политической жизни, стагнацию и даже потерю и откат от тех экономических и социальных рубежей, которыми обладали эти страны до вступления на путь изменения вектора своего развития. Более того, можно говорить о деградации, которая отбросила эти страны от достигнутого уровня» (с. 16). Таким образом, общество травмы отличается и от состояния, которое связано с прохождением кардинальных, революционных по масштабу трансформаций, поскольку революционным преобразованиям свойственны не только издержки, но и позитивные результаты, а общество травмы кроме издержек катастрофического характера не предполагает ничего.

Предлагаемая Тощенко макросоциологическая концепция общества травмы как типа социального устройства, принципиальной чертой которого является отсутствие позитивных результатов развития, представляет собой способ теоретического осмысления ситуаций, в которых к настоящему времени по тем или иным причинам оказались многие общества, утратившие конструктивную модель развития, отвечающую их этнокультурным и хозяйственно-экономическим особенностям. Критерием общества травмы выступает не структурно-институциональная или культурно-идеологическая определенность: под эту категорию подпадают разнообразные по общественному укладу и культуре общества, которые объединяет только одно — захвативший все стороны социальной, экономической, политической и культурной жизни процесс деградации, неопределенность и хаос.

Концепция общества травмы выступает рамочной для рассмотрения основной темы монографии. Возникновение прекариата как специфического слоя или класса, занимающего важное место в размытой социальной структуре современных обществ, в том числе российского, рассматривается автором как следствие процессов нарастания неопределенности как в обществах высокой модернизации, так и в переживших травмировавшую их системную трансформацию. Парадоксальность этой параллели лишь кажущаяся, поскольку, как в свое время показал О.Н. Яницкий, высокая модернизация порождает собственные риски (а также и травмы), обусловленные высокой рефлексивностью зрелого социума и столь же высокой изменчивостью и гибкостью, «текучестью» в терминологии З. Баумана: «Происходящие процессы модернизации, ставшие олицетворением глобализационных сдвигов, создали по всем параметрам — технико-технологическим, организационным, экономическим, социальным и культурным — огромную зону не только неопределенности, но и неустойчивости, которая только в наступившем XXI веке наглядно проявилась в двух мировых экономических кризисах — 2008/09 и 2014/2015 годов» (с. 65). Что касается обществ травмы, то в них неопределенность возникает по другим причинам и под действием иных факторов, связана с высокой степенью дезорганизации социальной жизни, посттрансформационного ослабления социальных институтов, отсутствием выверенной стратегии реформирования. При этом указанные факторы действуют на фоне описанных выше глобальных кризисных явлений в экономике, технико-технологических прорывов, способных быстро и радикально изменять жизнь большого количества людей, в целом роста изменчивости, характерного для современного мира. Общество травмы существует в условиях наложения глобального роста неопределенности на неопределенность иной природы, порожденную внутренними социально-экономическими, политическими, культурными коллизиями.

Таким образом, возникновение в российских условиях прекариата как слоя людей, не нашедших себе постоянной ниши в структуре занятости, объясняется в монографии не только современными процессами в рыночной экономике, характер которых лишил почвы привычные представления о стабильной занятости, но и общим культурным и социально-экономическим контекстом общества травмы, в котором рядовые акторы утратили возможность долгосрочного и текущего планирования профессиональной карьеры, вынужденно депрофессионализировались в результате невостребованности или невозможности трудом по профессии обеспечить достойный уровень жизни себе и своей семье: «Тяжким испытанием... становится потеря социального статуса, когда прекарный труд начинает означать утрату прежних привычных жизненных позиций, прежней профессии, социального положения. Обычно это связано с изменением ранее имеющихся профессиональных навыков, уменьшением контактов с ранее имевшимся социальным окружением» (с. 73).

Как показывает автор, прекариат в России частично является продуктом распада не успевшего окончательно сформироваться среднего класса, на который в ходе реформ 1990-х годов возлагались большие надежды как на будущую опору общества согласно проектируемой неолиберальными реформаторами его струк-

туре, в которой средний класс должен был занять центральное и ключевое для реализации реформ место. Однако деформация социально-классовой структуры российского общества, обусловленная непродуманностью реформ, контрпродуктивной деятельностью новых элит, ориентированных прежде всего на реализацию частноэгоистических интересов, нашла отражение в возникновении социального слоя, по многим параметрам противоположного среднему классу, максимально незащищенного и нестабильного. Речь идет о «деформации социально-классовой структуры и резко увеличивающихся в ней социально и экономически неустроенных слоев — имеющих временную, сезонную, официально не оформленную, неполную занятость, безработных, молодежи, потерявшей надежду найти работу по профессии, неустроенных и эксплуатируемых мигрантов» (с. 29).

Иными словами, реальность оказалась такова, что наиболее массовым в российском обществе стал нижний слой среднего класса при общей тенденции смещения вниз всех социальных статусов, и при этом социальный статус приобрел «плавающий» характер, а сложившаяся социальная структура характеризуется нестабильностью [3. С. 325, 334]. Однако возникновение прекариата связано не только с прекарризацией нижнего сегмента среднего класса — этот слой с неопределенными границами пополняется за счет представителей всех слоев российского общества.

Размытость границ прекариата и критериев отнесения к нему объясняется тем, что в процесс прекарнизации вовлекаются представители разных слоев, различающиеся уровнем образования и квалификации, а также другими значимыми характеристиками. В силу этого факта социологи не могут прийти к единому мнению в оценке места прекариата в стратификационной структуре и в понимании того, благодаря размыванию каких именно слоев происходит его пополнение. Однако, как показывает Тощенко, среди исследователей доминирует мнение, что прекарнизация труда — продукт «политической экономии неопределенности» (Бауман), тотальной нестабильности социально-экономических связей и отношений, повторяющихся в глобальном масштабе финансовых и экономических кризисов, общей атмосферы непредсказуемости.

Несмотря на различия характеристик неформально занятых, наиболее фундаментальной чертой, объединяющей их, является социальная обездоленность и уязвимость, связанные с прекарризацией. Ввиду неустойчивости нигде официально не зафиксированных социальных позиций таких работников они лишаются возможности пользоваться теми социальными благами, которые общество предоставляет официально работающим по найму, выпадают из сферы правовой защиты и социальных гарантий. Такое положение характеризуется высокими рисками и депривированностью социальных потребностей высшего порядка — в принятии обществом, социальном уважении, личностной и профессиональной самореализации. Кроме того, оно характеризуется социально-экономической неустойчивостью, отсутствием внятного социального статуса, неуверенностью в завтрашнем дне. Степень депривированности работников, относящихся к прекариату, такова, что в исследовании Г. Стэндинга прекариат располагается в стратификационной

структуре ниже, чем пролетариат, в интерпретации классического марксизма являющийся символом абсолютной обездоленности.

Подробно анализируя положение прекариата, Тощенко, опираясь на многочисленные исследования, оценивает его по разным показателям и приходит к выводу, что даже по уровню материальной обеспеченности неформально занятых он уступает официально оформленным работникам, несмотря на распространенное в обществе мнение, что доход от официальной занятости в бюджетных сферах ниже, чем у работающих по неформальному договору. Неформальная занятость обрекает работника на полный произвол работодателя, который может в свою пользу трактовать принятые устные договоренности, менять условия, избирательно соблюдать трудовое законодательство или не соблюдать его вовсе (неформально занятые вдвое чаще сталкиваются с несоблюдением работодателем трудового законодательства — с. 101). Неформальная занятость исключает для работника обращение к механизмам правовой защиты в случае производственных конфликтов, а также использование механизмов социальной защиты и социальных льгот, страхового медицинского обслуживания и кредитов.

Хотя процесс прекаризации захватил многие общества, в современной России он имеет свою специфику. Феномен прекариата в российских условиях тесно связан с одной из базовых проблем нашего общества — теневой экономикой. Хотя исследователи полагают, что наличие теневой экономики характерно для всех современных рыночных обществ и в принципе является нормой, если ее доля в экономике страны не превышает 10%, в России положение иное: доля теневой экономики, по разным источникам, составляет от 15% до 46% (с. 52). Такие масштабы теневого сектора обусловлены тем, что в период системных реформ ослабли социальные институты и снизилась эффективность контроля за экономикой. В то же время теневая экономика стала значимым источником занятости для огромного числа людей, выброшенных из официальной экономики в результате массового закрытия промышленных предприятий и НИИ, а также для тех, чьи доходы от официальной занятости были недостаточными для жизни в условиях «шоковой терапии». Не стоит сбрасывать со счетов и печально известные хронические невыплаты официальных зарплат и пенсий в 1990-е годы, а также выгодные для частного бизнеса теневые формы оплаты труда наемных работников.

Таким образом, гигантские масштабы российской теневой экономики стали результатом непродуманного сценария реформ и объективным следствием трансформационных процессов. В свою очередь, разрастание теневых экономических отношений повлекло за собой и рост теневой занятости на основе неофициального договора работодателя и работника. В такой системе координат не остается места для трудовых и социальных гарантий, — оплата наличными становится единственным благом для работника. Как говорил персонаж известной детской сказки, «нам бы ночь простоять и день продержаться» [1].

Другая разновидность прекариата — фрилансеры, растущий слой самозанятых, находящих себе работу и источник существования все чаще в Интернете, работающих дистанционно в самых разных сферах деятельности, люди творческих

и обычных профессий, сменившие род деятельности и осваивающие новые формы заработка: сетевую торговлю, интернет-журналистику, модерирование и администрирование сайтов, рекламную деятельность, создание и ведение блогов, приносящих доход.

Подробный анализ разных форм современной самозанятости, неофициального или полуофициального трудоустройства позволяет автору сделать вывод, что в России, как во всем мире, «в занятости наряду с традиционными и ранее распространенными ее видами появились деформированные, ущемленные, нестандартные формы трудовых отношений — неформальные, нетипичные, временные, неполные... в современной экономике стали расти группы людей, которые находятся в неустойчивом, негарантированном социальном положении» (с. 59). Делая акцент на депривированном состоянии представителей прекариата, Тощенко меняет шаблон привычного восприятия, для которого неофициальный и тем более дистанционный труд выглядит предоставляющим более высокую степень свободы и независимости работника, выводящим его за рамки жесткой схемы официальной полной занятости.

Основной пафос монографии, как и других книг Тощенко [5—7], — критический. Анализируя причины возникновения прекариата и его место в стратификационной структуре, автор не только раскрывает социальную и экономическую сущность прекариата как феномена современности, но и дает детальный и глубокий обзор состояния общества и экономики — как в глобальном обобщении, так и применительно к России и другим постсоветским странам. Эта задача решается на основе привлечения значительного массива исследовательской литературы и рассматривается в тесной увязке с глобальными процессами.

Как и целый ряд предшествующих работ Тощенко, монография написана на стыке социологии и философии. Однако если книги трилогии — «Парадоксальный человек», «Кентавр-проблема» и «Фантомы российского общества» — представляют собой построенные на феноменологических принципах типологизирующие описания современной российской действительности на грани философской эссеистики, то «Прекариат» — чисто социологическая работа, опирающаяся на большой объем данных эмпирических исследований, аналитическая и даже несколько сухая, как и подобает научному труду. Однако если вчитаться внимательно, сквозь текст монографии проступает скрытая философская прошивка: она связана с традиционной для философии антропологической проблематикой и затрагивает тему аутентичного бытия человека. Что важнее для того, чтобы чувствовать себя удовлетворенным жизнью, а жизнь — состоявшейся? Свободное парение в неопределенности и постоянное реформатирование профессиональной идентичности, карьерных целей и установок или ощущение стабильности и персональной значимости через востребованность обществом и рынком труда? Что ценнее для человека — официально занимать некую нишу в структуре занятости, обладая при этом всей полнотой прав работника и понимая обязанности работодателя, или же конвертировать свои трудовые права в живые и устраивающие тебя наличные деньги, заключив неформальный договор с работодателем и фактически превратившись в его бесправного и зависимого слугу?

Вынуждаемые ценить и принимать то, что предложило нам современное общество травмы, лишенное ориентиров, мы свыклись с урезанным и деформированным профессиональным статусом, со сниженной ценностью профессионального достоинства, мы забыли все это, как, согласно М. Хайдеггеру, современная философия забыла Бытие. Среднестатистический россиянин, социализированный в обществе травмы, привыкший жить, работать, решать свои проблемы в «тене-визированном» (Р.В. Рывкина) обществе, беззащитен и травмирован: он знает, что надеяться может только на себя, не верит в социальную справедливость, но верит в силу и деньги. В официальные институты он тоже не верит: в социальной памяти россиян еще живо воспоминание о том, как в годы «шоковой терапии» институты, казавшиеся незыблемыми, сложились, как карточные домики, обнажив растерянных и застигнутых врасплох людей, воспитанных в доверии к обществу и государству.

Разговор об обществе травмы — это разговор в макросоциологических категориях, однако само по себе понятие «травма» — очень «человеческое» понятие, отсылающее к ценностям милосердия и сострадания и неявно указывающее на ценность целостности. Человек общества травмы — «раненая» личность с деформированной жизненной траекторией и, самое главное, с урезанным самосознанием в том, что касается собственной личностной и профессиональной ценности. Деформация профессиональной идентичности — важнейшего элемента современного человека — неразрывно связана с травмой на макросоциальном уровне.

Общество всегда трансформирует человека под свое состояние, формируя соответствующий ему социальный тип, который становится доминирующим и, в свою очередь, накладывает печать своего миропонимания на характер повседневных практик и иерархию ценностей. От «винтика» производства, всецело погруженного в свою непосредственную функцию, до индивидуалиста-потребителя, равнодушного ко всему, кроме ассортимента товаров и услуг, от атеиста до религиозного фанатика — таков диапазон изменений социального типа личности в зависимости от флуктуаций социума. И если общество формирует тип человека, готового постоянно жить и работать в условиях неопределенности, добровольно отказавшись от социальных прав и гарантий, на которые мог бы претендовать согласно институциональному порядку, это говорит о деформации отношений между обществом и его рядовыми акторами. Во многом этот социально-психологический и социокультурный сдвиг свидетельствует о презентационном характере официального «портрета» общества при все более теряющей соответствие ему реальности.

Новая книга Тощенко вносит весомый вклад в социологическую рефлексию над состоянием современного российского общества: в ней дается трезвая оценка доминирующей тенденции происходящих в нем изменений. Эти изменения, к сожалению, не радуют: российское общество остается «обществом травмы» и «обществом травмированных». Неопределенность пришла в него не в ореоле свободы и снятия неоправданных ограничений, а в трагическом облачении разочарований и утрат. И для того чтобы травма была исцелена, необходимо осознание обществом ее как источника дефектов и деформаций жизненного мира

россиян. Именно в зеркале социологии общество и может увидеть свою травму. А проблема прекаризации труда — тот конкретный материал, который позволяет вплотную и крупным планом увидеть следы травмы сквозь призму профессиональных траекторий и в целом человеческих судеб наших соотечественников и современников.

Библиографический список

- [1] *Гайдар А.* Сказка о военной тайне, о Мальчише-Кибальчише и его твердом слове. М., 1961.
- [2] *Латур Б.* Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М., 2014.
- [3] *Тихонова Н.Е.* Место среднего класса в социальной структуре российского общества // Средний класс в современной России. Опыт многолетних исследований / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М., 2016.
- [4] *Тощенко Ж.Т.* Кентавр-проблема. М., 2011.
- [5] *Тощенко Ж.Т.* Парадоксальный человек. М., 2001.
- [6] *Тощенко Ж.Т.* Социология жизни. М., 2016.
- [7] *Тощенко Ж.Т.* Фантомы российского общества. М., 2015.
- [8] *Штомпка П.* Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1.

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-2-364-372

**To heal the trauma:
Review of the book: Toshchenko Zh.T. *Prekariat:
From Protoproclass to a New Class.*
Moscow: Nauka; 2018. — 350 p.***

© Yu.G. Volkov, 2019.

The article was submitted on 28.02.2019.

НАШИ АВТОРЫ

Алимбекова Гульжан Токтамысовна — кандидат социологических наук, директор Центра изучения общественного мнения (Алматы, Казахстан) (e-mail: welcome@ciom.kz).

Вишневский Юрий Рудольфович — доктор философских наук, профессор кафедр социологии и технологий государственного и муниципального управления и организации работы с молодежью Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (e-mail: soc_stu@e1.ru).

Волков Юрий Григорьевич — доктор философских наук, директор Южнороссийского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук; научный руководитель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета (e-mail: ugvolkov@sfedu.ru).

Дерюгин Павел Петрович — доктор социологических наук, профессор кафедры прикладной и отраслевой социологии Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: ppd1@rambler.ru).

Добролюбова Елена Игоревна — кандидат экономических наук, заместитель директора Центра технологий государственного управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: dobrolyubova-ei@ranepa.ru).

Иванов Вилен Николаевич — доктор философских наук, член-корреспондент и советник Российской академии наук (e-mail: vilen_ivanov@bk.ru).

Калиниченко Людмила Николаевна — научный сотрудник Центра изучения проблем переходной экономики Института Африки Российской академии наук (e-mail: kalinichenkolyudmila@mail.ru).

Киричѐк Петр Николаевич — доктор социологических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Университета «Дубна» (e-mail: kpn54@yandex.ru).

Киселев Александр Георгиевич — доктор социологических наук, главный редактор информационного бюллетеня «Президентский контроль»; академик Российской академии естествознания (e-mail: alexandr.profession@yandex.ru).

Кублицкая Елена Александровна — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социально-политических исследований Российской академии наук (e-mail: eakubl@yandex.ru).

Куракин Александр Александрович — старший научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; старший преподаватель кафедры экономической социологии, старший научный сотрудник Лаборатории экономико-социологических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: chto-delat@yandex.ru).

Лебединцева Любовь Александровна — доктор социологических наук, доцент кафедры экономической социологии Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: llebedintseva879@gmail.com).

Маршак Аркадий Львович — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: sociology@mail.ru).

Милтоевич Весна — доктор социологии, профессор Университета Ниша (e-mail: vesna.miltojevic@znrfak.ni.ac.rs).

Морозенская Евгения Викторовна — кандидат экономических наук, заведующая Центром изучения проблем переходной экономики Института Африки Российской академии наук (e-mail: evmorozen@mail.ru).

Назаров Михаил Михайлович — доктор политических наук, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований Российской академии наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: vy175867@yandex.ru).

Нархов Дмитрий Юрьевич — кандидат социологических наук, доцент кафедры организации работы с молодежью Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (e-mail: d_narkhov@mail.ru).

Нидерле Паоло — доктор социологии, доцент Федерального университета Рио-Гранде-де-Сул (Бразилия) (e-mail: pauloniederle@gmail.com.ru).

Никulin Александр Михайлович — кандидат экономических наук, директор Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: nikulin@ranepa.ru).

Пашкова Елена Владимировна — кандидат экономических наук, доцент кафедры национальной экономики Российского университета дружбы народов (e-mail: evpashkova@gmail.com).

Петрович Ясмина — доктор социологии, профессор кафедры социологии Университета Ниша (Сербия) и Университета Приштины в Косовской Митровице; президент Сербской социологической ассоциации (e-mail: jasminafilfak1@gmail.com).

Спиридонов Андрей Алексеевич — кандидат юридических наук, профессор кафедры правовых дисциплин Тульского педагогического государственного университета им. Л.Н. Толстого; заместитель директора департамента Правительства Российской Федерации по формированию системы «Открытое Правительство» (e-mail: 9691043@gmail.com).

Тамбо Талла Робер Херве — аспирант кафедры национальной экономики Российского университета дружбы народов; агент налоговой службы Агентства по налогам и сборам правительства Канады (e-mail: tamboherve@yahoo.fr).

Тркуля Йовица — доктор социологии, профессор факультета права Белградского университета (e-mail: trkulja@ius.bg.ac.rs).

Шабденова Айжан Базархановна — докторант кафедры социологии и социальной работы Казахского национального университета им. Аль-Фараби (e-mail: aija2005@mail.ru).

Шлюкич Срджан — доктор социологии, профессор кафедры социологии Университета Нови-Сада (e-mail: srdjan.sljukic@ff.uns.ac.rs).

Шлюкич Марица — доктор социологии, доцент кафедры социологии Университета Нови-Сада (e-mail: srdjan.sljukic@ff.uns.ac.rs).

Шнайдер Сержио — доктор социологии, профессор Федерального университета Рио Гранде-де-Сул (Бразилия) (e-mail: schneide@ufrgs.br).

Шувакович Урош — доктор социологии, профессор кафедры философии и социальных наук факультета обучения преподавателей в Белградском университете; член-корреспондент Сербской академии образования (e-mail: uros.suvakovic@uf.bg.ac.rs).

Южаков Владимир Николаевич — доктор философских наук, директор Центра технологий государственного управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: yuzhakov-vn@ranepa.ru).

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

В журнале публикуются статьи по методологии, истории и теории социологии, статьи по результатам социологических и междисциплинарных исследований по широкому кругу вопросов социально-гуманитарного знания на русском и английском языках, а также реферативные обзоры и рецензии.

Редакция принимает к рассмотрению статьи, оформленные в строгом соответствии со следующими правилами:

1. **Объем рукописи** — от 30 до 50 тысяч знаков (с пробелами) для статей, от 12 до 20 тысяч знаков — для рецензий. Формат страницы — А4, шрифт — Times New Roman, размер шрифта — 12, межстрочный интервал — полуторный, нумерация страниц не проставляется. Отступ первой строки абзаца — 1,25, поля на странице — 30 мм слева, 20 мм справа, сверху и снизу. Ссылки даются в тексте в квадратных скобках, внутри которых первая цифра указывает на номер источника в библиографическом списке, вторая, стоящая после прописной буквы «С», — на номер страницы в источнике (например, [1. С. 26]; ссылка на несколько источников — [1. С. 126; 4. С. 43]). Ссылки на примечания даются в круглых скобках, например, (1).
2. Все **таблицы, схемы, графики и рисунки** встраиваются непосредственно в текст статьи. Они должны быть пронумерованы и озаглавлены. Таблицы должны иметь заголовки, размещаемый над табличным полем, рисунки — подрисуночные подписи. При использовании в статье нескольких таблиц и/или рисунков их нумерация обязательна.
3. **Формулы** размечаются, поясняются и снабжаются библиографическими ссылками.
4. В рукописях необходимо приводить два списка ссылок на использованные в работе источники — «**Библиографический список**» и «**References**». Ссылки на источники в Библиографическом списке следует оформлять в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008; References — в стиле Vancouver в версии АМА. Требования к оформлению Библиографического списка и References приведены на сайте журнала: http://journals.rudn.ru/index.php/index/pages/view/References_guidelines.
5. К статье обязательно прилагаются:
 - ◆ **аннотация** (резюме) объемом 250—300 слов на русском и английском языках;
 - ◆ **список 7—8 ключевых слов** на русском и английском языках; каждое ключевое слово или словосочетание отделяется от другого точкой с запятой;
 - ◆ **авторская справка** на русском и английском языках, где указываются: Ф.И.О. (полностью), официальное наименование места работы, должность,

ученая степень, а также **данные для связи с автором** — адрес места работы, включая почтовый индекс, номер телефона (служебный, мобильный), электронный адрес; в статье **допускается не более четырех соавторов**.

Решение о публикации выносится в течение четырех месяцев со дня регистрации рукописи в редакции. Материалы, не принятые к изданию, не возвращаются. Редколлегия не вступает с авторами в переписку в случае отказа от публикации их материалов.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений.

Публикуемые материалы могут не отражать точки зрения редколлегии.

Представляя в редакцию рукопись, автор берет на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редколлегии.

С содержанием вышедших номеров и аннотациями статей можно ознакомиться на сайте журнала в сети Интернет: <http://journals.rudn.ru/sociology/index>.

Для отправки статьи в редакцию необходимо заполнить форму на сайте журнала <http://journals.rudn.ru/sociology/information/authors>, где также приведена подробная информация для авторов.

AUTHORS' GUIDELINES

The journal publishes articles on the methodology, history and theory of sociology, articles on the results of sociological and inter-disciplinary studies covering a wide range of issues in social sciences and humanities written in Russian and English, as well as brief surveys and book reviews.

The editors will consider articles strictly complying with the following standards:

1. **The size of the manuscript** — from 30 to 50 thousand symbols for articles; from 12 to 20 thousand symbols for reviews. References are to be given in the text in square brackets, inside of which the first figure indicates the number of the source in the references list, the second one, following the capital letter “P”, indicates the page number in the source (for example, [1. P. 126]; references to several sources — [1. P. 126; 4. P. 43]). References to footnotes are to be given in round brackets, for example, (1).
2. All the **tables, diagrams, graphs, and drawings** are to be incorporated in the text of the article. They are to be numbered and supplied with a title. Tables are to be given a title placed above the table, drawings are to have captions. When several tables and/or drawings are used in the article, their numeration is obligatory.
3. **Formulas** are to be marked out, explained and provided with references.
4. The manuscript must include a list of references submitted in accordance with the Vancouver style of the AMA version. Requirements to ‘References’ can be found on the journal’s website: http://journals.rudn.ru/index.php/index/pages/view/References_guidelines.
5. **It is obligatory to attach** the following to the manuscript:
 - ◆ **abstract (summary)** of 250—300 words in Russian and English;
 - ◆ **a list of 7—8 key terms** in Russian and English; each key term or word-combination is to be separated from another one with a semicolon;
 - ◆ **information about the author** in Russian and English, including: the author’s full name, the official name of the place of employment, position, scientific degree, as well as **the author’s contact data** — mailing address, telephone number (office, mobile), electronic address; **the number of co-authors cannot be more than four**.

The decision as to publication is made within four months from the day the manuscript is registered at the editorial office. Materials which are not accepted for publication will not be returned. The editors will not enter into correspondence with the authors in case of refusal to publish the articles submitted by them.

The authors will bear full responsibility for the selection and authenticity of the given facts, quotations, statistical and sociological data, proper names, geographical names and other information.

The published materials may not reflect the viewpoint of the editorial board and the editors.

The author, submitting a manuscript to the editors, undertakes not to have it published, either in full or partially, in any other publication without the editors’ consent.

The published issues and abstracts of the articles are available on the website of the journal: <http://journals.rudn.ru/sociology/index>.

To send the article to the editors the author need to fill in a form on the website <http://journals.rudn.ru/sociology/information/authors>, which also provides the detailed information for authors.